

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

Рудман Вл. Тьва в прошлом и
настоящем. — с. 111 — 126.

3

НОВОСИБГИЗ • 1941

С И Б И Р С К И Е О Г Н И

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН
НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Г О Д И З Д А Н И Я
Д В А Д Ц А Т Ы Й

3

МАЙ — ИЮНЬ

1 9 4 1

СОДЕРЖАНИЕ

Проза и стихи

Иван Шухов. Действующая армия. Главы из 2-й части романа	3
Анатолий Ольхон. Песни ненцев. (Импровизации)	38
Иги. Рождественский. На улицах Игарки. Встреча солнца. Стихи	40
Н. Кудрявцев. В походе. Рассказ	41
Вл. Заводчиков. Военные рассказы	58
П. Драверт. Искатель самоцветов. Стихотворение	66
Георгий Павлов. Из цикла „Открытие страны“. Три стихотворения	67
Стихотворения Ивана Франко. (К 25-летию со дня смерти)	69

Дела и люди

И. Зобачев. Кузбасс. Очерк	71
--------------------------------------	----

Горький и Сибирь

Горький и литературное движение в Сибири	84
Письма Горького Ивану Шухову	103
Н. Емельянова. „Работайте усердно и смело“	105
И. Молчанов-Сибирский. М. Горький и „База курносых“	107

Публицистика

Вл. Рудман. Тува в прошлом и настоящем	114
--	-----

Страницы прошлого

С. Тихонов. Завоевание Сибирского царства. Статья	127
---	-----

Критика и библиография

А. Высоцкий. На службе познания жизни. (Об очерках Н. Емельяновой)	136
Ар. Г. 105 дней. (О книге „Бои в Финляндии“)	139
В. Бурмин. Конец „конца земли“	143
В. Бурмин. Безответственное издание	145
Вл. Рудман. „Искусство Бурят-Монгольской АССР“	146
А. Коптелов. Стихи великого казахского поэта	148
М. Гудошников. „От казачьего зимовья до советского Иркутска“	150

Что читать о Горьком	152
--------------------------------	-----

Хроника

По краям и областям Сибири	154
--------------------------------------	-----

В. Бельков	158
-----------------------------	-----

Письмо в редакцию	160
-----------------------------	-----

Редколлегия:

А. А. Бабаянц   И. А. Мухачев
 В. А. Вихлянец   Г. П. Павлов
 С. Е. Кожевников   Е. И. Песикина
 А. Л. Коптелов   А. И. Смердов

Ответственный редактор С. Е. Кожевников

Технический редактор В. М. Лисина

Корректоры: В. К. Герсони, Т. И. Новикова

Адрес редакции: Новосибирск, Советская, 6, комн. 89.

Журнал „Сибирские огни“ № 3 за 1941 г. Новосибирское Областное Государственное Издательство. Индекс X-1-в. Изд. № 46.

Сдано в набор 24|IV—20|V-41 г. Подписано к печати 27|V—7|VI-41 г. Формат 70×108/16.
 Объем: 5,062 бум. л., 10,125 печ. л., 18,366 уч.-изд. л., 76800 тип. зн. в печ. л.
 Тираж 10.000. МН 25210. Цена 4 р.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об освобождении тов. МОЛОТОВА В. М. от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Ввиду неоднократного заявления тов. Молотова В. М. о том, что ему трудно исполнять обязанности Председателя Совнаркома СССР наряду с выполнением обязанностей Народного Комиссара Иностранных Дел, удовлетворить просьбу тов. Молотова В. М. об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 6 мая 1941 года.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов. И. В. СТАЛИНА Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Назначить тов. СТАЛИНА Иосифа Виссарионовича Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 6 мая 1941 года.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов. В. М. МОЛОТОВА заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Назначить Народного Комиссара Иностранных Дел тов. МОЛОТОВА Вячеслава Михайловича заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 6 мая 1941 года.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

Главы из 2-й части

ГЛАВА I

В конце апреля предстоял инспекторский смотр сформированного перед походом казачьего эшелона.

А за неделю до смотра открылась в степной стороне традиционная на Горькой линии конская ярмарка. Ежегодно в эти издревле облюбанные кочевыми народами места, сюда, к развалинам древних мазар Темерлана, стекались из глуби голубых Прибалхашских степей тысячи конских косяков. И великая равнина глухо звенела под проливными дождями притупленных копыт. И от трубных звуков тревожного ржания прятались в норах юркие степные зверьки, и хоронились в окрестных займищах настороженные волки. На десятки долгих, как песня кочевника, чортом мереных верст простиралось это, похожее на становище прибудных орд, необозримое торжище. Точно в лиловом дыму от чудовищных степных пожарищ, смутно и призрачно маячили по увалам шарообразные, белые, как кипень, байские юрты: это пыль, поднятая на скотопроезжих дорогах и трактах, вставала косою стеной и, клубясь под конскими копытами, плыла, поднимаясь кругами, в заоблачные высоты. В степи стоял такой гул, словно били где-то поодаль в сорок тысяч бубнов. И земля, содрогаясь от этих ритмических ударов, плыла из-под ног, кружилась и меркла: так плывет, меркнет и кружится она в предзакатный час у захмелевших всадников, возвращающихся по домам с веселой ярмарочной карусели.

Кого только не привлекало в пустынную степь это живописнейшее библейское торжище! Бродили здесь толпы возбужденных и крикливых, как дети, кочевников. Метались, как угорелые, от коня к коню, азартно пощелкивая великолепными кну-

тами, пыльные цыгане. По-лисьи шустро и лживо шныряли по толпам тертые ярмарочные барышники и природные конокрады.

И только одни линейные казаки прогуливались по торжищу, не спеша, степенно и важно — как на параде. Держась на особи от прочего ярмарочного люда, они бродили по ярмарке группами равными, примерно, взводу, и — как правило — всегда бжюли строгий строевой порядок. Впереди шли, тихо поблескивая сединами, старики. За стариками — подтянутые, готовые к далеким походам, надменно улыбающиеся встречным девчонкам, молодые служаки.

Вели здесь себя линейные старожилы как наказные атаманы на армейском смогору. Без непристойной и подозрительной суетни, без присущей всему ярмарочному миру горячности, — деловито, строго и почти торжественно осматривали они приглянувшихся лошадей и, приценившись к ним, прочь отходили, притворно равнодушные ко всему и глухие. Торопиться им было некуда да и не к лицу. Ведь речь шла о выборе боевого друга молодому казаку. А строевого коня приобрести — не девку выеивать. Уж кто-кто, а господа станичники, вдоволь показававшие на своем веку, знали толк в конской науке и в лошадином характере разбирались не хуже цыган, барышников и конокрадов. По одному только беглому взгляду на круп, на щетки, на постав конской шеи и головы тотчас же мог определить старый казак: а годен ли такой конь для великих испытаний в походной и боевой жизни; способен ли он пронести сквозь огонь и воду неустрашимого всадника своего и храброго воина; и сможет ли сказать про него потом будущий владелец так, как говорится в старинной казачьей песне:

Мой конь болезней не боится,
 Всегда здоров и громко ржет.
 Ему на месте не стоится —
 Копытом грозно землю бьет!

Вот такого коня, бродя в этот день с одностаничниками по шумному торжищу, искал для Агея и Платон Тимофеич Бушуев.

Старики, сопровождавшие Платона, нили — как полагается — сомкнутым строем, а за ними следовали их сыновья, в числе которых был и Агей. В отличие от цыган и конокрадов старые казаки вооружены были кручеными армейскими плетями, молодые — шашками. Этого требовали от них неписанные ярмарочные порядки. Мало ли какого греха не может случиться в минуту решающего торга за строевого коня: то цыган сдурю цену набивать начнет, то какой-нибудь барышник пристанет — не отлипнет. А в таких случаях — казаки это твердо знали — верная плеть с обнаженным клинком в секунду любое дело решить могут. Тут зевать не приходится — дело ярмарочное!

Теплый и ветреный день был близок к закату. Уж не так резво и лихо плясали под цыганами с утра хватившие по шкалику «первачу», но протрезвевшие к вечеру хваленые рысаки и вышколенные иноходцы. Теперь уж трудно было заставить такую лошадь крутиться под всадником на одном копыте, взвизгивая свечой в кольце прослезившихся от азартного рева ярмарочных зевак или стлаться в безумном карьере над битыми в пыль ковылями. Ни черта уже не получалось ни у всадников, ни у лошадей. И те и другие к вечеру так расписались, что едва волокли теперь отекишие ноги и понуро удалялись с ярмарочного круга к далеким таборным своим шатрам.

В этот час встретил Агей знакомого цыгана Яшку. Яшка тащился, заметно поблекший и поникший, навстречу казакам, с трудом волоча за собой на поводу еще недавно отбивавшую под ним трепака саврасую клячу.

— Ты што-то рановато, цыган, пары понче спустил. Ади весь завод из кобылы вышел?! — насмешливо крикнул Агей Яшке.

— Так точно, господин казак. Весь наскрозь вышел... — признался цыган без какой-то бы ни было обиды.

— Худо дело твое, цыган.

— Худо, казак. Очень худо. А почему худо — знаешь?

— Не могу знать, Яша.

— Самогонку, варнаки, на отрубях у хохлов продавать стали с браком. Вот почему. Раньше ты ей, христовой лошадушке, шкалик первого сорту выпоишь, дак ведь она под тобой битые сутки, как ероплан, ходуном ходит. Как земля на трех китах крутится. Пламя из нее под тобой получается — сам загореться можешь. А теперь ты ее и бутылкой не объедешь. Водичкой, подлецы, первач разуполивают. Вот какое безобразие допускают! Кругом обман, понимаешь. Просто невозможно стало торговать честному человеку!

— Ну, куды там!

— Просто кругом получается сплошное нахальство... — сказал цыган, злобно держа за повод остановившуюся лошадь.

...Так, позубоскалив на ходу со встречным цыганом, Агей нагнал своих стариков и, пристроившись к ним в затылок, плечо в плечо с покорно следовавшими за стариками однорядниками, снова тронулся нога в ногу с ними, устало приглядываясь к примелькавшимся лошадям и крутящимся вокруг них, словно заводным, барышникам.

Длительное скитание по ярмарке утомило Агея. И, может быть, от усталости, а, может быть, и от кружки залпом выпитого при могоарыче отвратительного третьесортного самогона, — бог ведает отчего, но овладело Агеем тупое равнодушие ко всему на свете: и к великолепной вороной полукровке, на которой все время гарцевал у него на глазах старик Саранский; и ко всей этой беспорядочной ярмарочной суетне, которую любил он до самозабвения с детства; и ко Ксане Руденко, вдруг показавшейся ему в эту минуту какой-то непривычно полуютчужденной, полудалекой. Точно из полужабытого сна вставал теперь в памяти его облик девушки и никакого отклика не вызывал он сейчас в душе Агея. И — странное дело — даже конь, которого разыскивали они с родителем среди этого торжища целый божий день с таким рвением, — и к нему охладел Агей, неожиданно утратив к дальнейшим поискам его былую охоту.

Агей шел вслед за стариками в строю своих сверстников, шел, ни о чем особенном, кажется, не думая, ничего не желая. Впрочем, нет. Он думал в эту минуту о предназначенном инспекторском смотре. Затем, на какое-то мгновение он очень ярко представил себе красивую, подобранную и гибкую фигуру сотника Саранского. Почему-то он вспомнил о том, как сотник во-

ровски ошупывал переметные сумы, как проверял он привычным и ловким движением рук прочность подпруг и чумбуров. А, представив все это, Агей ощутил вдруг наплыв глухой, исподволь нарастающей в нем безпричинной злобы, и злоба эта направлена была, как это ни странно, от чего-то именно только против одного молодого Саранского. Между тем Агей не знал того, что озлобляло его в молодом офицере, и тем не менее чувствовал такую неприязнь к нему, словно были они исконными и непримиримыми врагами. Но какая же могла возникнуть вражда между ним, нижним чином, и офицером, если офицер этот не только ничем не оскорбил, а, наоборот, расхвалил его перед строем? Так, к примеру, произошло на предыдущем полковом смотре, когда сотник Саранский в присутствии есаула Султанаова расхвалил Агея за превосходное армейское снаряжение и — больше того — поставил его в пример перед более зажиточными и состоятельными казаками. Все это так растрогало Платона Тимофеича, что он, прослезившись, поклялся заглядывать вину перед богом, императором и отечеством за позорное бегство с поля битвы старшего своего сына. Старик решил искупить этот грех приобретением такого коня Агею, которому могли бы позавидовать даже господа офицеры...

И нечего греха тут таить, по сердцу пришлись офицерские речи и самому Агею. Однако, несмотря на все это, он все же не мог почему-то вспоминать теперь о сотнике без глухого раздражения и без той желчной горечи, которая мгновенно отравляла ему настроение и выводила его из былого душевного равновесия иногда только на какие-нибудь минуты, а иногда и на битые часы. Он не размышлял над причинами своей неприязни к Саранскому. В сущности, мало ли за что можно возненавидеть человека, и бывает, что страшнее всего ненавидишь тогда, когда не знаешь за что. Не знал этого и не гадал об этом и Агей. И если бы даже его спросили — чем плох сотник Саранский и отчего при одном только воспоминании о нем возникала под сердцем Агея тупая, тоскливая боль, и боль эта переходила в прямое озлобление и в ненависть, — если бы спросили его об этом — он не сумел бы ответить на этот вопрос. Чорт его знает, откуда все это, в конце концов, braдлось! Может быть, просыпалась в сердце Агея обида за своих оскорбленных Саранским товарищей, у которых забраковано

было чуть ли не все снаряжение на первом смотре. Может быть, раздражала нижнего чина эта, слегка певучая и по-барски высокомерная офицерская речь. А впрочем, Агею ли было размышлять в такую пору о том, что именно раздражало его в Саранском?! Нет, не до этого было молодому казаку в дни, предшествующие великому и неведомому походу. И вообще, такое творилось у него на душе, в чем немислимо было разобраться даже более опытному, выдавшему виды человеку...

«...Только бы скорее все это к чертовой матери кончилось!» — тоскливо думал теперь Агей при мысли о предстоящем решающем смотре. Непривычное, томительное безделье за все эти предхождные дни угнетало Агея. А прощальные пиршества и бесшабашные гульбища с товарищами уже успели утратить для него первоначальную их остроту и былую горькую прелесть. Хмельные и тревожные от разгульных песен дружеские сборища не волновали больше Агея так, как это было в первые дни и угарные ночи поголовного в станицах запоя после оглашения приказа о досрочной мобилизации. И только горячие, знакомые с детства, слезы украдкой плакавшей по ночам о сыновей судьбе постаревшей за эти дни матери попрежнему причиняли такую чудовищную боль, что Агей готов был покинуть родительский кров в любую пору. И чем скорее пришел бы приказ о выступлении, тем лучше было бы и для Агея, и для всех его сверстников по походу. Все они истомились в ожидании неизбежной разлуки с тем, что стало для каждого из них вдруг близким навеки, неповторимым и дорогим, и чего не замечали они, готовые к дальним странствиям, прежде, в пору своей, навсегда отгулявшей в родимых просторах, юности.

«...Нет, скорей бы, скорей кончился весь этот базар!» — думал с грустной усмешкой Агей и о ярмарке, и о поисках строевика, и о предстоящем инспекторском смотре.

Между тем большинство сопровождавших Платона Тимофеича одностаничников лошадей для своих сынов уже приобрели. Кушленные строевые кони сданы были на руки специально приставленным к этому делу коноводам. А казаки, распив оговоренный могарыч, следовали на розыски требующихся строевиков дальше.

Старики были уже навеселе и рядились теперь за облюбванного коня развязнее,

наглее, рисковей, хотя присущего им разума, выдержки и природной осанки перед барышниками не теряли. Купленными лошадьми казаки были премного довольны, и, захмелев, они со злобным азартом расхваливали каждый своего строевика так, словно норовили перепродать приобретенных коней друг другу.

И только Платон Тимофеич с Агеем безучастны были к хвастливым спорам и необычайному возбуждению одностаничников. Омраченный безрезультатными розысками заранее облюбованной в байских табунах аткамынера Кеньжигараева строевой лошади, старик совсем загоревал к вечеру и упал духом. Исколесив за день не один десяток верст вокруг самых бойких мест конского торжища, он так и не находил ни приглянувшейся ему лошади, ни именитого в степной стороне ее владельца. И крайне огорченный своей неудачей, старик пришел уже к выводу, что коня, видимо, перехватили у аткамынера подкараулившие его по дороге на ярмарку пронырливые барышники. Платон уже решил было, горестно махнув рукой, вернуться — как это ни было тяжело — с пустыми руками в станицу, как вдруг где-то совсем рядом, в густой толпе кочевников и разночинцев раздался изумленный, певучий голос:

— Ого! Вот это я понимаю — конь!

Насторожившись, Платон Тимофеич увидел по правую руку от себя окруженного ярмарочным народом, темного на облик, знакомого всадника и, тотчас же признав в нем аткамынера Кеньжигараева, подал одностаничникам команду:

— За мной, воспода старики! Окружить со всех сторон вершного восподина кыргыза!

И встрепенувшиеся от командного окрика казаки мгновенно ринулись за Платоном Бушуевым, как в атаку. Причем старики высоко занесли над головами крученые свои плети, а трое из захмелевших молодых служак обнажили порозовевшие от заката клинки, и целый взвод воинственных покупателей двинулся сомкнутым строем к цели.

— А ну, поберегись, поберегись, воспода кыргызы и разночинцы! — требовательно прикрикнул Платон Бушуев.

И разноплеменная толпа, пугливо шархнувшись в стороны, покорно расступилась перед казаками, дав им дорогу.

Окружив всадника, с минуту казаки неподвижно и молча любовались на тревожно пофыркивающую под ним лошадь. Пе-

ред ними был жеребец полукристокровного склада со всеми внешними признаками присущей ему горячности, природного — чисто степного — одичания и унаследованного от прародителя благородства. Превосходный постав гибкой шеи и красивой, с белой прошвой на лбу, искусно обточенной головы; развитый мускулистый затылок; сухие и строгие формы ног со слегка изогнутым, упругим путовым суставом и длинной бабкой, — все это говорило за строевые качества лошади, столь ценные армией и служилыми казаками. И если по силе порыва, вспышкам энергии и тонкости движений полукровный конь несколько уступал чистокровному, то зато он способен был на такую выносливость боевых невзгод и походов лишений, перед которыми никогда не устоят никакие чистокровные экземпляры. Недаром во время Крымской кампании 1853—1856 годов английская армия, имевшая в кавалерийском строю подавляющее большинство лошадей высококровной породы, потеряла их всех за время переходов и кровопролитных сражений на Крымском полуострове. И только немногие тяжеловесные лошади англичан — «першероны» продержались под английскими кавалеристами до конца кампании и оказались наиболее способными для великого боевого крещения.

Казаки, разумеется, не подозревали о горьком опыте англичан, из которого впоследствии сделан был соответствующий вывод во всех передовых армиях мира. Однако у казаков был свой, унаследованный от предков, испытанный в боях и походах, не менее поучительный, вековой опыт, и они смело руководствовались этим опытом при выборе строевых лошадей перед выступлением в длительные свои походы.

Вопреки расчетам Платона Бушуева, строевик, облюбованный им для сына, Агею с первого взгляда, кажется, не понравился. Старик заметил, что в отличие от всех одностаничников Агей смотрел в первую минуту на лошадь несколько безучастными, холодновато-равнодушными глазами. Так было с Агеем и на самом деле. Но затем, приглядевшись к коню попристальней, он заинтересовался мастью лошади: она была не совсем привычной, примелькавшей, обыденной — полусветлогнедая, полдузолотистая. И эта мягкая, приятная на глаз окраска коня неожиданно так увлекла Агея, что он, поддавшись всеобщему возбуждению, смотрел на на-

сторожившуюся под всадником лошадь уже не сводя с нее заметно потемневших от изумления и зачем-то слегка прищуренных глаз.

Наконец, ощутив притаившуюся в зрачках окружающих сверстников глухую зависть, с которой глазели они, притихнув, на строевую полукровку, Агей вдруг проникся вспыхнувшей в нем решимостью: овладеть жеребцом ценой любых средств и каких угодно усилий. Правда, в строевых достоинствах полукровки сам он, как следует, еще не разбирался. Он еще не знал толка, как знавали его старики, ни в значении широты и длины конского предплечья, ни в соразмерности соотношений берцовой кости и бедра. Он не успел еще усвоить, что от совокупности всех этих внешних признаков совершенства форм и линий зависит строевая пригодность коня. Зато Агей чувствовал, что дорога лошадь скорей всего не породой, не складом, а скрытыми в ней внутренними ее качествами: характером, сердцем. Вот почему, внимательно присмотревшись к коню, он немедля и прежде всего решил проверить его под седлом, в движении.

И с трудом подавив в себе явные признаки великого волнения, Агей решительно приблизился к всаднику.

И всадник, без слов поняв казака, услужливо спешил и, передав ему в руку крученный из конского волоса грубый чумбур, почтительно отступил в сторону.

Приблизившись вплотную к настожившемуся коню, Агей осторожно взял его под уздцы, затем коснулся ладонью упругой его шеи, ласково потрепал по широкой груди, по морде, по гриве, — и вдруг ощутил такой прилив горячей любви и нежности к нему, что готов был расцеловать его в теплые замшевые губы. Дрогнув от прикосновения незнакомой доброй руки, жеребец упруго перебрал передними ногами и, сбчив голову, испытующе посмотрел на Агея глухо блеснувшим под бархатными ресницами агатовым оком. И по одному этому, столь доверительному и притворно строгому взгляду коня понял Агей, что расстаться с такой лошадью был он теперь уже не в силах...

Тем временем старики, отступив жеребца, занялись обычным в таких случаях осмотром строевого коня скорее уже не на глаз, а на осязание. Поочередно берясь то за одну, то за другую конскую ногу и приподнимая ее на руке в полусогнутом положении, они деловито заглядывали под

раковину, под угол стрелки и словно пробовали на весу свинцовую тяжесть мглисто-голубоватого копыта.

Остерегаясь, как бы не ударил строевик задом, Архип Кречетов осторожно приподнял пышный, траурно-черный хвост жеребца и, бог весть зачем, осмысленно посмотрел даже под самую релицу. Затем, одобрительно кивнув улыбающемуся Агею, Архип молвил:

— Конь несомнительный. При полном строевом артикуле. В форме. Так я его понимаю...

Буря, подозрительно долго возившийся с осмотром горячих жеребчатых ноздрей, вдруг встрепенулся, как птица, и, с изумлением взглянув на стариков, вполголоса проговорил, точно задыхаясь:

— Братцы! Первый раз на роду подобную картину в конских ноздрах вижу. Дух у меня захватывает...

— Што за притча?! — с тревогой спросил его Платон Тимофенч.

— Тут не притча, а целое происшествие... — ответил Буря, волнуясь.

— Брось пужать, Бураи.

— В чем дело?

— Како тако опять там открытие Америки, восподин коновал, в жеребчатем храпу исделал?

— Признайся... — затормошили Бурию наперебой разом струдившиеся вокруг него станичники.

— А тако открытие, што у этого жеребца по четыре продуха на ноздрю, воспода станишники, падат. Вот кака Америка! — торжественно объявил притихшим старикам Буря.

— Врешь, варнак!

— Клянусь честью, о восьми продухах... — запальчиво перекрестившись, подтвердил Буря.

Старики, ахнув хором, аж присели от удивления. Шутка только сказать — по четыре продуха на ноздрю!

— Да ведь такому коню ни в бою, ни в походе цены не будет, — восторженно заявил Агею Архип Кречетов. — Скачи на нем сотню верст — ни одышки у него, ни поту...

— Што ж он двухжильный што ли? — с недоверчивой усмешкой спросил Архипа Агей.

— Не двухжильный, а навроче этого, — ответил Архип сурово. — Там сотню не сотню, а пятьдесят верст карьером пройдет и на выстойку ставить незачем. Ты знаешь, у него весь жар из внутренней

организмы скрозь эти самые продухи в ноздрю выходит. Это же не конь, а паровик с клапанами!

Старики, ошеломленные открытием Бури, сначала стояли как вкопанные. Затем, словно по команде, давя и опережая друг друга, ринулись они все разом к морде строевика. И остервенело цепляясь в пылу за поводья, хватая коня за нахрапник и под уздцы, станичники снова поочередно принялись осматривать тревожно раздувшиеся, точно объятые пылающим внутренним пламенем, порозовевшие конские ноздри.

Так и есть. Буря не преувеличил. Все восемь продухов были налицо. Кто на глаз, а кто ощупью, — но все станичники лично убедились теперь в неожиданном открытии коновала. И загоревшись небывалым азартом, старики надели на Платона Тимофеича, подбивая его на немедленную покупку редкостного строевика.

— А ну, вали, Тимофеич. Бей, благословясь, по рукам с кыргызом да станови магарыч... — настаивали одностаничники.

— Крой ва-банк, ежели капитал позволит.

— Рискуй, станичник...

— Правильно, кум. Отчаивайся. Тут недосуг мешкать.

— Куды там мешкать! Не дай бог, цыганы или барышники в ноздрю заглянут — с руками такого жеребца у кыргыза оторвут.

— Што там говорить. Они лобу красную цену, варнаки, разом перешибут. Оставят казака пешим...

— Ну, насчет перешибут — баушка надвое сказала... Были б денежки в кармане, — будет тетушка в долгу! — полугрожающе, полшутливо отозвался Платон Тимофеич на подзадоривающие реплики стариков. Однако подзадоривать его уже, в сущности, было незачем, и тем более теперь, когда старик воочию убедился в том, с каким нескрываемым восторгом смотрел на строевого коня, доселе как будто равнодушный к нему, Агей. А этого уже было вполне достаточно для того, чтобы, мысленно сотворив краткую молитву Николаю угоднику, осенить себя крестным знаменем, а затем открыть торг.

Так Платон Тимофеич и сделал.

Вопреки ярмарочным правилам старик на сей раз пренебрег даже неперемной в таких случаях пробой строевого коня под седлом и сразу же, после осмотра жеребца на месте, приступил к сложному пере-

говорам с надменным аткамынером о цене.

Аткамынер с группой степных аксакалов, волостных управителей и биев стоял все время несколько поодаль от занятых осмотром коня казаков. Он, видимо, был уверен, что жеребец таким покупателям будет не по карману, и потому не особенно тревожился за смотревый исход. Но теперь, заметив выступившего из казачьего круга покупателя, аткамынер тоже слегка в свою очередь подался вперед, но на вопрос Платона Тимофеича о запросе ответил не сразу. С присущей степному человеку медлительностью, этот именитый и важный владелец полукровного жеребца сначала, не спеша, почесал, приподняв тубетейку, досиня выбритую, конусообразную свою голову. Затем он с великим искусством сплюнул сквозь зубы в сторону и только тогда сказал:

— Два ста с четвертой. Без запросу.

— Крепко завернуто! — нето дивясь, нето восхищаясь, сказал Платон Тимофеич с оглядкой на стариков.

— Недешево. Сами понимаем. Но цена, как говорится у русских, по товару. А товар наш налицо... — ответил, кивая в сторону жеребца, именитый аткамынер.

— Против товара я не спорю. Товар к нашему делу, можно сказать, подходящий... Но вера у нас, восподин кыргыз, с вами разная, а ведь бог-от один. Под одним господом всем миром ходим. В это тоже вникать надо, раз предстоят такие дела... — начал было издали Платон Тимофеич, но сбился и, торопясь закончить свою дипломатическую мысль, сразу же перейдя на «ты», отрезал: — Бога ты, видать, не шибко боишься, восподин кыргыз. Надо ж — такую цену заломил и не охнул!

— Я на бога не надеюсь и сам плюшать не хочу... — признался аткамынер, перефразировав с наглой легкостью русскую поговорку.

— Я это и чую — Азия!.. Ну да ладно, Фома Неверущий. Мне ить с тобой ребит не крестить. Богохульствуи, коли праведной веры вкусить не можешь. Христос тебе судья, конешно... Только вот што, восподин кыргыз, попусту-то нам калыкать нечего. Говори давай делом, — с трудом подавляя в себе приступ дикого бешенства против невозмутимого аткамынера и надеясь еще на уступки, примиряюще попросил Платон Тимофеич.

Однако аткамынер был непоколебим.

— Я сказал ясно по-русски. Моя цена без запросу. Две с четвертой и бабки с

кону, — ответил он с развязностью русского барышника.

— Стало быть, без уступку?

— В обрез.

— Ни целкового?

— Ни копейки.

— А не расквасишься?

— Пожожу...

Они замолчали.

Насторожились стоявшие позади Платона Тимофеича казаки. Притихли сгрудившиеся за спиной аткамынера тучные бии и белобородые патриархи.

Станичникам было уже ясно, что ни на какие уступки аткамынер не пойдет, а у покупателя таких бешеных денег, разумеется, не найдется. Казаки знали, что не по карману был строевик для Бушуевых. И если бы старик, поддавшись соблазну, решил из присущего ему упрямства устоять перед этой неслыханной ценой и наградить полюбившейся полукровкой сына, — вряд ли он сумел расплатиться бы с аткамынером кредитками в такой сумме.

Наступила минута крайне напряженного и очень тягостного для всех безмолвия. Тертые ярмарочные завсегдатаи, затаив дыхание, ждали с секунды на секунду неминуемого скандала. Скандал, как всегда, возникал со словесной перепалки между покупателем и владельцем. Затем он переходил в бранный ураган между многочисленными сторонниками того и другого. И, наконец, все это завершалось грандиозной дракой. А драка — как правило — превращалась в великое всеярмарочное побоище, в котором больше всего перепададо кочевникам и пыганам.

К такому, внезапно возникающему, рукопашному сражению казаки готовы были в любую минуту.

Приготовились они и сейчас.

Старики крепко стиснули в кулаках витые из таволги черни армейских плетей. Молодые служаки намертво зажали в пылающих ладонях рубчатые эфесы шашек. И вот, все они стояли теперь, потемнев в лице от решимости, грозные от безмолвия, страшные в своей неподвижности, не мертвые, не живые. Точно прислушиваясь к тревожному перестуку собственных сердец, ждали они, затаив дыхание, условного для битвы сигнала.

Но к огромному разочарованию ярмарочных зевак все вышло на этот раз поиному.

В эту решающую минуту Платон Тимофеич, оглянувшись на казаков, вдруг

высоко занес над головой выпрямленную мечом руку и, на полушаг приблизившись к аткамынеру, вполголоса проговорил, бледнея:

— Ну, в добрый час. Держи, тамыр. Ряскую!

И аткамынер, поняв покупателя, молча протянул к нему коричневую ладонь и замер на месте с напряженной улыбкой.

Тогда, секунду помедлив и еще раз оглянувшись на одностаничников, мгновенно напружинив все свое немолодое, но крепко сбитое тело, Платон Тимофеич слегка откинулся корпусом назад и с такой яростью хватил своей рукой по аткамынерской ладони, что именитый владелец полукровки дрогнул и передернулся, как от ожога.

Удар двух ладоней, прозвучавший ружейным залпом, решил дело.

Строевой конь аткамынера Кеньжигараева перешел теперь в руки Платона Тимофеича Бушуева.

И под одобрительный гул и изумленные восклицания одностаничников торжественно принял Платон Тимофеич из рук аткамынера узаконенную на купленного коня расписку. Огласив во всеуслышание конский паспорт и сверив с конем обозначенные в расписке приметы, старик бережно свернул драгоценный документ вчетверо и солидно заложил его в самое укромное свое место: во внутренний карман парадного мундира, глубоко, куда-то — под самую пазуху. Затем, не спеша, извлек из-за широкого опойкового голенища старательно завернутый в красный плат старенький, выдавший виды бумажник и, сплюнув на пальцы, принялся на глазах у всех за пересчет похрустывающих кредиток.

Между тем Агей, стоявший все время несколько поодаль от толпы, окружавшей его отца и аткамынера, занят был обласкиванием строевика. Он уже скормил лошади кусок прибереженного для закуски пшеничного калача и докармливал обнаруженный в кармане шаровар кусок вываленного в махорке и слипшегося в леденцами сахара. Конь с покорной доверчивостью тянулся доброй и умной мордой к новому своему владельцу, и было приятно ощущать на ладони щекоотливое прикосновение теплых, мягких, ласковых его губ, и слушать забавный, почти человеческий хруст раскусываемого им сахара.

Забавляясь с конем и вполголоса наговаривая ему всякие ласковые слова, Агей, вдруг вздрогнув, насторожился.

— Сюда. За мной, господа. За мной! — прозвучал где-то бок-о-бок с Агеем до боли знакомый, по-барски певучий голос.

И, встревоженно обернувшись, Агей увидел сотника Саранского.

Как всегда, в щегольской военной форме, гибкий и подтянутый, офицер не шел, а скорее всего бежал, размахивая стэкком, прямо по направлению к Агею. По пятам за Саранским следовало трое, по всем признакам, залетных городских людей в штатском.

«Что им от меня надо?» — с тревогой подумал Агей, машинально обматывая чумбур вокруг запястья. Затем он повернулся лицом к коню и сделал вид, что не заметил ни приблизившегося офицера, ни его штатских спутников.

Но Саранский и в самом деле, кажется, не заметил Агея. Явно полухмельной, взвинченный чем-то и возбужденный, сотник еще более возбудился при виде коня, очаровавшего его и его спутников формой и мастью. А это обстоятельство с одной стороны и польстило Агею, но в то же самое время еще более отчего-то встревожило его. Агей знал, что Саранский толк в лошадях понимал и восхищаться конем зря не стал бы.

— Нет, вы обратите внимание, господа, на удивительную гармонию формы и линий! — запальчиво проговорил Саранский, скользя ладонью по атласному конскому крупу и по подрагивающему от прикосновения его бедру.

— Красиво... — неопределенно промычал один из трех его спутников, необыкновенно толстый человек с потухшей сигарой во рту.

— Нет, я положительно влюблен в эту лошадь. Положительно влюблен... — горячо повторил Саранский. — А еще утверждают, — продолжал он после незначительной паузы, — что природа не терпит совершенства. Вот кретини! А это разве не пример воплощения классической красоты и полнейшего совершенства?!

— Она мне напоминает толстовскую Фру-Фру из «Карениной Анны», — сказал самый трезвый на вид из спутников офицера.

— Извините, у Льва Толстого — кобыла, а это — жеребец! — мрачно возразил толстяк с потухшей сигарой.

— Вот именно... — с живостью подхватил Саранский, никогда не читавший «Анны Карениной» и ничего не знавший о лошади, описанной Толстым.

— Нет, господа, конь недурной. Определенно... — опять промычал толстяк. — Определенно. Определенно.

— Да. Превосходный экземпляр! — с восторгом воскликнул Саранский. — Собственно, это — если хотите — даже не конь. Это сплошной звук. Понимаете — это музыкальное произведение! Конечно, такой жеребец, разумеется, не для рыцарских турниров под лонжирным седлом. Но я, фронтовой офицер, прежде всего ценю в нем его очевидные боевые качества. Именно такими лошадьми рекомендовал комплектовать кавалерийские части сам Джемс Филлис...

— Позвольте, позвольте, сударь, — перебил Саранского самый трезвый на вид из спутников. — А кто такой Джемс Филлис?

— Боже, вы не знаете Джемса Филлиса?

— Не имею понятия...

— Но как можно не знать этого величайшего в мире английского мастера верховой езды? Да ведь он же создал собственную систему выездки, признанную лучшей в мире, — с блеском тонкого эрудита пояснил, гордясь своими познаниями, сотник Саранский.

— Господа! — обратился толстяк с потухшей сигарой ко всем своим спутникам. — А причем здесь ваш Джемс, если нам с вами нужен боевой офицерский конь? После долгих скитаний по этому глупому торжищу мы его, кажется, нашли. Так в чем же дело? Деньги на бочку. С владельцем по рукам. А засим и копыта строевому жеребцу обмыть можно...

— Совершенно верно. Непременно обмыть, господа... — пролепетал, наконец, и третий из офицерских спутников, самый пьяный по виду человек в котелке.

— Итак, вы не против приобрести этого коня, господин сотник? — учтиво спросил Саранского толстяк с сигарой во рту.

— Нет, разумеется. Я же сказал. Я ж без ума от него... — с трезвой горячностью проговорил Саранский.

— В таком случае открываем торг, — бойко объявил толстяк, распахнув тяжелое драповое пальто и небрежно сдвинув набекрень широкополую шляпу.

— Я готов торговаться, — суетясь вокруг жеребца, ответил Саранский. Но затем, с недоумением оглядевшись вокруг, спросил: — Только, позвольте, где же хозяин?

— Я здесь, ваше благородье! — уверенно отозвался на вопрос офицера Агей

Бушуев. Не выпуская из левой руки обмотанного вокруг запястья чумбура, он выступил из-за головы коня и стал перед Саранским во-фронт, вытянув по швам слегка подрагивающие от волнения, еще не приученные к строевому смирению руки.

— Бушуев?! — близоруко вглядываясь в окаменевшее лицо казака, каким-то полупогащенным, сдавленным голосом спросил Саранский.

— Так точно. Я, ваше благородье.

— С каких же пор стал ты хо-зяи-ном этого коня?

— Сию минуту, ваше благородье...

— Позволь, голубчик. Да ведь этот конь, насколько я не ошибаюсь, принадлежит аткамынеру Кеньжигараеву.

— Никак нет, ваше благородье. Теперь эта лошадь моя.

— Это каким же образом?

— Сей конь куплен у кыргыза за наличный капитал моего родителя, ваше благородье.

— За, какие же дивиденды купил его твой родитель?

— За два ста с четвертной кредитными билетами, ваше благородье.

— Ого! Да у тебя родитель-то, видать, с капиталцем?

— Никак нет, ваше благородье. Он теперь при двух коровенках на пять душ семейства из-за этого коня у меня остался и в долги ишо по горло залез...

— Ага. В долги по горло залез, а сына — нижнего чина на офицерского коня решил посадить?! Похвально.

— Рады стараться, ваше благородье.

Холоное, слегка припухшее от хмеля лицо Саранского, покрывшись мертвенной бледностью, обрело вдруг строгое, сосредоточенное выражение. И только тонкие, мелко подрагивающие в уголках, гневно сомкнувшиеся его губы да тяжелая неподвижность полусмеженных век — говорили о последней грани внешнего спокойствия и самообладания, за которой мог уже последовать неизбежный взрыв.

Глядя потемневшими от тревоги и гнева глазами на Саранского в упор, Агей чувствовал, что встреча эта к добру не приведет, и, ко всему готовый, стоял вытянувшись перед офицером, твердо решив пока про себя одно: удержать в своих руках купленного строевика ценой любых средств и усилий. Он ждал, что после этого минутного оцепенения, в котором находился сейчас Саранский, офицер, озверев-

ший от злости и уязвленного самолюбия, схватит его за горло или, может быть, размахнувшись, ударит наотмашь по лицу...

И вот, как бы очнувшись от мгновенного забытья, Саранский бросил на Агея удивленно-диковатый взгляд, а затем с такой стремительностью ринулся к нему со всех ног, что Агей инстинктивно слегка отшатнулся назад и, побагровев, замер на месте.

Однако, очутившись с Агеем лицом к лицу, Саранский вдруг весь как-то обмяк и даже с неким подобием жалкой улыбки вполголоса сказал ему необыкновенно мягко и ласково:

— Послушай, Бушуев, нам с тобой ссориться не к лицу. У нас впереди с тобой длинная и нелегкая дорога. И я — твой начальник — хотел бы пройти по ней с тобой душа в душу: без неприятностей, бед и обид... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Так точно. Вникаю, ваше благородье...

— Так вот, Бушуев... во имя благополучия в походе и ради братского моего отношения к тебе — об этом я очень прошу тебя, очень — можешь ли ты уступить мне своего коня?

Агей ответил не сразу. Но помедлив, и не сводя с лица Саранского еще более потемневших, по-азиатски сузившихся глаз, твердо выговорил:

— Никак нет, ваше благородье. Не могу...

— Послушай... Голубчик! Я предложу взамен тебе одну из лучших строевых лошадей в табуне моего отца. Да, да. На выбор. Согласен? — взволнованно, не переводя дыхания, проговорил Саранский.

— И на менову не согласный, ваше благородье. Лучше не просите. Не могу.

— Триста рублей хочешь? Золотом!

— Никак нет, ваше благородье. Ни золотом, ни серебром...

— А четыреста?!

— Я, ваше благородье, не барышник. И тыщи не возьму...

— Так... Стало быть, это твое окончательное слово? — глухим и недобрим голосом спросил Саранский, согнув в руках стэк.

— Так точно, ваше благородье.

— А не передумаешь?

— Никак нет, ваше благородье. Мы люди самостоятельные...

Они замолчали.

Говорить больше было не о чем.

Саранский стоял потупясь. И снова мелкая дрожь проплась по тонким, наглухо сомкнутым его губам, а затем судорожно дрогнули тяжело полуприкрывшиеся, фиолетовые его веки и, пружинясь, выпрямился опущенный к голенищу упругий стэк.

Глядя на офицера, Агей понял, что надо уходить, и, не долго размышляя, смело спросил:

— Мне можно ехать, ваше благородье?

— Можно... — не подымая полусмеженных век, глухо сказал Саранский, а затем еще спокойней и глуше добавил: — Можешь ехать. И немедленно... пока я тебя не пристрелил.

— Слушаюсь, ваше благородье!

И браво козырнув потупившемуся Саранскому, через мгновенье Агей был в седле, а затем, дав коню шенкелей, тронулся прочь, не особенно уже слеша и не оглядываясь на офицера.

...В станицу он шел, временами припадая к луке, на полном карьере.

ГЛАВА 2

Проводы казаков были назначены на 9 мая.

В канун выступления в поход казачьего эшелона съехались из линейных станиц в Пресновскую крепость тысячи провожающих.

Так уж было заведено навеки.

Из года в год в дни прощания с молодыми войнами, уходившими в конном строю на фронт по мобилизации или же на действительную службу в далекое Семирежье, — поднимались в окрестных станицах казачьи семьи все от мала до велика и стекались по руслам пыльных степных дорог в древнейшую свою крепость. Все бросалось на волю божию ради этого дня: плуг в борозде и борона на пахотине; недосаженные табаки на огородах и дома, припертые на кол; выгнувшиеся из яиц птичьи выводки и покинутые на совесть общественных пастухов недоенные коровы. Не до хозяйства было в такую пору линейному миру, не до домашности, не до живности. Старики готовили для торжественного выезда в крепость лучших своих коней. В тройные тяжелые узлы затыгивались расчесанные скребницами конские хвосты, и ручьями били с гибких лошадиных шей перевитые лентами гривы. Ослепительно блестели на солнце литые татарские звезды выездной, обильно

пропитанной ворванью, сбури. А в расплывчатые фургоны, в ходки и пролетки грузились бочата браги, двухведерные самовары с медалями на груди, живые бараны, сбойки сушеных карасей, тусса розовых груздей прошлогодней засолки, корзины вареных вкрутую яиц, плоские туши рыбных, морковных, грибных пирогов и вороха прочих яств, пропитанных запахом домашних печей и обжитого под отчей кровлей уюта. И было похоже — к великой и грозной тризне спешно готовились в эти дни линейные редуты, крепости и станицы.

В дряхлых, слежавшихся на дне сундуков, парадных мундирах с тусклыми медалями на груди, в широких форменных шароварах с выцветшими лампасами, — выглядели старые казаки непривычно торжественно. И суровым неприступным и строгим казался теперь облик преображенных старомодной формой, несколько помолодевших на вид, приосанившихся, начесавших седые чубы людей.

Бабы тоже по этому случаю рядились в скупые по цвету, но пышные в тяжелых подолах юбки, в обрамленные траурными пелеринками, узкие в талии блузки, в крылатые кружевные фаньжонки, в воздушные наколки, в блеклые кашемировые платки. И только девки — дивное подобие майских цветков на опушке — так были ярки от вплетенных в шеничные косы разноцветных шелковых лент, от розовых юбок с оборками, от расшитых стеклярусом голубых, бирюзовых, бордовых кофт, — что хоть впору венки из них было вить. Ну, известное дело — девки! Им на миру в эту пору сокрушаться пока было не о чем. У них женихи не в поход уходили, а из походов под осень к Успенью с действительной службы шли. Таков уж был исконный неписанный в грамотах казачий закон: не жениться сынам до службы. И только по возвращении в родные края из поля дозволено было служивым с родительского благословения высматривать среди ярких девичьих хорошедов верных своих подруг. Конечно, бывало, что и девка иная с великой печалью на сердце, с горячей слезой в затуманившихся очах, роскошно — точно к венцу — наряжалась пред горничным зеркальцем в канун проводив молодых казаков. Но не в укор ей была эта печаль и горячие слезы не в осуждение. Ибо девичья слеза — утренняя роса: до первого легкого дуновения, до ласкового прикосновения солнечного луча — пред-

рассветный ветер капли росы на цветке остудит, а солнце стебель прогреет и лепестки его досуха высушит...

Как заведено было прадедами исстари, так было все и на этот раз — в лето 1916-е, в день субботний погожий, вешний и ветреный, в канун выступления дочерочно призванных казаков в поход.

С паузин до сумерок слетались в Пресновскую крепость на тройках, на парах и в седлах линейные старожилы окрестных станиц. Гулко громыхали расписные фургоны. Ладно постукивали литыми втулками шаринские ходки. Приятно поскрипывали на ухабах стальными рессорами пролетки. И грозвые тучи байковой пыли нависли над всеми дорогами и трактами великой степи. Словно густой дымовой завесой обволакивались окрестные озера, одетые в копеечную листву березовые дубровы, заросли прибрежного раkitника и голубые осиновые леса. И — как осенние листья под ураганом — шуршали со свистом и треском на взмыленных шлеях медные бубенчики и бронзовые шеркунцы. Рвались из гнутых оглобель гордые и паглые коренники. Приплясывали в построюках, кося фиолетовым оком, легкомысленные пристяжки. И возбужденные от бешеных гонок по трактам — в азарте, в угаре, в пылу и хмелю — вихрем пролетали по запруженным толпами крепостным улицам, стоя в фургонах — как в строю, точно неживые и сами не свои — парадные старики.

Тройки мчались за крепость.

Казаки спешили туда, к заветной березовой дуброве, что стояла в полуверсте от станицы близ старой маршрутной дороги, дороги, уводившей не одно поколение линейных воинов к далеким сопкам Манчжурии, в шафранные пески Туркестана, на Верный, в Кульджу, Чугучак и Джеркент. И каждому из иностаничных желателью было одним из первых достичь дубровы, успеть захватить под могучей березой привольное для прощального пира место, где бы можно было разбить походную палатку или раскинуть под сенью вековых деревьев вместительный и гостеприимный шатер.

Затем по-армейски, со сказочной быстротой возник в этой дуброве огромный полотняный город. И было похоже — это войска во время походного марша встали на дневку, разбив при дороге необозримый и шумный свой бивуак.

А в сумерках призадумавшегося изд

степными озерами майского вечера, буйствуя, запылали перед шатрами гигантские бивуачные костры. Потом вдруг зарокотали в стану провожающих гулке бубны. Зазвенели древние трензели. Взвыли, рыдая, визгливые скрипки. Отдаленными грозвыми раскатами глухо загремели густые басы трехрядных, венских и ливенских гармоний. И вот из-под озаренных бивуачными кострами, пебагровевших от зарева войсковых шатров грянула и пошла гулять подобно пожару над степью хорозая, горько волнующая прощальным казачьим словом, предподходная прадедовская песня.

Взгляну я на часы стальные —

Пришла пора седлать коня,

А за минуты остальные —

Благословить в поход меня.

Гнедой мой конь почуял сразу

Дорожку дальнюю свою.

По генеральскому приказу

Пойдем в развернутом строю.

Пойдем за дальние курганы,

За Прибалхашские пески.

В сердцах заноят наших раны

Походной воинской тоски.

Ни в маршах и ни на привалах

Не позабыть нам отчий дом.

Как грянут песню запевалы —

Подступит к горлу горя ком...

На бивуаках будут сниться

Нам в предрадрасветные часы:

Края родные и станицы

И девы холеной красоты.

Ах, эти девы! Кровь и пламя!

Казачки — дивный маков цвет!

Лишь полковое наше знамя,

Шелками вышитое вами,

Шумит над нами.. Только нет

В походе вас, красотки наши, —

Чьи песни хмелю веселей,

Чьи очи звезд полных краше,

Чьи губы винных чар хмельней.

Заместо вас, подруги, — шашки;

Они верней ваших речей.

Клинки крутые на замашку

Нас стерегут среди ночей.

И рядом с нами кони — други

И лики вострые в строю.

Но горько нам без вас, подруги,

Казаковать в родном краю..

Казачье солнце — месяц хладный

Хмельную студит в жилах кровь.

Под гимнастеркою парадной

В тоске глухой и безотрадной

Томится на сердце любовь...

Ой, далеки дороги наши —

Каркаралинские пути!

Там птицы крыльями не машут,

Зверям песками не пройти.

Там без крестов и без погостов,

Без песнопений и молитв

В степях казачьи тлеют кости —

Следы немые трозных битв.

И ничего уже не снится

Башке, зарывшейся в песок,

Если змея вползла в глазницы

И жалом стукнула в висок...
 Ой, далеки дороги наши!
 В степях полынный горек чад.
 Там ни озер, ни рек, ни пашен.
 Тот дик простор и глух, и страшен, —
 Где даже песни замолчат...
 Но только наши эшелоны
 Не устрашит пустыней гладь.
 Нам не впервой свои знамена
 Под знойным небом подымать!
 И наши деды не робели
 В походах, в странствиях, в бою
 И нас учили с колыбели
 Под песню древнюю свою
 Тому, как надо в час тревоги
 Под клич серебряной трубы
 В стремена мигом ставить ноги
 И веселей взбивать чубы.
 И мы, постигнув их науку
 На маршах горестей и бед,
 Пойдем на долгую разлуку
 С родимым краем — на пять лет.
 Пойдем за дальние курганы,
 Где суждено Руси служить, —
 Принять ли тягостные раны
 Или же головы сложить.
 И, может, тоже без погостов,
 Без песнопений и молитв —
 Как и у дедов — наши кости
 Истлеют на театрах битв.
 И нам ничто уж не приснится,
 Башкой зарывшимся в песок,
 Если змея вползет в глазницы
 И жалом вылижет висок...
 Шуми же, знамя боевое!
 Труби, труба. Пора. Пора.
 Уж будто море в час прибой
 Гремит над площадью «ура».
 Закрой, казак, часы стальные.
 На циферблате ровно пять.
 Заржали кони строевые,
 Поход почувяши опять.
 Чу, не пожараца ли пламя
 Пробилось сквозь нависший дым?!
 Нет, это полковое знамя
 Забушевало по-над нами
 Перед походом удалым!

Хорошо нели в этот вечер захмелевшие казаки.

И Агей, слушая эту песню, как будто даже забыл о девушке, о доверительно прижавшейся к нему маленькой и необыкновенно нарядной Ксане. Она сидела рядом с ним на разостланной походной его шинели и, обхватив его за шею обнаженными по локоть полными, смуглыми руками, совсем по-детски присмирела, прильнув щекою к его груди. Ей было хорошо сейчас и совсем не страшно здесь в соседстве с проросшими жесткой травой могильными плитами, около полуразрушенной и давно забытой всеми крепостной часовни, где, хоронясь от людей, нашли они с Агеем для своего прощального свидания надежный приют. Здесь, за обомшальными стенами каменной ограды горько пахло в вечерний час прогретой за день землей, ды-

мом степных костров, разбухшей от вешней влаги прошлогодней полынью и всем тем, что было знакомо им с детства, что неизъяснимо волновало и тревожило их в чему не было на их языке названия...

Они молчали.

Высоко стоял над ними, обмытый предноволюбными дождями, на редкость прозрачный и тонкий, новорожденный месяц. И никак не верилось в эту минуту Ксане Руденко, что в последний, видимо, раз обнимала она податливые казачьи плечи, в последний раз преданно смотрела в темные, по-азиатски сужившиеся его глаза и в последний, должно быть, раз робко прикасалась пылающей своей ладонью к загрубевшей на вольном степном ветру, прохладной и милой его щеке...

Встретились они на этот раз в полуверсте от станции, в стороне от торной дороги на хутора. (Так было условлено в ночь последнего их свидания близ заветного хуторского ветряка.) Крадучись от родителей и хуторян, храбро проскакала Ксана Руденко верхом на сварливом родительском жеребце из хуторских владений в линейную крепость. И Агей, встретив отважную всадницу, принял ее в простертые руки со взмыленной лошади почти на полном скаку, и долго и жадно целовал запекшиеся девичьи губы, и выбившиеся из-под узорчатого подшалка, пахнувшие на него простором и ветром волосы, и полуприкрытые в страхе веки, и подрагивающие ресницы, и щеки, и шею, унизанную стеклянными бусами, и виски... А затем, пустив закованного в цепное путо коня беглянки на выпас в степи, увел он девушку по глубокому крепостному рву к полуразрушенной гарнизонной часовне, в ограде которой и нашли они свой прощальный приют.

В глубоком безмолвии просидели они до тех пор, пока не затихла, наконец, разбушевавшаяся над степными просторами предпоходная казачья песня. Но и после того, как подобно последней искре внезапно утихшего пожараца померк последний в хору, рыдавший на выносе, подголосок и великая тишина поникла над притаившейся в ночи степью, — даже и в эту минуту не очнулся Агей от странного, похожего на сон, забытья и не сразу откликнулся на вопрос Ксаны Руденко.

— О чем ты все думаешь? — шопотом спросила она его.

— Так себе. О судьбе... — глухо отозвался Агей, помедлив.

— О судьбе?! О, та я ж гадала. Та я ж всю судьбу нашу через короля трефей попытала, — взволнованно проговорила Ксана.

— Вона ты у меня какая! Ну, и как же оно там упало?

— Э-э, гарнесенькая карточка вышла! До короля треф шестерка пикей на первом кругу пришла: дальняя моему королю дорога...

— Эх ведь, кака така черная магия! — насмешливо сказал Агей, притягивая к себе откинувшуюся на его руке Ксану. — Магия. Магия... — повторял он, целуя полуоткрытые ее губы. — Только мне вот, например, и без треф с пиками это ятно. Дальняя выпала нам дорожка. У меня конь вперед твоих карт ее зачуял: вторые сутки ни овса из торбы не берет, ни ключевой воды из ведра не отведаст...

— Так то ж твой строевой конь, а то мои атласные карты! — горячо возразила ему на это Ксана. — Та я, мабуть, не про одну дальню дорожку разговор позавчера с трефями имела. Ни, ты послухай, шо они мне дальше за тою дорогою открыли... — возбужденно зашптала она в самое ухо притворно насторожившемуся Агею.

— Ну, ну. Слушаю. Слушаю я тебя, моя дыганка... — поспешно откликнулся он с покорной улыбкой.

— Так слухай. До короля треф пришла пиковая шестерка: дальняя дорога моему королю. Это я уже говорила... — продолжала таинственно нащептывать ему Ксана. — Только встренится тому королю посредь великого шляху казенный дом.

— Тюрьма? — насмешливо перебил ее Агей вопросом.

— Та ни. Без девятки пикей это не тюрьма. Колы девятка пик бы упала — то означало б лазарет или тюрьма. Ни. Тут такой карты не было. Тут совсем другое дело: семерка треф — казенный дом, а при том казенном доме будут великие для трефового короля вести.

— Ого! Это какие таки вести? Может быть, мир ишо нам на пути у Каспийского моря объявят?

— Мабуть, и мир объявят. Мабуть...

— Стало быть, войне скоро каюк? Так на твоих атласных выходит?

— Мабуть, и каюк. Мабуть...

— Ага. Эта карта нашему брату на-руку. А дальние кака масть идет?

— Бубны... — чуть слышно проговорила в великом смущении Ксана.

— Неужели бубны?! — изумился Агей, хотя и не знал, что они значат.

— Бубны... — повторила шопотом Ксана. — К королю треф бубновый туз — ты же знаешь, небось, шо то означает скорую свадьбу...

— Ну, ишо бы не знать мне такой шикарной карты!

— Ой, тож и карта, и карта нам выпала...

— А бубновой крали там не было? — спросил Агей, заглядывая Ксане в лицо, нето полшутя, нето серьезно.

— Краля следом за тузом вышла... — призналась Ксана, чувствуя, как в зареве горячей краски мгновенно запылало ее покрытое поцелуями лицо.

...А перед самым рассветом, лежа рядом с притихшей девушкой на расprostертой ее руке, долго смотрел Агей, не мигая, на блекло мерцавший над ними, по-стенному прямой и просторный Млечный тракт, а затем сказал:

— Нет, врут твои атласные, Ксанка. Шестерка пик — это ишо, пожалуй, карта в руку — дорога и в самом деле выпала твоему королю дальняя. А вот в бубнового туза я не верую... — и, помедлив, со вздохом добавил: — Меня убьют скоро.

— Убьют?! Тебя-то убьют?! — стремительно приподнявшись на локте, с веселым изумлением переспросила его Ксана и горячо зашптала, касаясь губами его щеки: — Ни. Ни. Ни. Ни за што на свете. Ни, мой козаче. Ты у меня живым будешь. Ты ще вернешься. Мы ще повстречаемся. Ни. Ни. Ни. Так я ж это точно знаю...

— Нет, ничего ты не знаешь у меня, хохлушка. А мне к тому целая притча снилась. И сердце мое беду вецует. Нет, меня убьют, — заявил вдруг Агей столь трезво и убежденно, что на мгновение от этого внезапно поработившего его чувства собственной обреченности у самого похолодело на сердце. «Ну зачем это я ей все говорю?» — тревожно подумал он, искоса взглянув на присмирившую около него Ксану.

Однако, к великому изумлению Агея, девушка на этот раз не возразила ему ни одним словом. Прильнув лицом к его груди, она молчала. А Агей не понимал, что молчала она оттого, что не верила и не могла поверить в его слова, не доходившие до ее сознания, как не доходила до ее сознания даже и эта неизбежная теперь с ним разлука. Ведь шла ей, в коя-

це концов, всего-навсего семнадцатая весна и потому верила девушка пока больше трефовому королю в счастливом соседстве с бубями, чем тяготившим Агея мрачным предчувствиям какой-то неясной беды и даже неминуемой и близкой смерти.

И вот вдруг Агей скорее почувствовал чем услышал приглушенный, похожий на звон отдаленного ямщицкого колокольчика, девичий смех. И пораженный столь неожиданным и, как ему показалось, совсем неуместным этим смехом, он понял, что смеялась, уткнувшись лицом в его грудь, не кто иная, как Ксана.

— Ксанка! — испуганно сказал он таким тоном, точно девушка не смеялась уже, а беспричинно заливалась у него на груди горькими слезами. — Ксанка! — повторил он ошеломленно. — Ты што? С чего это ты? Слышишь?!

Она ответила ему не сразу. И только минуту спустя, подняв на Агея глухо блестящие в лунном полумраке, переполненные слезами и радостью глаза, смущенно призналась:

— Та это ж я так просто... Ты не сердчай на меня за это. Просто мне так хорошо с тобою. Так хорошо... И вот такая я дура. Ой, какая я дура!..

Она смотрела на Агея широко раскрытыми глазами и готова уже была теперь, уронив свою голову к нему на плечо, расплакаться так же неожиданно, как только что столь же неожиданно и засмеялась.

И Агей, пристально приглядевшись к этим глухо блестящим в жемчужной полумгле широко раскрытым девичьим глазам, только теперь, впервые за все свои встречи с Ксаной, понял — с кем суждено ему расстаться не позднее завтрашнего дня по сигналу полковых трубачей, протрубивших о начале великого похода...

В двенадцатом часу открылось на крепостной площади напутственное молебствие.

Под оглушительный и тревожно-торжественный гуд колоколов, под пронзительное конское ржание и резкие звуки полковых труб были подняты и вынесены из церкви на площадь громоздкие щиты водруженных на носилки красочных икон, остекленные разноцветным стеклом фанарные подсвечники и крылатые, тускло поблескивающие позолоченной бахромой хоругви. Эту традиционную церемониальную процессию торжественного выноса к войску церковной утвари и алтарных реликвий открыл величественный и неприступный в

праздничном своем одеянии архиерей Омской степной епархии рослый и престарелый Никон. В сопровождении прибывших по случаю молебствия из окрестных станичных приходов двенадцати попов, пяти благочинных и целой свиты прислужников, архиерей, похожий в серебряной ризе на голубоватую лебяжью глыбу, медленно спустился с церковной паперти и, утопая по полю в кадильном чаду, тронулся навстречу выстроившемуся перед церковью войску.

Эшелоны, образовав каррэ, были выстроены на площади в полном походном снаряжении. Грозен и сумрачен был чисток тупо поблескивающих на солнце гранеными наконечниками, неподвижных казачьих пик. Глухо гудели за плечами у всадников стволы линейных винтовок. А на рубчатых, до блеска натертых каленным кирпичом и вытравленных гущей эфесах шашек играли, дробясь и переливаясь, яркие солнечные блики. Остро пахло кожей, конским пометом, пылью и ворванью.

День выдался жаркий и ветренный.

С юга дул горячий, овеванный дыханием великих пустынь Азии, прогорклый от соли и полынной горечи, порывистый ветер. Временами он поднимал на степных дорогах крутые жгуты смерчей. Беснуясь, они, подобно не знавшим узды и аркана конским табунам кочевников, стремительно кружились на месте, а затем так же стремительно мчались к низинам далекого горизонта, где небо под траурным крепом поднятой ими пылью обретало в такие минуты фиолетовый зловещий оттенок. Тоской и тревогой веяло и от этих беснующихся в степных просторах вихрей, и от этого зловеще мрачневшего вдали неба, и от всего этого пышного поповского благолепия, и от клиросных песнопений, и от громогласно провозглашаемых дяконами псалмов и напутственных молитв.

Престарелый архиерей, воздев к небу величественно распростертые под ризой руки, замер в глубоком безмолвии над полковым походным престолом. И трагической своей неподвижностью напоминал он огромного беркута, задремавшего на могильном кургане. А двенадцать попов иступленно кружились вокруг неподвижного пастыря и, громыхая цепями тяжелых и жарких кадил, утопали в облаках голубого дыма и зывали к господу, грозно и требовательно прося его о даровании побед...

— Благочестивому-у нашему воин-

ству-у... — гремел, кривя от усилия рот, цыганоподобный дьякон.

— Многоя лета-а!

— Многоя лета-а!

— Мно-го-оя ле-та-а-а! — так рывкнул клиросный хор, что, казалось, дрогнув, взмыли к небу крылатые хоругви и под копытами конницы глухо и угрожающе зарокотала земля.

Всадники стояли в строю с обнаженными головами. Азиатский ветер кружился над ними. Он путался в их волосах, становил их чубы на дыбы и заунывно посвистывал в стволах закинутых за плечи винтовок. Он напоминал этим свистом о дальних и бесприютных дорогах, о бесплодных и знойных равнинах, о бивуаках и странствиях в чужом, необжитом людми, краю...

Агей стоял на своем Атамане — такое прозвище дал он своему строевому коню — первым с правого фланга. Затянувшееся молебствие утомило его, хотя и не переставало волновать хмельным своим благолепием, торжественным песнопением и словами библейских псалмов, смысла которых никто из казаков не понимал. По-даянно-сладковатый и приторный запах ладана навевал дурманящую дремоту, но громовые раскаты дьяконских провозглашений мгновенно рассеивали ее. А при взгляде на неподвижные и грозные во всеоружьи шеренги войск, на зеркальные вспышки клятвенно обнаженных сабель и на стройную горюдбу овеянных пылью казачьих лик, замирало от возбуждения сердце и, как в хмелю, кружилась, шалея от буйства и удали, отяжелевшая голова.

«Ой, далеки дороги наши — Каркаралинские пути!»... — назойливо звучали в ушах Агея слова услышанной им вчера в сумерках предподходной прадедовской песни. И едва сдерживая невольную кощунственную улыбку, он старался придать своему лицу молитвенно-строгое выражение. Он стремился к этому особенно в тот момент, когда цыганоподобный дьякон, подняв над головой сложенные крестом персты, загромычал на всю крепость своим канонадным басом:

— О плавающих, странствующих и путешествующих миром господу по-мо-лим-ся-я!

— Го-спо-ди, по-ми-и-и-луй! — зывающе грянул на дьяконский призыв стоголосый клиросный хор.

И двенадцать попов с пятью благочинными, окружив престарелого архиерея, тро-

нулись влед за ним от покинутого им престола к войску. В левой руке архиерея блеснул позолотой и вспыхивал вкрапленными брильянтами крепко зажатый в восковом кулаке огромный наперстный крест, в правой — тяжелое кропило. Двое подростков, облаченных в голубые епитрахили, несли по левую руку от первосвященного пастыря до краев наполненный священной водой шарообразный серебряный сосуд.

Снова ударили во все колокола.

Первым, бегом перекрестившись, приложился к наперстному кресту, а затем к восковой руке архиерея командир эшелона есаул Султанов. За Султановым, картинно полувисая с седла, первый помощник его по строевой части — сотник Саранский. За Саранским — все остальные офицеры, командиры сотен, вахмистры и урядники.

После напутственного благословения офицерского состава архиерей в сопровождении всей своей многочисленной свиты направился твердым шагом вдоль выстроившихся на площади конных войск. И под новый взрыв клиросных песнопений и под ликующий колокольный звон архиерей, обдаваемый густым дымом усердно чадивших вокруг него кадил, проворно макал на ходу кропилом в подручную чашу и весело размахивал им потом, обильно поливая брызгами святого рассола и всадников и лошадей.

Кони испуганно пряли ушами и, злобно грызя мундштуки, нервно перебирали притекшими от долгого стояния передними ногами, да звучно отфыркивались от расточительных архисрейских брызг. Они — как и всадники — почуяли, должно быть, близкий исход парадного богослужения и, подрагивая от нетерпения, ждали теперь, насторожившись, первого условного звука полковой сигнальной трубы.

Когда архиерей поровнялся с правофланговым Агеем и, не взглянув даже на него, ловко выплеснул из сосуда кропилом в лицо ему последнюю пригоршню теплой и мутной воды, — в это мгновение испуганный Атаман под Агеем неожиданно взвился на дыбы и, ударив упруго выброшенной вперед ногой, вышиб из дрогнувшей архиерейской руки разбухшее кропило. Не растерявшись, один из юрких попов храбро выдернул из-под вздыбленных ног озлобленного жеребца оскверненную им реликвию, и архиерейская свита, оградив ослабевшего от страха пастыря, поспешно

удалилась с плацдарма на безопасную церковную паперть.

И не успел еще заглухнуть оборванный колокольный гул и едва только смолкнул клиросный хор певчих, — как в эту минуту командующий эшелоном есаул Султанов, встав на стременах, стремительно выбросил над головой ярко вспыхнувшую на солнце дугообразную офицерскую саблю, и светлосерый его ахал-текинец затанцевал под ним, роняя с закушенных удиц закипающую на губах розоватую пену.

И мигом все было забыто в это мгновение: и пышное величие затаенного богослужения; и громовой дьяконский бас, от которого временами приседали на задние ноги некоторые кони; и ослепительные одеяния архиерея и всей его многочисленной свиты; и все духовные песнопения о даровании воинству здравия, походного благополучия и благоверных побед... Взгляд тысячной конницы устремлен теперь был на вставшего в стременах и высоко занесшего над головой свою саблю, неподвижного, как памятник, есаула.

Великая тишина замкнулась над площадью.

Войска и тысячные толпы народа стояли не шелохнувшись.

Наступила решающая минута.

И вот полковой трубач, стоявший на вороном жеребце несколько поодаль от есаула, вдруг приставил порывистым жестом к губам лихо блеснувшую серебряным раструбом трубу. Вот он, отпрянув всем корпусом назад, секунду помедлил, а затем, энергично качнувшись в седле, тряхнул пламенным чубом, и пронзительные, щемящие за душу, звуки походного сигнала загрели над войском. В это мгновение всадники с трудом уже сдерживали взбесновавшихся от трубного клича, закусивших удила и грозно забивших копытами о землю строевых своих коней. А труба полкового горниста с великим искусством выговаривала тем временем знакомые всем казакам с колыбели и наизусть заученные ими с детства, невыразимо волнующие в эту минуту слова:

— Всадники-други!

В поход собирайтесь:

Радостный звук нас ко славе зовет.

Храбро с врагами России сражайтесь:

За Родину каждый, не дрогнув, умрет...

Да посрамлен будет тот малодушный,

Кто без приказа отступит на шаг!

Чести и

Долгу, и

Клятве преступный

На Руси будет принят, как злейший враг!

Не опуская простертой над головой излучающей бирюзовые вспышки сабли, есаул, взяв коня в мертвые шенкеля, поставил его на дыбы, и заглушая последние звуки сигнала, запел, наконец, необыкновенно звучным и мелодичным тенором:

— Эше-лон, слу-ша-ай мою ко-ман-ду-у!

И выдержав небольшую паузу, окинув взглядом с трудом выдерживающие строевое равнение войска и нервничающих сотенных командиров, есаул торжественно пропел:

— Эше-лон, справа по три...

И словно эхо есаульского голоса тотчас же зазвучало по всей площади в повторных приказах войскам командиров сотен:

— Пе-рвая сотня, спра-ва по три...

— Вто-рая сотня, спра-ва...

— Третья со-тня...

— Че-твер-тая...

От мгновенных перестроений тысячной конницы поднялись над площадью грозные тучи пыли и прокатился по земле многокопытный рокот и гул.

Пришпорив коня, есаул вихрем сорвался с места и огибая на полном карьере правоплечные колонны всадников, отдав хрипящим от напряжения голосом последнюю свою команду:

— Пра-вое плечо вперед! Ша-гом... ма-арррш!

И эшелон, спешно завершая на ходу перестроение, двинулся в походном порядке за своим командиром.

— Песельники, впе-ре-ед! — гарцуя с боку головных колонн на великолепно сложенной темнотурой кобыле, командовал сотник Саранский.

Через минуты в голове эшелона, учетверив тройные ряды, выстроилось, по двенадцати всадников в ряд, шестьдесят прославленных в линейных станицах молодых певцов. Выскочивший вперед строя на шустром саврасом жеребчике лихой на осанку запевала из казаков Пресногорьковской станицы, строго оглянувшись на товарищей, занес над головой собранную в руке плеть. Подав условный знак внимания, он закрыл глаза, и ритмично замахав плетью из стороны в сторону, завел необыкновенно высоким, рыдающим голосом:

Ре-вела буря. До-ождь шу-умё-ел.

Во мра-аке молнии блиста-али...

И вдруг, как буря, грянула по взмаху запевалы и забушевала над эшелоном тра-

диционная у Сибирского казачьего войска песня:

И беспрерывно-о гро-ом гре-ме-ел
И ве-стры в дебря-ях бушева-али-и..

Войска уходили, объятые пылью, бушующей песнью и плачем покидаемых матерей. Полковое знамя гулко гудело над эшелоном, полощась на могучем встречном ветру.

И — как в песне — поднимались с востока над степью глухо громыхавшие в отдалении аспидно-черные грозовые тучи. И — как в песне — полыхали вдали голубые росчерки молний и угрожающе рокотал проходящий где-то поодаль, глухой степной стороной, неожиданно разыгравшийся ураган.

Но открывая горестно зажмуренных глаз, запевала, покачиваясь в такт своей песне, рыдающе выводил:

Вы спи-те, ми-лые ге-ро-ои,
Друзья, по-од бурю ре-ву-уще-ей.

И грозный и торжественный шквал песни вздымался над утонувшим в пыли эшелоном:

С рас-све-том гла-ас разда-астся мо-ой
На по-одвиг и на смерть зо-ву-ущи-ий!

В глазах есаула Султанова сгущался туман.

Есаул раскрыл карманные часы и мысленно засек время: свой великий поход с молодыми воннами начал он в два часа тридцать пять минут пополудни...

Свыше трех часов гремело в станичной дуброве прощальное гульбище в честь вставших под боевое знамя молодых казаков. И под просторными белыми шатрами, и под сенью вековых, гулко шумевших могучими вершинами, заповедных берез,— везде и всюду, куда ни ступи, пировали вокруг раскинутых на земле самобранных скатертей семьи и родственники призванных в действующую армию воинов.

Спешившись после выступления из крепости близ этой дубровы, казаки проводили в кругу родных и знакомых последние свои часы.

Столы ломились от яств.

Не поспешили на этот раз бережливые родители в честь уходящих на поле брани сынов своих на обильные кушанья и расточительные угощения. Похоже, что выгружены были из погребов годовые запасы соленых груздей, маринованной, с корицей и прочими специями, оранжевой капусты и бочата стуженого на льду, вышавшего деревянные пробки и шумно за-

кинавшего в круговых чангах пива. Дымлились на гаруных скатертях настезь распахнутые рыбные пироги. Плашмя лежали на огромных цинковых блюдах порозовевшие трупы поросят, нашингованные чесноком свиные окорока и золотистые от искусной поджарки гусиные туши. Вороха прокипяченного в масле хвороста; целые башни крупчатных ватрушек и вазы перемытой в меду и патоке разной сласти, — все это было выставлено ради прощального пира на доступные в такую пору всем столы.

Не успели присесть за простертые скатерти спешившиеся казаки, как разливное море самодельного пива и хлынувшей в чашки браги зашумело в дуброве, и тотчас же от хмельного говора, горьких песен, материнского плача и хвастливых стариковских воплей о храбрых своих сынах, о строевых их конях и походных доспехах, — поднялся от всего этого в дуброве такой гул, что, казалось, занялась там великая битва. Недаром тысячи вспугнутых с гнезд грачей вились с беснующимся криком над вершинами обжитых берез, как кричат они только к дождю в жаркую летнюю пору.

После первой же, прошедшей по застольному кругу, обрядовой бражной чаши, выпитой за здравие служивых сынов, старики захмелели. Забыв о напутственном слове, которое положено было в эту минуту сказать отправляющимся в поход сынам, они шумно и бестолково принялись хвалиться друг перед другом то былой своей храбростью, то своими командирами, то лошадьми...

Братья Карауловы попытались было затеять с казаками Пресногорьковской станицы очередную и неизбежную, по их убеждению, при столь торжественном случае драку. Задираясь с пресногорьковцами, Кирька в пылу словесной дуэли с противником успел уже разодрать на себе от ворота до подола новую сатиновую рубашку и замахнулся на рослого пресногорьковского бородача подвернувшейся под руку чьей-то голубой дугой с валдайскими колокольчиками. Однако нанести сокрушительного удара по иностаничному врагу ему на сей раз не удалось. Подоспевший поселковый атаман Агафонич проворно сграбастал Кирьку, по-беркутиному налетев на него сзади, а затем при помощи трех обходных казаков скрутил его ремнями вожжами и вместе с давшим было деру, но пойманым в полуверсте от дубровы Оськой братья были погружены на

войсковую подводу. Связанные Карауловы, горько рыдая на всю дуброву, громко пообещали на прощанье пресногорьковским казакам выжечь до тла их станицу, а потом, обреченно унав головами на одер войсковой телеги, поехали отбывать в станичном клоповнике предначертанные атаманом роковые свои трое суток...

И только два престарелых кавалера — браваый Фонбарон да приосалившийся дед Арефий — вели себя, не в пример прочему миру, достойно и строго. Ради этого столь торжественного в жизни крепости дня оба кавалера были в парадных, старинного образца, мундирах и при всех своих развешенных на груди регалиях. Твердым строевым шагом обходили кавалеры нога в ногу все пирующие в дуброве застольные компании. И за каждым столом, слегка пригубив подносимые им бражные чаши, они говорили напутственное слово вытянувшегося перед ними во фронт служивому казаку.

— Поздравляем с походом тебя, служивый! — по-генеральски сожнув седые кусты бровей, торжественно произнесил Фонбарон.

— Поздравляем... В добрый час, сынок. В добрый час, — вторил за Фонбароном дед Арефий.

— В добрый час... — продолжал Фонбарон. — Служи же Родине, сын, верой и правдой. Не посрами чести русского оружия и нас, престарелых линейных сибирских казаков...

— Перед супостатом не робей и от пули-лиходейки не прячься, — строго наставлял молодого казака дед Арефий. — С отцов и дедов своих пример бери. Мы при покойном их высокопревосходительстве генерал от кавалерии фон-Кауфмане во время анджанской экспедиции под градом бусурманских пуль чудеса на театрах военных действий творили. Ить ажю сердце радуется — кака грозна битва за Анджан у нас с супостатом была! Не зря про туркестанские наши походы и сражения полковник Симонов книгу в кожаном переплете сочинил. А вахмистр Первушин три проголосных песни составил...

— Эх, други, были времена! За матушку Россию отцы ваши сражались с бусурманом на славу. Есть о чем на старости лет припомнить, есть о чем... — горько вздыхая, говорил до слез растроганный воспоминаниями о былых походах браваый Фонбарон.

И кавалеры, смахнув привычным же-

стом с ресниц невольную слезу, ласково распрощавшись с молодым казаком и наградив его уймаой суровых наставлений и строгих советов, молодцевато удалялись к следующему столу.

В бушуевском застольном кругу помимо немногочисленной своей семьи было много родственного и просто знакомого народа.

Агей собрал к родительскому столу всех своих товарищей-сослуживцев, с которыми связан был ненарушимой дружбой с самого детства. Андрей Прахов, Тимофей Михин, Игнат Усачев, Ефим Неклюдов, Павел Минкин и Иван Волков — все это были верные и закадычные друзья Агея. С детских лет сблизили их смежные отцовские пашни, равная в прошлом для всех их родительская нужда, веселые и шумные осенние ночлеги в жарких и дымных земляных балаганах, и вольные по воскресным дням степные игрища и забавы. Ведь совсем, казалось, недавно слыли в семьях своих они за озорных и резвых подростков-бороноволок. А давно ли вместе блуждали шустрые эти погодки в древнем долбленом боту по дремучим камышным зарослям озера Кучумбая, странствуя в поисках гагарьих яиц и гусиных гнезд? Давно ли слушали они, не дыша от страха, страшные дедовские рассказы у ночных полевых костров о Соловье-разбойнике и прижившихся в крепостных рвах нетопырях и ведьмах? Нет, это было, кажется, совсем недавно. Совсем недавно рыскали они, сломя голову, и, задрав по колена штаны, по дождевым лужам, изображая одновременно и лихих коней и храбро атакующих врага всадников... А теперь вот было им уже не до забав и не до игрищ. Но острее, горше и ярче вспомнилось в эти минуты затерявшееся в степных просторах босоногого детство и еще более сблизжала возмужалых и вставших в походные стремена погодков одинаково сложившаяся у них судьба...

Появление в застольном кругу друзей так возбудило и обрадовало Агея, что он, до сего мрачноватый и несловоохотливый, сразу же просветлел и заметно оживился.

Выпито за бушуевским столом было немного. Но все уже, и в том числе Агей, были навеселе. И у Платона Тимофенча при взгляде на просветлевшего сына отлегло на сердце. «Ну, слава тебе богу. Хоть с ребятами-то ожил. А то сидит, как приговоренный, ажю перед народом неловко»... — удовлетворенно подумал старик. Затем он сам обошел по застольному

кругу, разлил по опорожненным чашам ледяную выкиньцу отборного пива и, вернувшись на прежнее свое место, хотел было сказать что-то своим гостям, но, едва раскрыв рот, осекся. В это мгновение он заметил важно шагавшего по направлению к ним сотника Саранского и, поспешно тынув локтем Агея в бок, вполголоса сказал, торопясь, ему:

— Сотник... Встань во фронт и пригласи их благородье к столу, как это подobaет...

— Кого это к столу?! — насмешливо и достаточно громко спросил Агей, хотя и отлично слышал о ком шла речь и, больше того, сам видел теперь приближавшегося к ним сотника.

— Тихо ты... — прошептал в смятении Платон Тимофейч и, взволнованно теребя невозмутимого сына за гимнастерку, зашипел почти угрожающе: — Встать во фронт тебе говорят — офицер идет! Передай по артикулу приглашение. Не губи меня. Не нарушай обычая. Слышишь?!

— А ну его к чорту! Пушай проходит себе своей дорогой... — с явной злобой и так громко отрезал Агей, что поравнявшийся с ними сотник не мог, разумеется, не понять, к кому адресованы были эти слова.

Между тем, никакого вида в этом Саранский, проходя мимо пригитхшей бушуевской компании, не подал. Он прошел мимо, как бы не заметив даже хмельных и нагло глазевших на него казаков. И только по тому, как судорожно передернулось левое офицерское плечо, и потому, как неожиданно и резко прибавил он шаг, — всем стало ясно, что сотнику стало не по себе...

Вся эта сцена так подействовала на Платона Тимофейча, что он с минуту сидел, как пришибленный. Стыдно ему было перед стариками за неслыханную дерзость сына и почему-то страшно вдруг стало жалко самого себя. Но затем, собравшись с силами, он, осуждающе покачивая сизою от седин головой, все же молвил:

— Нет, как ты хошь, а не идравится мне это, сынок...

Агей, воспрянув, запальчиво хотел возразить что-то отцу. Но его опередила дружно заступившиеся за него сослуживцы. Осмелев от хмеля и агеевской дерзости, они наперебой зашумели:

— Правильно, наряд, поступил. Правильно!

— Фактура, правильно.

— Нам с такими бражничать не с руки...

— Без его, бог милует, как-нибудь обойдемся...

— С таким благородием и кусок поперек горла встанет.

— Не офицер — шкура барабанная.

— Ну, братцы, хлебом мы, должно быть, с этой гнидой горя!

— Это — как нить дать.

— Выспитесь он, варнак, на нашем брате...

— Ить эта што тако?! — громче всех закричал побагровевший от гнева и хмеля Тимофей Михин. — Три раза низки у меня на смотрах браковал. То ошкур, говорит, против формы на полвершка обузили. То гашинки, понимаешь, пришлись ему не по артикулу...

— Ну, ты хоть, наряд, на подитаниках отыгрался. А я вон при родительском-то капитале на две четвертных из-за седла пострадал, — мрачно заявил отмалчивавшийся до сего Андрей Прахов.

— К ленчику придрался? — насмешливо спросил Андрея Агей.

— Сперва к ленчику. Потом на переметны суммы его сбросило: косину как-то нашел. Ну, забраковал и баста. А седло у меня, ребята, вот те христос, было в полном порядке, — поспешно перекрестился Андрей, клятвенно глядя на товарищей.

— Што там говорить. Знам.

— Мастер-то один у нас все седла работал. Одни золотые руки...

— Такой мастер неформенного седла сроду на смотр не выпустит. Тридцатый год всю линию седлами снабжат, — громко наперебой принялись расхваливать казачки седельного мастера.

— И што это он взъелся на меня, братцы? Никак я тут не пойму чисто. Обличьем што ли я ему не поидравился. Ить шутка сказать, я из-за этого седла родителя в таки долги вогнал, што ему до второго пришествия из них не вылезти... — продолжал шумно рассуждать Андрей Прахов.

Еле-еле утихомилив непристойно расшумевшихся казаков, Платон Тимофейч решил пристыдить, урезонить их суровым, осуждающим словом.

— Ох, неладно вы судите, ребята. Страм слушать. Постыдно... — глухо проговорил старик, строго посмотрев на снова помрачневшего сына. — Нету, к хоро-

— Она, ведьма, кого тебе хощь околдует. Недаром на заговорной крови замешана...

— Ить эта надо, с есаулом спозналась, а?!

— Подумать только, такой офицер пострадал...

— Ох, бабы, погубит она его благородье. Погубит...

Между тем, пока шли под румянцевским шатром подобные бабы суды-пересуды, тем временем перемигнувшийся с казаками Агей, вскочив из-за стола, неожиданно ловко схватил есаула подмышки, и казаки, мигом налетевшие на Султанова, высоко подбросили с криком «ура» командира в воздух, а затем, приняв его на простертые руки, дружно принялись подкидывать в такт хорошему припеву все выше и выше.

Через мгновение группу молодых казаков, качающих есаула, окружила лавиной хлынувшая сюда со всех окрестных столов огромная толпа. И неуклюже согнувшееся в воздухе есаульское тело продолжало высоко взлетать над толпою, ритмично раскачиваясь в лад озорному обрядовому припеву:

— Эх, чарочка моя!
Позлаченная!
Кому чару пить?
Кому выпивать?

Так спрашивало несколько резких до хрипотцы тенорков.

И могучий хор профильтрованных брагой казачьих глоток басисто отвечал вопрошающим тенорам:

— Эх, пить ее есаулу!
Выпивать до дна командиру!

Не унимаясь, тенора продолжали, вопрошая:

— А и кто ж наш есаул?
А и кто ж наш командир?

Басы же ревели в ответ, что есть мочи:

— Есаул наш, братцы, хват.
Командир нам родной брат.
Браво хвату!
Браво брату!
Дай бог здоровья ему —
Благодарю их высокому Султанову!

— Благодарю! Спасибо, братцы... Довольно. Хватит, казаки. Отпустите душу на покаяние... Ради бога. Довольно, говорю! Слышите?!... — то в шутку, то умоляюще, то требовательно и почти с угрозой просил казаков высоко взлетавший над их головами Султанов.

Но казаки, словно оглохнув от обуявшего их азарта, продолжали качать есау-

ла до тех пор, пока не допели длинную свою здравицу. И не успел едва опомнившийся Султанов встать на ноги, как широко расступившаяся перед ним толпа, звучно прихлопывая в ладоши, грянула традиционную казачью плясовую. Необыкновенно высокий, озорной и задорный голос лихо начал:

— Уж ты, хмелюшка-хмелек,
Што не развивался?

И толпа дружно гаркнула:

— Где, казак, ночевал,
Што не фазувался?!
Ночевал Бравый казак
У красной девчонки.
Пожурила та девчонка:
— Што ж ты поздо ходишь?
Што ты поздо ходишь,
Дороженьку ронишь?

Из толпы вихрем вылетел маленький и чубастый Тимофей Михин. Подобно заводному волчку трижды прошепел он, крутясь на одном носке, вприсядку по кругу. А затем, на мгновение задержавшись против Марины, вдруг он с таким ожесточением и бешенством дробно ударил перед ней кованными подборами, что Марина, уже не помня себя и почти ничего не видя перед собою, рванулась к нему навстречу. И точно внезапно ворвавшимся в дуброву ураганом понесло ее, стремительно крутя вокруг взбесновавшегося, чортом увивавшегося около бушующего ее подола маленького и необычайно верткого казака. Размахивая над слегка согнутой головой белым багистовым фантиком и упершись левой рукой в бедро, мчалась Марина, легко перебирая ногами и ритмично раскачиваясь высокой и гибкой фигурой в такт песне. А казак то с непостижимой быстротой продолжал крутиться вприсядку на одном носке, то с какой-то злобной яростью высекал подборами пулеметные очереди дробных и частых ударов и свирепо хлестал себя ладонями по голеницам, по ляжкам, по коленям.

Ритм пляски и озорной, временами переходящей в скороговорку, плясовой песни слился воедино и, казалось, что плясовые слова отчетливо выговаривались вместе с хором и лихими михинскими подборами и острыми мариниными каблучками.

— Приходи ко мне, казак,
В самую обедню.
Хочу тебе показать
Шелковый передник...
Постлала для казака
Лебяжью перину.
А своего старика
Пошлю по калину:

— Ступай, старый, бородатый,
Наломай калины.
Не лезь, идол, на кровать,
Не мни мне перыны!..

Вдруг Марина, рванувшись от крутившегося у ее ног казака в сторону, легко прошла, придерживая одной рукой разбушевавшийся подол, по огромному, еще шире раздавленному под стремительным ее натиском, кругу и неожиданно встала, как вкопанная, напротив Султанова.

В толпе ахнули.

И на какую-то долю секунды даже замерла на полуслове ударившаяся в круговой пляс песня. Однако заминка эта длилась только какое-то одно мгновение, как на одно только мгновение неподвижно застыла перед растерянно улыбающимся есаулом Марина.

Но вот песня грянула снова; еще более озорная, подмигивающая, азартная, вновь подняла она над землей низко поклонившуюся есаулу Марину и закружила ее перед вылетевшим навстречу ей и точно пытавшимся поймать ее, щегольски заработавшего носками лакированных сапог и широко улыбающимся ей офицером.

А толпа, звучно прихлопывая в тысячу ладошей, приговаривала теперь плясовые слова все быстрее, все подзадоривающей, горячее и четче:

— Проводила старика
Калину ломати.
Положила казака
Рядом на кровати.
Я своего казака
Сердцем уважала.
Целовала-миловала
И за стол сажала...

Марина кружилась перед наступающим есаулом в таком бешеном темпе, что толпа, окружающая ее, сливалась в глазах в сплошной, стремительно мерцающий радужный круг. И Марине, уже не ощущавшей ускользающей из-под ног земли, порою казалось, что, утратив свой собственный вес, мчалась она, закружившаяся в пляске казачка — как это бывало с ней только во сне — по воздуху. Удивительно легко дышалось ей, несмотря на сумасшедший, ежесекундно ускорявшийся ритм пляски. Крылатая кружевная фаньжонка, сорвавшаяся с ее головы, была смята, втоптана в пыль лихо поблескивающими и неутомимо отбивавшими такт есаульскими носками. Но Марина, не замечая этого, продолжала кружиться, увлекая, соблазняя, вымаивая преследующего ее по пятам Султанова, и ловко ускользая от него в

то мгновение, когда он, настигнув ее, казалось, готов был схватить ее за руки. А она, похожая в эти минуты на птицу, металась по кругу — легкая, стремительная, недосягаемая. И народ, восхищенно любуясь ею, как залетной заморской павою, с жаром выхлопывал в ладоши и хором приговаривал учащенный такт плясовой прибаутки:

— Сидит казак за столом,
Горьку водку ломит.
А казачка молодая
Белы ручки моит.
Хватил водочки казак,
Усы завивает
И зазнобушку свою
К сердцу прижимает..

Было похоже, что вместе с Мариной и самозабвенно охаживающим ее в танце есаулом Султановым пошла в круговой пляс вся наполненная ритмичным гулом, ходунном заходившая дуброва. И порывистый ветер, поlyingающий над вершинами вековых берез, тоже как будто бушевал в такт буйствующей на земле плясовой припевке.

Султанов тоже уже не ощущал ни ускользающей из-под ног земли, ни собственного веса. Слово движимый властно завладевшей им некоей инородной силой, мчался он вслед за Мариной в какую-то голубовато-сумрачную бездну, плохо соображая о том, что делается вокруг и ничего не видя перед собой кроме смуглого, неярко озаренного зовущей улыбкой женского облика да призывно помахивающей белым платочком тонкой и гибкой руки..

И, может быть, увлеченный пляскою, есаул забыл бы обо всем на свете, если бы не прогремел вдруг над дубровой пронзительный трубный сигнал тревоги. Резкие, рывками прозвучавшие звуки серебряного горна вернули Султанова к действительности. И тотчас же, сбившись с такта, он остановился и, растерянно оглядевшись по сторонам, торопливо вытер выдернутым из кармана платком потное, слегка побледневшее лицо. Затем, бросив на Марину беглый прощальный взгляд, есаул неясно улыбнулся ей и, звякнув шпорами, четким армейским шагом успешно удалился с круга.

А Марина, не слыша ни тревожного рокота трубы, не замечая ни на мгновение установившейся тишины, ни мигмом исчезнувшей куда-то окружавшей ее толпы, — продолжала стоять посреди огромной, втоптанной людьми и пустынной теперь поляны — точно заколдованная, одинокая,

потерянная. И только теперь вдруг овладела ею такая усталость, что у нее судорожно заподрагивали в коленях ноги. С великим трудом добрела она, наконец, до неподалеку торчавшего, похожего на громадную глыбу, древнего пня и, окончательно обессилив, опустилась на него, скрестив на коленях ослабевшие свои руки.

И вот, поникнув и полусмежив отягощенные странной дремотой веки, сидела она в состоянии, близком к глубокому забытию. И никто, взглянув на нее в такую минуту, не мог подумать о том, что, вспоминая сейчас о Султанове, тщетно пыталась разгадать Марина одно: чем воскресил перед ней этот офицер до боли близкий, живой и волнующе яркий образ Агапа? А между тем, как ни старалась она найти и припомнить в фигуре и облике есаула все эти, поразившие ее воображение, неуловимые милые агаповские черты, — сделать ей этого не удавалось.

И только теперь поняла она, что вовсе не ради Султанова, потеряв голову, бешено кружилась она на глазах у людей в угаре сумасшедшей и не совсем, должно быть, дозволенной в ее положении пляски. И не есаулу призывно помахивала она, порхая по кругу, белым батистовым фантиком. Не ему она улыбалась, обнажая жемчужный набор частых, хищно поблескивающих зубов. Нет, иной облик отразился в есаульской осанке, в широкой и доброй улыбке его, в глазах насмешливых и веселых, и во всем, немного исхудалом и строгом его лице. И Марина, властно вовлекшая есаула в эту пляску и откровенно и жадно любовавшаяся им, в то же самое время не переставала все острее и горше думать о другом, — о том, кто примерещился ей в неурочный, должно быть, час в этом красивом и навсегда чужом для нее армейском офицере...

Так, погруженная в беспорядочные и тревожные свои размышления о неуловимом сходстве Агапа с Султановым, утомленная только что пережитым волнением и потому равнодушная теперь ко всему, Марина сразу даже не заметила поднявшейся вокруг нее суматохи. И только позднее, минутами несколькими спустя, она как бы пришла в себя и поняла, наконец, что прозвучавший над рощей сигнал полковой трубы возвестил о последних минутах прощания с уходящими казакми.

Тем временем в дуброве стоял такой

страшный гул от материнского плача, от пронзительного ржания строевых коней, от прощальных речей и криков провожающих, что, казалось, сама сырая земля стонала от горестных материнских рыданий, от ропота кованых конских копыт и скорбного говора многотысячной толпы, заполнившей огромный лес и не выпускавшей из окружения уже вставших в стремя и торопливо целующихся с родными притворно беспечных и веселых всадников.

И вспомнив об Агее, Марина бросилась со всех ног к своему застолью. Едва не угадав под копыта ошалело вылетевшего на нее из-за березы (со свернутым седлом на боку) чьего-то, видать, сбившего нетрезвого седока, строевого коня, — Марина добежала до своих в тот момент, когда уже со всеми протиснувшись и сидевший в седле Агей, сорвав с головы фуражку, поспешно осенил себя крестным знаменем и, собрав поводья, приготовился было дать шенкелей насторожившемуся своему Атаману.

Но задыхающаяся от глухих и страшных, похожих на смех, рыданий, Агафья Андревна, крепко уцепившись худыми старческими руками за вдетую в стремя ногу сына, удерживала его. И напрасно, героически крепившийся от застывших очи горьких слез, старался Платон Тимофеич и уговором и силой оторвать от сыновьяго стремени неразумную, глухую ко всему, свою старуху. Ничего не хотела ни видеть, ни слышать она в такую тяжкую для нее минуту. Посиневшие от напряжения узловатые пальцы ее прочно держались за стремя сына и страдальчески искривленные, спешившие от горя материнские губы ослепленно и жадно целовали: и пыльный, грубый его сапог, и холодную неласковую сталь стремени, и тяжелую пряжку подпруги, и кончик густо препитанного ворванью какого-то ремешка...

И не успела Марина пробиться к Агею сквозь плотно окольцевавшую его коня густую толпу, как грянул, трубя за дубровой, последний сборный сигнал, при звуках которого взвил агеевский Атаман надбы и так заржал, что у всех похолодело на сердце.

Все было кончено.

Дрогнувшие руки Агафьи Андревны выпустили сыновье стремя, и, ослабев, она, уже без рыдания, навзничь упала, как подкошенная, на распростертые руки Марины.

— Потгораливайся! — грозно прикрик-

нул на замешкавшихся всадников стрелой пролетевший мимо подхорунжий Струков.

И Агей, припугнув Атамана подборами, сразу же взял в намет и пошел, не оглядываясь и ловко петляя промеж берез, туда — на требовательный зов безумолку рокотавшего в стороне маршрутной дороги трубного сигнала.

...А через четверть часа эшелона уже не было видно. И только оранжевое облако пыли долго еще висело над пустынной, порозовевшей от заката дорогой, да все глуше и печальнее звучала далекая, затравившаяся в предусмотренном мертвом степном просторе казачья песня:

Засвистали в поле казаченьки
В поход с полуночи.
Заплакала наша Марусенька
Свои ясные очи..
— Ты не плачь, не плачь, наша Маруся,
Не плачь, не журися, —
За своего боевого друга
Богу помолися..
Ты не плачь, не плачь, наша подружка, —
Мы возьмем тебя с собою.
Мы возьмем тебя с собою,
Ох, да только не женою..
Эх, да только не женою
Назовем тебя ль, наша подружка,
А — родной сестрою!

Меркла слабо озаренная последними вспышками заката, стремительно убегающая в степной простор пустынная дорога. И девушка в ярком украинском наряде, неутомимо и долго бежавшая стороной вслед уходящему эшелону, наконец, отстала и совсем потеряла его из вида. А когда она поднялась на придорожный курган, то и с вершины его ничего не увидела кроме медлительно угасавшего вдали и на глазах менявшего неверные свои очертания пыльного облака.

ГЛАВА 3

Глухой и тревожной жизнью зажили линейные станицы после проводов досрочно призванных казаков на фронт.

Радоваться было нечему.

В большинстве хозяйств остались одни старики, малые дети да бабы. А между тем пришла пора сеять. И хоть погода небаловала ведром — снова нагрянули небывалые для внешней поры холода, с затяжными, по-осеннему бесприютными косями дождями и злыми, по-волчьи завывающими в ночи, северными ветрами, — но земля властно звала своих владельцев,

и народ мало-помалу стал выбираться из станиц на пашни.

Невеселым был в эту весну и выезд в степь.

О былом посевном размахе думать не приходилось. Стариковскими да бабыными руками большой пашни не подымеешь. К тому же невеликие запасы зерна (минувший год был не ахти урожайным), ревниво приберегаемого по сусекам для нынешней весны, многим пришлось промотать наряду с другими пожитками и вконец разориться, ухлопав все до последнего в доме гроша на строевых коней и положенное по войсковому уставу обмундирование для мобилизованных. Крепко подремизили линейный народ эти внеочередные сборы молодых казаков. Правда, кое-кто из жителей средней руки и мог бы еще одолеть с грехом пополам десятин е десяток, но нехватало семян, а у иных их не было и вовсе. Вот почему для доброй половины уже стоявших на грани полного разорения хозяйств вся надежда теперь была только на то войсковое воспомоществование, хлопотать о котором были посланы станичные депутаты перед императором в Петроград.

Но словно в воду канули отбывшие в столицу Российской империи посланцы сибирских станиц. Не возвращаясь к назначенному сроку и не подавая о себе обещанных грамот и вестей, наводили они тем самым своих земляков на тревожные и горькие размышления.

В станицах заговаривали о том, что к царю Маркела с Лукой не допустили и, арестовав их, направили по этапу в распоряжение наместника Западно-Сибирского степного края в Омск. Потом прошел слух, что, наоборот, они были приняты императором в Зимнем дворце, и царь, прочтя в их присутствии казачью петицию, тут же подписал золотым пером манифест о даровании Сибирскому линейному казачьему войску широких привилегий и обширных льгот. Затем, повелев отпустить на Горькую линию несколько тысяч пудов семенного и продовольственного хлеба, император наградил пробойных казачьих депутатов именными золотыми часами и, кроме того, приказал своим министрам снабдить Маркела с Лукой бесплатными билетами на обратный проезд. Слухов на линии бродило много. И, как всегда это бывает, чем эти слухи были нелепее, тем охотнее верил им народ. Но особенно близко к сердцу приняли старики молву о всемирности

вейшем императорском манифесте, дарственных царских билетах и именных часах.

Горячее всех уверовали в высочайший манифест престарелые георгиевские кавалеры. Оба они, и дед Арефий и Фонбарон, настолько не сомневались в наличии такой царской милости, что, расхрабрившись, рискнули сгоряча пойти на доселе несвойственную им дерзость, чем впервые за всю свою долгую жизнь навлекли на себя гнев станичных властей и вообще, надо сказать, накликали на старости лет на свои почтенные головы немало лихой беды...

Случилось все это так.

Однажды съехавшиеся по случаю восресенья в крепость с пашен старики собрались, как водится, после обедни в станичном правлении. Дел особых к обсуждению не предстояло. И народ, забившись от скуки и непогоды в сумрачную казарму, по привычке отсиживался там от праздного безделья, коротал невеселое время, как мог. Мирно посасывая самодельные трубочные чубуки и задыхаясь в зеленом дыму суворовского самосада, судили и рядили в этот час старики и о том, и о сем. Но, как всегда за последнее время, разговоры больше всего вертелись вокруг да около бесследно сгинувших депутатов. Привычно хмурые и злые речи велись о недостатке продовольственного и семенного хлеба. И в сотый раз с видимым удовольствием обсуждались упорные слухи о манифесте.

Тем временем явившиеся на сход братья Карауловы клятвенно побожились перед портретом царя о том, как они сами читали на днях письмо служившего в лейб-гвардии казака станицы Пресногорьковской, в котором писал тот из Петрограда про дарованный императором Сибирскому войску манифест и про царский прием Маркела с Лукой в Зимнем дворце. Торопясь и захлебываясь от восторга и перебивая друг друга, Карауловы так горячо и подробно докладывали одностаничникам об императоре и его дворе, точно уже не Маркела с Лукой принимал Николай II-й, а лично их — Кирьку с Оськой.

Старики не верили ни одному их слову и отлично понимая, что все это от начала до конца Кирька с Оськой врут, тем не менее слушали их рассказы с огромным вниманием и тут же заверяли друг друга в свою очередь в том, что все было имен-

но так и не могло, разумеется, быть иначе...

И кавалеры, прислушавшись к заверительным карауловским рассказам, окончательно уверовали в милость царя. До слез растроганные столь радостным сердцу известием, они потихоньку столковавшись промеж собой, решили выручить изгоревшийся народ храбрым своим предложением. И вот, поддержанный верным своим приятелем, Фонбарон, пробравшись от печки в центр казармы, не спеша обнажил седовласую свою голову и, выждав пока уляжется казарменный гвалт, заговорил, то и дело поглядывая на насторожившегося, как на часах, деда Арефья.

— Воспода станишники! — сказал Фонбарон несколько торжественно и глухо. — А мы к вам с добрым советом. Как судить, может, и наш старческий разум сослужит верную службу в эту трудную для нашего войска минуточку...

— А ты покорооче бы, восподин кавалер! — поторопил Фонбарона с печки нетерпеливый к степенным речам и высказываниям Буря.

Но старики сурово и дружно прицыцкнули на десятиника:

— Ты впусую-то не гуди-ко там, Буран!

— Придержи свое ботало за зубами.

— Помолчи себе в трапочку...

— Не сбивай старого война с ладу!

— Так вот, стал быть, я и говорю... — продолжал Фонбарон с некоторой замешкой. — Тяжкий ударял час для нашего войска. Трудное испытание уготовил нам господь. Прямо — как в Библии: «и придет на тя зло, и придет на тя внезапно пагуба и не увеси». Так сказано в священном писании. Так говорит устами пророка книга Исхода... Но нам с вами в такой час сомневаться в высочайшей милости не приходится. Благоверный государь император прошения нашего без последствий, конечно, не оставит. В это мы все веруем... Только пока, как говорится, солнце взойдет, роса глаза может выбить. Так ли я говорю? — вдруг усомнившись в своих словах, с тревогой спросил Фонбарон не спускавшего с него увлажнившихся глаз деда Арефья.

— Во. Во. Во. Туды клонишь... — взволнованно пробормотал, подбодрив приятеля, дед Арефий.

— Ну, вот... Я к чему, примерно, такие слова сказал? — спросил Фонбарон, искоса озираясь на неожиданно появивше-

гося в казарме станичного атамана. Но, собравшись с духом, продолжал: — А к тому и сказал, што пока, дескать, оный манифест из личной канцелярии его величества к нашему атаману поступит и народу зачнут отпускать дарованный тем манифестом провиант, там, гляди, и сеять уж будет поздно, и семена, гляди, не к чему. Вот я зачем, воспода старики, таку речь сказал...

— Форменно будет поздно!

— Верные ваши речи, восподни еоржевский кавалер!

— Казна она завсегда после драки кулаками машет...

— Знаю мы это. Было на прахтике...

— Тише, станишники!

— Не мешать егорьевскому кавалеру!

— Што там тише?! Мы про казну говорим...

— Эх, воспода ребята, на эту казну надежа, как на нищем одежа — одни ремки...

— Вот именно.

— Нам от казны ждать больше нечего. Она нашего брата на этом веку показила. Хватит!

В казарме снова поднялся шум. Старики повекакали при этих словах с полу на ноги и тотчас же принялись поносить на чем свет стоит и ненавистную им «казну», нераспорядительную войсковую управу, и добрались уже было опять до самого наказного атамана. Но станичный атаман Муганцев, грозно прикрикнув на распоясавшееся свое общество, хоть и с трудом, а утихомирил стариков и уговорил их прежде всего выслушать Фонбарона.

— Дозвольте спросить вас, Артемий Маркыч. А какой по вашему в данном случае имеется у нас выход? — почти-точно обратившись к Фонбарону по имени и отчеству, заинтересованно осведомился станичный атаман.

— Выход? — озадаченно взглянув на бравого деда Арефья, переспросил Фонбарон, и, уловив решительный кивок верного своего советчика и приятеля, спокойно ответил: — А выход по нашему, восподни атаман, тут простой. Составить ба вот, к примеру, на сем сходе общественный приговор. Скрепить сию артикульную гумагу росписью всех станишников, нумером и печатью. А потом снять, благословясь, согласно этого приговора, с войсковых амбаров замки и казенные пломбы...

— Што-о?! — тревожно вскрикнул подпрыгнувший за столом атаман.

— Замки, говорю, с казенными пломбами с войсковых амбаров снять по приговору станишного общества... — глядя на атамана в упор, спокойно повторил ему Фонбарон, как глухому.

— Планы хорошие, Артемий Маркыч... — сказал с ехидной усмешкой атаман. — Ну, валяйте. Я слушаю, што будет дальше.

— Да. Да. Да. Дальше. Дальше... — требовательным тенорком повторил за атаманом скотопромышленник Афоня Боярский.

— Да што ж тут дальше-то... Дальше, так сказать, составить писарям артикульную ведомость да и роздать под роспись нуждающимся семенной и провиантный хлеб из этих амбаров. Вот каков наш совет. Так мы это дело понимаем... — заявил Фонбарон под громогласное «ура» дружно откликнувшихся на его предложение одностаничников.

И не успев вскочивший на ноги атаман раскрыть рта, как старики, норовя перекрывать друг друга, грянули, что было мочи, на всю казарму:

— Ура, воспода ребята!

— Биц Фонбарону!

— Правильну речь сказал егорьевский кавалер!

— С разумом рассудил старик...

— Растворить войсковы амбары!

— Вскрыть казенны замки!

— Резонно, станишники! Казна народ подремзила. Пушай казна нашего брата и из беды теперь выручат...

— Правильно! А то свой хлеб отдай диде, а сам ступай к ...

— Ить там тыщи пудов зерна в закромах лежат, а народ по пашням без семян нынешнюю весну кукует.

— Без семян-то ишо туды-суды. А вот у некоторых и муки ни пылинки в сельничках не найдешь. Это куда, братцы, годно?!

— Што там говорить! Сплошь и рядом народ таку нужду терпит...

— Там кормильцы кровь проливают, а тут хоть впору суму на плечо, да кусок хлеба на старости лет добывать именем Христа ради...

— Достукались сибирские казачки. Докатились!

— Скоро всем войском Лазаря с каликами-перехожими затянуть придется. Ить это позор, воспода ребята!

Вдруг по-бабьи звонкий и резкий голос Тихона Ишкова, прорвавшись сквозь

шквальный ураган травленных стариковских глоток, крикнул:

— Давай приговор!

И на требовательный призыв Тихона старики дружным хором гаркнули:

— Приговор! Приговор!

— Все, как один, подпишемся под такой гумагой...

— Послать за письмоводителем.

— Без письмоводителя не обойдешься. Гумага должна быть форменной. Казна артикул любит...

— Тут, братцы, все должно быть по закону.

— Фактура, по закону... Мы войсковой хлеб, воспода станишники, не грабим, а по воле всего общества займы у казны берем, — крикнул Платон Тимофеич.

— Ну, ясное дело, займы. За нами не пропадет.

— Расквитамся, ежели родится... — откликнулись старики.

— Нет, это форменный грабеж! — крикнул, наконец, не своим голосом атаман, грохнув об пол посохообразной своей насекой.

В казарме вдруг стало так тихо, что от неожиданности оба георгиевских кавалера аж присели на лавку. А, уstraшившийся грозного атаманского окрика, Бури смиренно прикрыл глаза.

Выдержав небольшую паузу, атаман, тяжело дыша, было похоже, что он только что вырвался с большим трудом из жаркой, не легко доставшейся ему драки, — решительно выступил из-за стола вперед, и, величественно отстранив от себя власто стиснутую в правой руке тяжелую атаманскую насеку, заговорил уже ровнее и глуше:

— ...Собственно, это даже не грабеж. Нет. Это разбой. Это худший вид наглого разбоя. Посегательство на неприкосновенные войсковые запасы — это преступнее казнокрадства... Стыдно, господа старики. Совестно, линейные казаки. Позорно, станичники... И особенно стыдно таким почетным и заслуженным воинам, конми являются наши георгиевские кавалеры!

— Ну, ты наших заслуг, восподин атаман, не тронь! — гневно крикнул ему проворно подпрыгнувший с лавки дед Арефий.

— Над нашими регалиями покорно прошу вас, восподин станишний, не глумиться! — сурово, в тон другу, напомнил атаману, привстав с лавки, сумрачный Фонабарон.

— Не страмить стариков!

— Не позволим изгаляться над кавалерами...

— Ишь ить кого урезонивать, как пол перед царскими вратами, начал!

— Мальчишек нашел...

— Ты пам, атаман, этих акафистов-то тут не служи...

— Это верно. А то как бы мы ишо папихиду по тебе не заказали за такие речи... — угрожающе запокрикивали из задних рядов на Муганцева старики.

Но побледневший от ярости атаман, снова грохнув об пол насекой, завопил:

— Молчать!.. Атаман я у вас или не атаман?!.. Да как вы смеее?! Как только повернулся у вас язык, казаки, на подобные речи?! Слыханое ли это дело, чтобы станичное общество войсковой провиант собиралось по приговору делить?! А?! Да донеси я об этом наказному атаману — ведь вас живьем в острогах сгноят. — А ты донеси... — мрачно посоветовал ему кто-то от порога.

— И донесу! Немедленно рапорт отправлю, если во-время за разум на старости лет не возьметесь. Моя власть! — истерически крикнул Муганцев, опять царственно грохнув об пол насекой.

— И совершенно правильно сделаете, если куда следует донесете. Таким бунтовским разговорчикам в обществе потакать нельзя... — подсказал тенорком присмивший в переднем углу скотопрмышленник Боярский.

— Разумеется, нельзя, Афанасий Федорыч... — живо откликнулся на его голос Муганцев. — А как вы думали, господа старички?! Или вы решили по совету георгиевских кавалеров в преступных действиях против казны приговором прикрыться?! Тонко придумано. Тонко.

— Провиант в войсковых амбарах наш, а не казенный! — снова перебив атамана, возбужденно закричали старики.

— Фактура, наш. Мы ж его туды засыпали.

— Вот и именно. Хлеб народный!

— Правильно, воспода ребята. Зерно трудовое. Мы ему хозяева...

— Распределить по приговору да и basta.

— Законно займы у казны берем, а не грабим и не ворумем...

— Позвольте, позвольте, господа старики. Минуточку... — примиряюще замахав простертой к сходу рукой, заговорил с притворным спокойствием Муганцев. — И так, вы хотите прикрыться приговором?

Хорошо. Воля, конечно, ваша. Можете составить приговор и скрепить его личными росписями. Только учтите, что я, ваш станичный атаман, гласно отказываюсь признать за подобной бумагой какую-либо законную силу. Отказываюсь. Таково мое последнее вам слово... Ну-с, о последствиях лишней раз говорить не следовало бы. Ибо любой малый казачонок в станице разумеет, чем кончаются подобные выпады против войскового порядка и законной власти. Побунтовать на старости лет захотели? Что ж, валайте. Попробуйте, если удастся...

Умолкнув, Муганцев старательно вытер платком потное, мученически побледневшее лицо и, испытующе покосившись на притихших станичников, не спеша раскурил подрагивающей рукой от услужливо зажженной Боярским спички дешевую свою папиросу.

Нехорошая тишина установилась в казарме. Старики стояли угрюмо потупив и точно не дыша. Они выжидали, что скажет еще нервно пожевывающий зажатую в губах папиросу, предельно разгневанный атаман. А он в свою очередь ждал, что теперь заговорят припугнутые им старики.

Но старики молчали. И молчание это говорило сейчас Муганцеву горячее и убедительнее всяких слов о той единой решимости, которая бывает в такую пору страшнее любого открытого сопротивления и любых громко звучащих угроз.

Все было ясно.

Говорить больше было не о чем.

И Муганцев, рывком выбросив изо рта недокуренную папиросу на пол, сгреб со стола форменную касторовую свою фуражку, и одев ее ловким привычным жестом набекрень, не глядя ни на кого, глухо молвил:

— Хорошо. Мой разговор, господа станичники, с вами окончен. Я ухожу. А желающие побунтовать могут остаться...

Затем, бросив откровенно злобный и презрительный взгляд на угрюмо потупившихся стариков, атаман решительным и поспешным шагом направился к выходу.

Станичники, молча расступившись перед ним, дали ему дорогу. И тотчас же десятка три состоятельных казаков, оторопело повскакав с мест, гуртом двинулись во главе с Боярским вслед за демонстративно покинувшим сход атаманом.

В казарме, битком набитой людьми, произошло минутное замешательство.

Часть стариков, растерянно заозиравшись по сторонам, смятенно затопталась на месте, не зная, что делать: уходить или оставаться. Буря, с грохотом сорвавшись с печки, трижды выбежал за двери и трижды виновато и робко возвращался. Толпились у порога, скорбя в нерешимости, Кирька и Осыка Карауловы. Жался к ним Тихон Ишков да еще с десятков стариков, вдруг усомнившихся теперь в правоте решительных своих требований.

Смятение, вызванное уходом станичного атамана и группы верных его приверженцев, наконец, улеглось и в казарме вновь наступило гробовое, длительное и тягостное для всех молчание.

Прибывший на сходку четвертью часа тому назад писарь Скалкин, уже разложивший было перед собой на столе письменодительские свои принадлежности, теперь, после ухода станичного атамана, тоже поспешно принялся прятать обратно в шкаф припасенную для приговора александрийскую, с водяным знаком, бумагу.

Но выступивший в эту минуту из толпы приунывших стариков Платон Тимофеич спросил, повернувшись к станичникам:

— Ну, как порешили: приговор али отступ?

— Как общество... — уклончиво откликнулся Буря с печки.

— Общество? Общество, я думаю, труса перед атаманом праздновать не привычно... — уверенно ответил Буре Платон Тимофеич и, повернувшись к писарю, тоном, не допускающим возражений, сказал, указывая перстом на лежащую на столе бумагу: — Пиши приговор.

Писарь было замаялся. Но вставшие перед ним во фронт георгиевские кавалеры и прочие, примкнувшие к ним, старики так посмотрели на него, что размышлять, сопротивляться их воле или колебаться в собственной решимости было уже бесполезно да и некогда. Проворно развернув перед собой чистый лист александрийской бумаги, он торопливо обмакнул перо, и, картинно сбочив голову, с непостижимой стремительностью принялся строчить равнодушным почерком приговор.

А часом спустя все присутствующие в казарме старики, воровски перекрестившись на прокопченный табачным дымом кivot, скрепили бойкое писарское писемодительскими и личными крестообразными росписями.

И приговор о разделе войскового провианта вошел в силу.

В эту же ночь Муганцев собрал к себе в дом всех покинувших вместе с ним сход верных своих приверженцев и, бегло доложив о случившемся, прежде всего потребовал немедленной организации вооруженной охраны, которой можно бы было доверить расположенные за крепостными валами провиантовые амбары. Требование станичного атамана всеми было признано справедливым и одобрено. Но осуществить его на деле оказалось не так-то просто.

Все трудности были в том, что, согласно установленного положения, охрана тишины и общественного порядка в линейных станицах до сих пор лежала на обязанности так называемых «статейных» казаков, оставшихся от действительной службы и мобилизации по тем или иным статьям узаконенных льгот и отбывавших воинскую повинность на месте. Наряду со «статейными» обязанности внутрестаничной охраны несли еще и некоторые не совсем старые казаки, выделенные для этой цели по указу станичного атамана из среды менее состоятельных жителей станицы. Наряды «в обход» не являлись, в сущности, частой, сложной и тяжелой работой: только по случаю субботних базаров, двух зимних ярмарок да годовых праздников и приходилось казакам нести свои обходные дежурства. Но зажиточная часть станиц, как правило, всякими правдами и неправдами старалась избавиться от этой черновой воинской повинности, считая ее за унизительную и грязную для своего положения работу.

Между тем, казаки, несшие «обходную» службу, были вооружены, помимо имевшегося у них на руках холодного оружия, приобретенными за счет общества дробовыми ружьями и располагали немалым числом отпущенных из казны боевых припасов. Словом, объединившись в некое строевое соединение, эти казаки могли представлять из себя известную боевую силу.

Однако положиться на эту силу Муганцев теперь уже не мог, поскольку все эти казаки оказались если не в числе подписавших бунтарский приговор, то во всяком случае в числе явно сочувствующих подписавшим его.

И приверженцам станичного атамана оставалось одно: встать под ружье, возло-

жив тяжелое бремя вооруженной охраны провиантного хлеба на самих себя.

Такой был выход предложен и Муганцевым.

Но верные до сего ему и влиятельные станичные заправилы взвалить на свои плечи рискованные обязанности вооруженного караула наотрез отказались. Каждый из них, раскинув в эту минуту своим умом, понял, что вооруженное сопротивление выраженной в принятом обществом приговоре народной воле ни к чему хорошему, разумеется, не приведет, а принимать на свою голову удар в открытой стычке с большинством одностаничников никому из них не хотелось.

Напрасно старался станичный атаман, разгневанный трусостью своих единочынленников, пристыдить их и уговорить, усостыжить, урезонить. Ничего у него не вышло из этих попыток.

— Да, какие же мы вояки?! Филимон Анисимыч! Подумайте, наше ли это дело — под ружьем стоять?! — откровенно признался тенорком атаману Афоня Боярский.

— Вот именно... — поддержал его некогда не служивший в строю владелец станичных боен Александр Стрельников.

— Тут надежда на нас, господин атаман, плохая... — заявил школьный попечитель.

— Позвольте, позвольте, господа... Да вы, собственно, казаки или нет?! — ошарашенно спросил, как всегда бледнея от гнева, Муганцев.

Но ему никто не ответил. И только Никанор Румянцев, робко откашлявшись, после незначительной паузы неуверенно предложил:

— А я так полагаю. Охрану к амбарам нам надо постановить не из казаков, а вольнонаемную, скажем...

— Вольнонаемную? Из кого же? — заинтересовался Муганцев.

— Из кого? Ну, скажем, из тех же наших работников... Их ить на некоторые наши хозяйства по трое, а то и по четверо средним числом приходится. А у других порядочных жителей и до полуторых дюжин найдется. Вот, к примеру, у воспод Боярских или у Стрельниковых, скажем... И пошто бы нам не нарядить их за счет станичного общества на это дело? Ну, тех же кыргыз, скажем... Ить отказать от хозяйского поручения они не посмеют. А службу сослужить в такой час могут нам верную. Так я полагаю...

Такое предложение Никанора Румянцева пришлось по душе присутствующим и они дружно поддержали его.

— Совершенно верно, господа станичники! — оживленно откликнулся Афоня Болжский. — Приставим к амбарам надежных своих работников — верная будет у нас охрана. Я лично, несмотря на пахоту и предстоящую атбасарскую ярмарку, хоть сейчас в распоряжение станичного атамана пятерых отменных киргиз под ружье представляю.

— Правильно. Согласен. И я шестерых уделить могу, — с не меньшей горячностью отозвался и Александр Стрельников.

— Ну-с, и я, скажем, благословлю пару... — сказал Никанор Румянцев.

— И я двух азиатцев пожертвую.

— Да и я около этого числа не пожалую.

— И я, куды ни шло, последним своим киргизцем ради такого дела поущусь... — с готовностью заявили, не отставая от заправил, и остальные.

Муганцеву, собственно говоря, эта затея с вольнонаемной охраной не очень понравилась. Но иного выхода пока не было. И атаману, скрепя сердце, пришлось с таким предложением согласиться.

Заручившись согласием станичного атамана, Анемподиет Корольков составил на скорую руку список отобранных самими хозяевами самых надежных, расторопных и верных, по мнению их, батраков. Вручив этот список Муганцеву, присутствовавшие в его доме станичники тотчас же разошлись по домам, поклявшись доставить работников с пашен в станицу к началу рассвета.

Так было и сделано.

И чем свет свыше двадцати батраков, вооруженных хозяйскими дробовиками и врученными некоторым из них станичным атаманом боевыми винтовками, были выстроены перед Муганцевым. Вместе с вооруженными батраками присутствовали во дворе муганцевского дома и все их хозяева.

Наскоро ознакомив наспех организованную боевую охрану с несложными ее задачами и наобещав изумленным и перепуганным стражам кучу всяческих благ и воров наград за верную службу, — Муганцев лично препроводил их к месту караула и указал на места, где следовало расставить посты.

Обязанности начальника этого необычайного для казачьей станицы вооружен-

ного караула исполнял, по приказанию Муганцева, поселковый атаман Агафонич. И уж кто бы там, кто, а Агафонич-то меньше всего радовался столь незавидному своему назначению. Во-первых, он знал, что за командование над подобным боевым соединением ему теперь от всеобщих насмешек проходу не будет. Во-вторых, сам он в душе был целиком на стороне подписавших этот «бунтарский» приговор. Ведь и он, как прочие одностаничники, собрал и проводил на эту войну двух своих сынов. И у него пустовали сусеки. И под крышей его обветшалого дома прижилась без спросу ввалившаяся к нему нужда. Что ж тут преступного, если полуголодный и полуразорившийся за эти годы, осиротевший без своих кормильцев народ отважился самочинно занять из провантных амбаров по десятку — другому пудов зерна?! Надо же было брать где-то людям кусок хлеба и семена. Он и сам, поселковый атаман Агафонич, не прочь бы расписаться под таким общественным приговором... Однако, служба обязывала его теперь держаться насчет этих дел иного мнения. И он, приняв на себя командование над вооруженным караулом, должен был любыми средствами защищать от народа запрятанный под замками и пломбами казенный хлеб. Задача была не из легких. Да что ж поделаешь — служба! И, поразмыслив с самим собой, Агафонич решил служить, как требовал от него на зубок зазубренный им артикул и соответствующий званию его порядок...

Расстановив посты, Агафонич еще раз объяснил своим подчиненным на родном их степном языке несложные их обязанности, а сам поспешил уйти пока на великий случай от греха подальше к себе домой. Не хотелось ему лишний раз попадаться на глаза одностаничникам в незавидной роли командующего вольнонаемным муганцевским войском.

Работники же, мгновенно превращенные Муганцевым в воинов, заняли отведенные им посты и стали зорко следить за амбарами, с тревогой поглядывая в сторону притихшей на рассвете станицы. Из беглых наставлений станичного и поселкового атаманов они поняли, что никто не имеет права, кроме этих двух атаманов, приближаться к охраняемым ими амбарам ближе возвышавшихся в полуста шагах крепостных валов. Затем они знали, что в случае насильственного вторжения толпы или отдельных лиц в эту запретную по-

лосу, караулу дозволено было сначала открыть трехкратную предупредительную пальбу в воздух, а если и это не поможет — бить прямо в живую цель. Таков был строгий наказ Муганцева. Этому учили вооруженных своих батраков и хозяева. А станичный атаман трижды предупредил стражу, что в случае невыполнения его приказа каждый из струсивших будет немедленно арестован, отправлен в Омск, судим военно-полевым судом и казнен, как изменник.

Древние, почерневшие и обомшальные от времени деревянные амбары с провиантом стояли в центре наглухо замкнутой земляными валами линейной крепости. Когда эти амбары служили расположенному здесь гарнизону интендантскими складами и потому хорошо были защищены в стратегическом отношении со всех сторон.

Около одного из шести цепью вытянутых вдоль земляного редута хлебных амбаров поставлены были на караул двое стрельниковских работников. Каждый из них был не старше двадцати пяти. Одного звали Сеимбет, другого — Бажен. Оба они были родом из соседнего со станицей джетацкого аула Кугалы и оба батрачили у Стрельниковых с детства. Это были на редкость озорные, веселые и настолько обрусевшие парни, что и поговору, и по костюмам, и по чисто казачьим манерам и повадкам их даже трудно было с первого взгляда признать за бывших кочевников.

Бажен имел собственную ливенскую гармошку с колокольчиками и с таким мастерством играл на ней русские песни и пляски, что станичные ребята не раз били его от зависти к редкому его мастерству и в то же время щедро, как девуку, угощали его по праздникам леденцами «Ландрин» и папиросами «Роза».

Сеимбет же слыл в станице за превосходного плясуна и нередко забивал русских ребят не только в стремительном и вертком, как вихрь, «Казачке», но и в плавной, замысловатой «Мятелице» и в хитрых шести фигурах любимейшей у станичной молодежи «Кадрили».

Оба этих неразлучных степных друга, подвыпив, с таким азартом пели под баженовскую однорядку бойкие, вкрутую посыленные, частушки, что даже выдавшие виды, бывалые и злые на язык казаки охали от хохота и ахали от удивления, ставя их в пример подрастающим ребятишкам.

Вот за все эти качества, столь ценные в людях казаками, и любил стрельниковских работников станичный народ, и знали их все в станице от мала до велика. Это были единственные из казахских парней, кому был всегда открыт доступ на любую шумную молодежную вечерку, и ни один в станице девшишник не отыгрывался без них. Словом, оба парня были в станице на хорошем счету и беспрепятственно даже ходили по праздникам со своей гармошкой из края в край, что недоступно было издревле враждовавшим между собою, жившим в этих краях станичным ребятам.

И вот случилось так, что оба эти приятеля, вооружившись двенадцатикалиберными берданами, угадали теперь на боевой пост и им приказано было в случае чего смело палить из своих ружей прямо в народ, в хорошо известных им стариков, в девок, в баб, а возможно и в ребяташек. Приказ атамана был настолько жестоким и решительным, что смысл его не доходил ни до Бажена, ни до Сеимбета. Они просто не представляли, как это можно, укрывшись за бугорком, прицелиться и бахнуть в живого, храбро шагавшего навстречу их дулам, знакомого человека. Понять и осмыслить им этого было нельзя, а почувствовать в станичном народе своего врага они тоже, в конце концов, не могли и не умели.

И приятели, укрывшись за кустом прошлогодней полыни, молча лежали рядком, положив впереди себя заряженные свои ружья.

Над стенью вставал неясный рассвет. Громады сгрудившихся под горизонтом юртообразных туч заслоняли едва пробивавшиеся сквозь их разрывы неяркие проблески мерцавшего позолотой восхода. Влажный, пропитанный горечью выжженных палом трав, тяжелый ветер низко плыл над стенью, прижимая к земле разбухшие от влаги стебли татарника, таволги и полыни. И тревожен, и бесприютен был крик закружившихся над дальним березовым колком вспугнутых кем-то грачей. Что-то смутное и глухое медленно пробуждалось в эту пору в дремотных недрах древней земли. И, как хмельные, пошатывались от отяжелевших неверных крыльях, бросаясь из стороны в сторону над седыми бурьянами, уже полуослепшие в рассветный час совы. А на окрестных озерах поднимали свои паруса и медленно трогались в путь легкие призрачные

корабли: это ночной туман нехотя уступал дорогу грядущему, по-весеннему яркому и жаркому солнцу.

В зону западно-сибирских лесостепей вступало погожее утро. И подымая с ночлежных стойбищ станицы пролетных гусей, двигалось оно под трубный клич лебедей с востока на запад. И таинственная в ночи степная жизнь пробуждалась теперь, заполняя огромный, неясно озаренный восходом мир неистребимым и возрастающим гулом.

Хорошо было лежать в этот час под прикрытием голубого куста полыни, жадно вдыхать горьковатый ее аромат, пахнувший детством, простором, степью.

И Бажен с Сеимбетом, мирно полеживая рядком, зорко приглядывались к сумрачным крепостным редутам и слушали наизусть заученную ими с детства музыку весеннего степного рассвета.

Друзья долго молчали.

Наконец, Сеимбет не выдержал и сказал, не глядя на друга:

— Я слышу, как кричат грачи. Они кричат далеко над лесом.

— И я слышу... — откликнулся Бажен.

— Грачи кричат на рассвете к хорошей погоде... — немного помешкав, снова сказал Сеимбет.

— Это примета верная... — согласился Бажен.

И они опять замолчали. И опять стали зорко и пристально смотреть на угрюмые крепостные редуты. И опять стали слушать, как поет в час рассвета великая степь, как тревожно кричат над дальним кожом грачи, и как трубят над озерами белые лебеди.

И услышав лебединые песни, Сеимбет снова сказал Бажену:

— Я слышу, как кричат над озерами лебеди. И я вспомнил одну интересную историю. И мне хочется ее рассказать... Нет, это не история. Это была песня. Я слышал ее еще в детстве и, значит, это было давно. В тот год мне едва минуло двенадцать лет, но я уже был неплохим пастухом и хорошим джигитом. Это было в год мыши. Тогда мы гоняли с отцом большие гурты баранов бая Итбая на ярмарку в Куенды. Уй-баяй, как давно это было, Бажен, если я был мальчишкой! Но у меня ведь хорошая память — ты знаешь об этом, и из того, что случилось, я все хорошо запомню всегда... А сейчас я услышал, как кричат над озерами лебеди, и я вспомнил про песню, которую пел

нам однажды великий акын. Я запомнил, как мы ночевали с нашим гуртом в урочище Мулалы и как мы сидели с пастухами у ночного костра на берегу черного озера Карасу и как мы слушали тогда эту замечательную песню. Ее пел нам в ту ночь под звуки своей домбры один бродячий степной акын по имени Джамбул, родом с далеких гор, которыми кончаются наши степи...

— И ты слышал самого Джамбула?! — недоверчиво спросил Сеимбета Бажен.

— Я слышал Джамбула. И мне не за чем обманывать друга... — сказал Сеимбет с обидой. — Это было в год мыши, на берегу черного озера Карасу, у ночного костра под далекими Куендами, и отец мой тому свидетель... Мы сидели вокруг костра. Тяжелый кизячий дым окуривал нас и гурты наших баранов. А известный в аулах великой степи бродячий певец родом с далеких гор, которыми кончаются наши степи, спел нам тогда под звуки домбры свою замечательную песню. Это была песня о нашем народе. И мне кажется, что не в детстве я слышал ее, а вчера...

— Все это хорошо, Сеимбет. Но мы с тобой в карауле. У нас заряжены ружья. И нам сейчас с тобой не до песен, друг... — сурово предупредил его не спускавший с редут зорких глаз Бажен.

— Я знаю, что мы в карауле, что ружья наши заряжены и что нам с тобой сейчас не до песен, Бажен... — вполголоса заговорил Сеимбет. — Только когда я слышу, как кричат над озерами лебеди, я не могу молчать. Я не стану петь. Я хочу только рассказать тебе песню акына словами, какие знает мой язык.

— Рассказать можно, пожалуй. Говори. Только тихо. Пусть твой голос подобен будет сейчас шелесту вот этой сухой травы... — сказал Бажен.

— Хорошо. Я стану говорить не громче этой травы, — согласился Сеимбет и продолжал еще тише и глуше: — Была темная ночь. И мы сидели вокруг костра. И мы были голодны. Но, слушая песню бродячего акына, мы даже забыли про скудную пищу пастухов — про сухой творог, лежавший у наших ног. Мы сидели у костра. И мы слушали песню. И бродячий певец степей пел нам в ту ночь о том, как ограбил нас русский царь, и о том, как он отнял у нас и великие наши степи, и быдую вольность

наших кочевий, и даже настоящее наше имя похитил он...

— Настоящее наше имя?! Постой, Сеимбет. Разве мы не киргизы?!

— А ты слушай меня. И будь терпелив, Бажен, к слову певца, гостя и друга. Так нас учит древний обычай степей. И я расскажу тебе все по порядку, как в песне акына. И вот о чем пел нам в ту ночь Джамбул, если рассказать тебе его песню словами, какие запомнил я и какие найду я на своем языке... И было это давно. Это было в те отдаленные от нас времена, когда степь наша была свободной и вольной, как ветер. И ветер вольный, как степь, беззаботно распевал веселые свои песни и кочевал он в пустынных просторах из края в край, как кочуют под небом перелетные птицы. И никому не покорные беркуты и степные орлы гордо парили тогда над травами. И травы были буйны в ту пору, как гривы лихих тулпаров. И никем не устрашимые звери вдоволь резвились в лесах, не тронутых топором, и в камышах, не выжигаемых человеком. И лисы рыжие, как закат, смело мышковали в ковылях, подобных майскому кумысу — густых и пахучих. И птицы, не пуганные выстрелом, мирно плавали себе и плодились по голубым и бездонным, как весеннее небо над степью, озерам... И вот однажды — и это тоже было ранней весной — умирал в час заката на берегу великого озера Балхаша человек по имени Колчан Кадыр. И был человек тот великим батырем наших степей и храбрейшим воином, подобно воспетому акынами всех времен непобедимому Кобланды Багыру. И был он смертельно израненный стрелами. И единственный из всех наших предков остался в живых он тогда, после кровопролитной и жаркой битвы с врагами. И несметные полчища этих врагов нахлынули внезапно тогда в наши степи. И подобно грозovým тучам двинулись они на владения нашего народа из какого-то отдаленного, немирного и жестокого нравами дарства. И подобно страшному джугу опустошали они аулы и истребляли скот и испепеляли степи. И это было ранней весной, в год, которому даже нет названия... И после битвы, которую принял бесстрашный народ наш вблизи великого озера, остался в живых один человек по имени Колчан Кадыр — храбрый воин предков нашей степи и неустрашимый их предводитель. И семь вражеских стрел торчали в могучем теле его.

Но умирал он не столько от тяжких ран, сколько от смертельной жажды. И хотя у прозенных стрелами ног его виолголоса ворковали в вечерний час голубые балханские воды, умирающий воин не в силах был протянуть ослабевшей руки к воде и смочить горькой влагой ее свои спекшиеся от страдания и жажды губы. И напрасно нытался звать он о помощи: никого не мог потревожить немощный крик его, ибо батыри храброго войска Кадыра все были перебиты, а коварный враг, утрапившись покрытого трупами бранного поля, поспешно покинул непокорную нашу степь и увел за собою и весь скот из степных аулов, и всех престарелых, — кто бессилен был натянуть тетиву у лука и потому не принял участия в великом сражении, — и всех малых детей, и девушек всех и всех женщин. И великое запустение воцарилось в степной стране. И знойные, как огонь, и подобные горячим смерчам песчаные ветры подули изпод облаков. И цветущие степи превратились в пустыню. И стали сохнуть и вянуть степные травы и умирать, задыхаясь в огне и в дыму, потерявшие запах цветы. И дикие звери бросились в страхе в бегство. И тучи птиц поднялись над озерами и с криком стали покидать страну запустения, скорби и смерти. И в этот час тень беркутиных крыльев повисла над умирающим и заслонила она от него и небо, и степь, и откочевавшее на закат солнце. И умирающий понял, что час его пробил. И великая печаль затмила обескровленное его лицо. И закрыл он веки, обуглившись от скорби. И горько было встречать ему смертный свой час в одиночестве на песке пустынного берега, если на слабый призыв его о помощи не откликались ни люди, ни птицы, ни звери, и если страшное безмолвие степи, превращенной в пустыню, окружало его... Так умирал наш славный предок. Так умирал предводитель храбрых воинов, бесстрашно сражавшихся с врагами за свой народ и павших на поле битвы в неравном бою с смертию храбрых. Так умирал воспетый в сказаниях и песнях акынов человек по имени Колчан Кадыр. И когда пришел его час, и губы, спекшиеся от жажды, разомкнулись для последнего вздоха и на переносице его выступил холодный предсмертный пот, — услышал он над собой шум птичьих крыльев, и он напряг последнюю волю и открыл глаза. И сердце его зазвенело от радости, потому

что увидел он гусыню белую, как лебедь, и он хотел ей крикнуть что-нибудь и эи не мог. И птица, тихо покружившись над умирающим, неслышно опустилась к нему на грудь. И она напоила его из клюва водой прохладной, как утренняя роса, и ароматной, как дощик. И воин, утоливший из птичьего клюва смертельную жажду свою, ослабел, как слабеет после дальнего странствия путник степей от чаши крепкого кумыса. И, ослабев, он забылся глубоким сном. И никому неизвестно, какое число часов, или дней, или ночей проспал он на прибрежном песке. И, проснувшись однажды, — и это было на рассвете — он почувствовал себя исцеленным от ран и он не испытывал более былой жажды. И, оглядевшись вокруг, вновь увидел он и цветущую степь и девушку красоты столь невиданной прежде и столь редкой, что был ослеплен лунным сиянием ее лица и блеском глаз ее, звездам подобных. И спросил тогда батырь девушку: «Послушай, красавица, а не видала ли ты гусыни белой — как лебедь? И если видала, то в какую сторону улетела она? И не слыхала ли ты ее крика?» И, смеясь, ответила ему девушка: «Храбрый батырь мой, а не так ли светла я лицом моим — как перья белой гусыни? И не похожи ли руки мои на два гибких и легких ее крыла?!» И тогда батырь снова спросил ее: «Как же мне звать тебя? И откуда ты? И какой твой род? И далеко ли аул твой отсюда?» И как весеннее солнце над степью, сияя от счастья и радости, ответила девушка батырю: «Если светла я лицом моим, подобным светлым перьям белой — как лебедь — гусыни, и если руки мои похожи на два гибких и легких ее крыла, — то и зови меня, батырь, отныне по имени этой птицы — Каз-Ак...» И понял тогда храбрый предводитель Колчан Кадыр, что это сама судьба плененного врагами его народа вернулась к нему в образе белой гусыни Каз-Ак и напоила его из клюва живой ключевой водой, и исцелила его от смертельных ран, и возвратила ему былые силы его, и, превратившись в столь красивую девушку, отдалась ему для того, чтобы продолжил он с нею потерянный в битве и плененный врагами свой род... И прошло много лет. И великое числом потомство оставили после себя Колчан Кадыр с прекрасной Каз-Ак. И это было после долговечного и счастливейшего на земле их брака. И в честь красавицы белой, как лебедь, Каз-Ак и было

дано потомству их имя каз а х о в... И с тех пор — и это было давно — стали кочевать наши вольные предки по вольной степи. И не знал в ту пору народ наш ни нужды, ни бескормицы для скота своего, ни бед, ни обид, ни голода и ни джута. И у каждого в юрте горел очаг. И у каждого было масло в кибитке для того, чтобы вылить его на огонь в честь новорожденного. И около каждой из юрт весело ржали по вечерам приведенные из табунов для удоа свои кобылицы. И неслитанные табуны мирно паслись вокруг аулов. И под войлочной крышей каждой из юрт звенели струны домбры. И голубой кумыс бушевал в турсуках в каждой из ее кибиток. И никто не знает, сколько с тех пор прошло над великой степью и солнц и лун, ибо не счесть их ни прославленным степным мудрецам, ни бродячим ярмарочным звездочетам. И эта была счастливая пора для наших предков. И недаром великий акын Мурат так воспел эту пору в своих бессмертных и неувядаемых песнях:

Тучи белых баранов паслись средь степей,
Табуны в сотни тысяч горячих коней,
Всем несметным богатством природы своей
Любовалась в ту пору наша земля:
Красотой быстроногих коней дорогих,
Блеском спия их — лоснящихся и тугих.
На таких скакунах, днем и ночью, в седле
Разъезжали батыры по нашей земле!

Так пел великий Мурат. И Джамбул рассказал нам о нем в своей песне. И еще рассказал нам в тот вечер бродячий акын о том, как на смену счастью народа и белой воле его и его радостям пришла в наши степи лихая пора. И это была пора скорби и горя. И снова тучи закрыли солнце. И снова стали сохнуть и вянуть степные травы. И снова стали умирать, задыхаясь в огне и в дыму, потерявшие запах цветы... И я сберег в своем сердце и в памяти несколько слов из этой песни Джамбула. И мне захотелось повторить их теперь напоследок, хотя у меня и нет под руками домбры, хотя мы с тобой, Бажен, и в карауле, хотя и ружья наши заряжены, хотя нам с тобой сейчас и не до песен, друг...

— Нет. Нет. Говори, Сеимбет. Говори. Говори... — возбужденно прошептал Бажен, и, взволнованный рассказом приятеля, вплотную придвинулся к нему и стал слушать его, опять на мгновение забыв обо всем на свете.

И Сеимбет, тоже заметно волнуясь, продолжал полупропотом:

— И я запомнил эти слова. И я повторю их тебе. Слушай.

Много ханов ты знала, степь моя!
Море слез пролила ты, степь моя!
Был хан Аблай. Как голодный шакал.
Он по аулам добычу искал.
Баям с Аблаем привольно жилось.
Много баев в степях развелось...
А тем же, чьи плечи сдавила сума,
Хан был — как злая степная зима!
Хана Жангира забудет ль аул?!
От плача и ропота слышится гул —
Это народ шлет проклятья ему,
Давшему нам лишь суму да тюрьму..
Змеи сползаются с разных концов,
Степь зажимают в глухое кольцо.

И страшно народу на гадов смотреть.
И горько Джамбулу про все это петь!
И с русским царем принес Жангир-хан
В подарок народу плетть да аркан
Все туже на шее народной петля
Сытого бая и злого царя..
Как волки зубами степь они рвут,
Пастбища наши и скот наш берут.
Лучшие выпасы наши забрали,
И лучшую воду у нас украли,
И лучших коней у нас увели,
И нет нам приюта у нашей земли..
Взамен нам остались пустыней пески —
Раздолье для горя, простор для тоски..
И в этой печали и в этой беде
Народ не находит защиты нигде..

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Анатолий Ольхон

ПЕСНИ НЕНЦЕВ

(Импровизации)

1. ПЕСНЯ ПРИ ВИДЕ ОТЛЕТАЮЩИХ ГУСЕЙ

Свистящекрылые, летящие далеко,
Вы не оглянетесь на тундру и озера:
Забыв места, где выросли вы за год,
Спешите в вечнолетнюю страну.

Здесь на болотах мерзлая брусница,
Подлесок утром в инее седеет,
На разоренных гнездах ветер вымел
Яичную пустую скорлупу.

В той скорлупе, укрытые от ветра,
Под материнским телом согреваясь,
Назначенного часа ожидая,
Лежали вы, беспомощны, птенцы.

В той скорлупе, когда настало время,
Зашевелились лапочки и крылья,
И, осторожно высунув головку,
Впервые поглядели вы на свет.

Потом, окрепнув, путаясь в травинках,
Не убегая все же от гнезда,
Как часто вы, играючи, клевали
Ненужную, сухую скорлупу.

Так и мои теперь играют дети
Лоскутьями ребяческой одежды,
Той самой, что когда-то им расшила —
Бусинками — заботливая мать.

Но выросшие сбрасывают сразу
Привычные и тесные уборы,
А вместе с ними — детские желанья,
К которым не воротятся они.

И лишь, когда, с годами, возмужают
И сами будут мудрыми отцами, —
Гусей в отлет осенний провожая,
Быть может, и они задумаются, глядя
На скорлупу в покинутом гнезде.

2. ПЕСНЯ ПРИ ВИДЕ БЕГУЩЕГО ОЛЕНЯ

Легкобегущий трудною дорогой,
Он не зацепится в лесу рогами,
За кочку не запнется на болоте,
В кустарнике проворно проскользнет,
Мой ездовой вожак, широкоспинный.

В любой туман, в любую непогоду
Его копыта чувствуют тропинку:
Он не свернет в сыпучие сугробы.
Знакомый дым приюта и ночлега
Задолго он учует до меня,
Мой ездовой вожак, широкоспинный.

Пушистошерстный, не боится стужи.
И даже в самом длинном перегоне,
Крупчатый снег хватая на бегу,

Дыхание его не ослабевает:
Вынослив он, мой ездовой вожак.

На отдыхе, пробив покровы снега,
Довольствуясь промерзлым
моховищем,

Не требуя ухода за собою,
Он от костра не отойдет далеко:
Понятлив он, мой ездовой вожак.

Хотел бы я иметь такого сына,
Отменнобыстроногого,
Такого, выносливого на любой дороге,
Имеющего ровное дыханье,
Понятливого сердцем и душой,
И скромного во всем, всегда и всюду,
Как ты, мой ездовой вожак.

3. ПЕСНЯ ПРИ ВИДЕ ПЕСЦА, ПОПАВШЕГО В КАПКАН

Вот ты лежишь, придавленный,
замерзший,
Моя добыча — голубой песок.
Жестокий враг мышей и робких
куропатов,
Вот и попался ты в пружинные тиски.

На крыльях наметенного пургою
Высокого сугроба
Ты лежишь;
Грозивший смертью всем птенцам
гнездовий,
Сегодня сам от смерти не ушел.

Колючий ветер мнёт тебе подшерсток,
Поземка порошит тебе в глаза.
Прожорливый всегда на все чужое,
Теперь не хочешь ты, пожалуй,
ничего.

Я у костра сниму твою сырую шкурку
И выверну ее, чтоб мех сохранней
был.

Твой труп я разрублю на мелкие
кусочки
И буду им капканы наживлять.

Приятели твои, зачуяв запах крови,
Придут, чтобы твои же ребра грызть,
Но сами попадут в тиски пружины.
Недаром я поставлю свой капкан.

Так будет гибнуть нынче всякий
хищник,
Чужое пожирающий добро,
Чужие разоряющий гнездовья,
Пожрать готовый брата своего.

Для всех таких любителей поживы
Найдется на земле моей капкан.
Они умрут...
И жгучая поземка
Запорошит им жадные глаза.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Переводы с ненецкого по записям текстов В. Б. Скосырского, сделанным в 1935—37 гг. Тазовская тундра.

НА УЛИЦАХ ИГАРКИ

Когда сиянье перекинет арки
И звездный луч пробьется сквозь туман,
Встречаю вас на улицах Игарки —
Моих родных, суровых северян.

Здесь все привычно, просто и знакомо —
Снежок, опилек теплая пыльца,
Полярная звезда над зданием Горкома
И дремлющие лайки у крыльца.

Я понимаю ненца с полуслова,
С охотником о Сталине пою,
И по походке вижу зверолова,
И летчика по взгляду узнаю.

Размашисто шагают пилоставы,
На лыжах мчится юнармейский взвод.

Здесь каждый дом — надежная застава
На рубеже арктических широт.

Подросток из хансийского селенья,
За тыщи верст в училище придя,
Принес с собой, как знамя наступленья,
Родной портрет великого вождя.

Так я хожу, товарищей встречая,
С друзьями вдохновенно говоря,
И лесовоз несется, громыхая,
И над тайгой горит, не остывая,
Земная ошутимая заря.

Когда сиянье перекинет арки
И звездный луч пробьется сквозь туман —
Мне хорошо на улицах Игарки,
В родной семье суровых северян.

ВСТРЕЧА СОЛНЦА

Из маленькой избушки промысловой
Мы выбежали шумною гурьбой
Взглянуть, как солнца краешек багровый
Зажегся над пустыней ледяной.

И после шестимесячной разлуки
Из глубины арктических ночей
Мы к солнцу, к югу простирали руки,
Смешно, по-детски, шурясь от лучей.

Игарка 1941 г.

Повеселели сумрачные скалы,
Затрепетал над крышею флажок,
Из мертвой льдинки солнце высекало
Цветной неповторимый огонек.

И тундра возникала, как новинка,
Необозрима, празднична, светла:
Февральским утром каждая снежинка
Стремительно и красочно жила.

В ПОХОДЕ

Рота идет без отдыха, все ускоряя шаг. Путь ее лежит узким проселком, ровной луговиной. С боков луговину сжимают одетые дымкой строи сосен. Иногда к самой дороге подступают легкие серебристые стайки берез. Листва на них свежее-зеленая и словно дышит. Да не смотрят туда бойцы...

Это бы ничего — ускоренный шаг, если бы солнце не припекало так сильно и не этот злой ветер, что поднимает с дороги едкую пыль, да не встречные автомашины, после которых даже солнце меркнет и бойцы задыхаются как в дыму. Да еще если бы не эти пудовые ранцы, винтовки, которые как клещами оттягивают плечи и свинцом наливают мускулы рук...

...Подали команду — газы! Едва бойцы вынули из чехлов маски и натянули их на вспотевшие лица, как последовала новая команда:

— Бегом... Ма-арш!..

Походная колонна дрогнула. Ряды накренились. Лязгнуло оружие. Затопали подкованные сапоги, взметнулись клубы пыли.

Сразу потускнел свет. В сером жгучем сумраке Мотя Давидович еле замечал бегущих и сам бежал, сутулясь под ранцем. Коробка с пулеметными дисками толкала вперед и болталась на руке, как гиря, ранец тянул назад, винтовка била по плечу, маска облепляла щеки. И никак нельзя было приспособиться ко всем этим увесистым инструментам боя, избежать мучительных толчков и раздражающего потную кожу трения.

Стекла маски скоро потускнели. Не видно, куда бежишь. Кажется, вот, вот ухнешь в яму. Сердце учащенно бьется. Часы становятся минуты. И когда, наконец, гремит издали голос командира — снять противогазы! — кажется, что вышел ты из душного подвала. И мир хорош, и

пыльный воздух благоуханен и ветер прохладной ладонью нежно гладит по расплавшимся щекам, залитым соленой влагой.

— Ф-фа-а... — блаженно вздыхают в рядах и оттирают лица измусоленными платками.

А дорога все длится, длится. А луговина и сосновому бору и конца не видно. И сколько еще километров впереди?! Только пехотинец знает настоящий счет километров...

«Вот так бы и вести нас весь день, — думает затаенно Мотя. — Ровно бы идти в одном и том же темпе»... Но нет, — командиры обязательно думают иначе. Еще не отдышались от бега в масках, а старший лейтенант Русаков уже решил разыграть отражение внезапной атаки. Резкая команда, и — вновь рассыпались ряды...

Бежать на этот раз пришлось целиной, взбуровленной лемехами тракторного плуга. Ноги увязали в земле, спотыкались о твердые, неразрыхленные пласты, поросшие травой, или проваливались между пластами. Воздуха опять нехватало. Озлобленно бил в спину ранец. Лямки натирали плечи, будто раскаленные полосы железа ерзали по самой кости. Дважды Мотя падал, ссадил себе колено. Ошугов же бежал впереди него, — только ветер свистит! — и никак не хотел остановиться.

Замедлили бег только когда издали их окрикнул связной. Оказалось, что ручной пулемет должен занять позицию отнюдь не на фланге, куда почему-то стремился Ошугов, а в канаве около дороги. Пришлось еще стремительнее бежать обратно.

Во рту высохло. Губы потрескались. Вода во фляге булькала так соблазнительно, что выпил бы ее всю до капли. Мотя все же удержался от соблазна и даже передвинул флягу подальше, чтобы не падалась под руку.

— Устал? — спросил, покосившись на

него, Ошугов. — Ничего. Не напрашивался бы ко мне в помощники...

...В полдень вошли в небольшую березовую рощу. Воздух здесь был свежее, чище, чем в поле, кроны деревьев бросали на землю пронизанные лучами тени — словно шитое из цветистых доскутьев покрывало призрачно улеглось на землю. Тут объявили отдых.

Дремоту отогнал чей-то резкий крик.

Сперва подумалось, что привал кончился, пора подставлять плечи под тяжелый ранец, брать коробку с дисками... Но как же не хотелось подниматься! Так еще нужен был отдых, таким крохотным показался этот перерыв в движении.

Мотя открыл глаза, подтянул к бокам локти и поднял голову.

Безпоясая, коренастая фигура Коли Ошугова, круглое загорелое его лицо, розовые от жары глаза вошли в поле зрения.

— Что приуныл, а? Спаяшем!

Коля щелкнул каблучками, оставил одну ногу на пятку, другую на носок, вскинул руку, как бы готовясь пойти в пляс.

Мотя взглянул на него сумрачно и вновь улегся в траву, испустив облегченный вздох.

— Диковинное дело, братцы! — говорил рядом гранатометчик Чирков. — Устали мы вдрызг. У меня в теле кости аж в домино играют — не переносимый треск стоит. А крикнет Русаков — в ружье! — и вскочишь. Скомандует — бегом! — и побежишь... А дома-то бывало... Эх! И откуда здесь прыть берется?!

Мотя подумал, что этого уменя — управлять своими чувствами столь же непреклонно, как Русаков управляет строем, — ему и нехватает. Вот устал, и маленько уже пожаловался в глубине души... Нехорошо! Ведь поход еще только вначале. Трудное все впереди...

Он удивился внезапно наступившей тишине.

— Второе отделение... становись! — закричал отделенный командир Карасев.

— Как, товарищ командир, говорили привал на два часа? — спросил Ошугов.

— Кому на два, а мы идем в разведку. Выстроиться... вон у того пня! — И пошел дальше, посмеиваясь всевидящими глазами над обескураженным видом Коли.

— Люди отдыхать будут, а мы иди, чертоломь по лесу. Тоже мне разведка... Будто впереди и впрямь противник. Мо-

тя! — обликнул Ошугов товарища, озаренный какой-то тайной мыслью. — Усташь ты с этими дисками... ей, ей, усташь! Сознайся. А таскаешь их зря. Сунь в коробку один. И одного нам хватит.

— А другие два куда? — спросил Мотя, стараясь надеть на ушко коробки неподатливую металлическую скобку.

— Есть место, — помолчав, сказал Ошугов и вслыхнул под пристальным взглядом Моти.

— Уж не в буфетном ли фургоне? — спросил тот.

— А хотя. Буфетчица малость знакомая...

— Оставь, Коля. Перемигнуться захотелось? Так и говори...

— Огурцов подкупить, — еще пуще зарделся Ошугов. — А ты уж — перемигнуться! Захватишь пулемет?

— Иди. Захвачу.

— Будь другом! Я — быстро... Неудобно туда с пулеметом.

— Только имей в виду, Коля, Карасеву, если спросит, где ты, я врать не стану. — С этими словами Мотя взял коробку, пулемет повесил поперек груди и пошел, сгибаясь под двойной тяжестью, на место, указанное командиром. Ошугов со всех ног кинулся к буфету.

Догнал он свое отделение уже при выходе из рощи. Выслушав строгое внушение командира, живо занял свое место среди бойцов. Карманы его шароваров торпорчились, набитые огурцами, а лицо хранило довольную улыбку, глазки лукаво прищурились: — Все в порядке!..

Мотя только вздохнул в ответ: вот такого и на десять походов хватит!.. Сможет ли он, Мотя, состязаться с ним? Сможет, если не будет ни в чем уступать самому себе. Сверкнув глазами, сдвинув брови, сказал, как поклялся:

— Никаких долбляжек! Принципиально..

— Что? — спросил Ошугов.

— Я думаю — еще бы одну коробку с дисками. В другую руку. Идти было бы ровнее...

Ошугов рассмеялся такому странному желанию, но строгое лицо Моти заставило прикусить язык.

...Старший лейтенант Русаков, назначенный на время похода командиром батальона, высылая вперед разведку, хотел установить — нет ли перехода через болото, пересекавшее лес на многие десятки километров. В прошлые маневры болото обходили, теперь Русаков не хотел этого де-

лать. Куда полезнее преодолеть кочкарник, топи, мелколесье, чем шагать по хорошей дороге и разыгрывать условные бои. Разведка должна была обосновать окончательное решение командира.

Солнце стояло еще высоко над лесом, когда разведчики спустились в широкую низину, поросшую осинником и молоденьким березняком. Жара спадала. Распаренную листву чуть-чуть трогал легкий ветерок и заносил отсюда-то приторные запахи влажной прели.

Идти в этом мягком зеленом сумраке было бы приятно, если бы не усердие отделенного командира Карасева, который часто останавливал бойцов, заставлял тщательно изучать местность и каждый раз после этого отправлял донесения комбату. А и доносить еще было нечего. Да и кому не надоест мерять все один и тот же путь, к тому же самым быстрым шагом!

— Тоска! — вздыхал даже силач Ошугов, но отделенный, ни с чем не считаясь, продолжал делать свое дело.

— Старания не вижу! — по временам крикивал он неумолимо. — Вы как не живые. Учиться мы пришли или березы считать. Товарищ Петренко, вы — наблюдатель, чего задумались? Товарищи, запомните и зарубите на носу. Разведчик — это следопыт и звездочет... Не только на земле, он и под землей должен видеть на три метра, не меньше. А вы идете себе, как по стадиону. Дескать противника здесь нет, ничего нет, одно воображение мозга. Не верно! Вы думаете так, а противник может быть на сосне сидит и на вас автомат наводит. Товарищ Кунгурцев, сходите вон до той березы, обследуйте, нет ли там кукушки... Да не так! Чего вы прыжком поперли? Надо скрыто, от дерева к дереву. Остальные — за мной. Носы не вешать. Зря по сторонам не зевать.

Пошли дальше. Лес все редел. Замечался плавный скат в низину. Вновь остановился Карасев. Знаком собрал вокруг себя бойцов, по-хозяйски осмотрел их, остановился на раскрасневшемся лице Моти. Тот твердо выдержал строгий взгляд.

— Маленькая тренировка внимания, — сказал Карасев. — Посмотрим, что видим, проверим то, что схватил глаз. Товарищ Давидович!

— Я, товарищ отделенный командир.

— Что вы заметили в этих точках пространства?

— В этой точке пространства! — поправил Мотя.

— Все равно. Я спрашиваю, что заметили? — ничуть не смутился отделенный. За то Мотя почувствовал некоторую растерянность. Книжные знания тут не могли прийти ему на помощь. Что он заметил? Сороку на березе, настороженно вытянувшую шею и готовую в любое мгновение отчалить от своего сучка, муравьиную кучу, с ненужной жестокостью сбитую сапогом Ошугова, улыбки товарищей, как видно, сомневавшихся, что он сумеет дать требуемый ответ.

— Присмотрел... — начал Мотя, напрягая ум, чтобы отыскать хоть какие-либо подходящие слова. — ...Пожалуй, только лес, товарищ командир!

— И все?

— Да.

Сдержанные улыбки перешли в откровенный хохот. Карасев взмахом руки оборвал неуместное веселье. Сказал строго:

— Тихо, товарищи! Смеетесь, а сами, если спросить, ответите ничуть не лучше. Вы не смущайтесь, Давидович. Скажите, какой это лес?

— Лес обыкновенный... Осинник. Еще березы. Но березы редко.

— Старый лес?

— Нет, молодой.

— А вон та травка. Вон густая! Это что?

— Кажется, осока.

— Так. И что же? Да быстрее, товарищ Давидович, зачем вы так жутко лоб наморщили? Тут математики нет. Ну, что это значит — осока?

— Если осока, значит впереди вода, — сообразил Мотя и добавил: — Мы ведь к болоту шли, я думаю...

— Правильно, только не говорите гражданские словечки «я думаю», «кажется»... Тут казаться ничего не может. Взглянул и все ясно: впереди болото. Значит, что надо делать?

Опять задумался Мотя, вопросительно взглянул на Карасева.

— Вероятно, донесение писать? — улыбнулся добродушно.

— О чем донесение? — построжал Карасев. — О том, что здесь болото? Это комбат и без нас знает, у него есть карта. Кто скажет? Ай, ай, ай, товарищи. А над ним смеялись... Да переход через болото надо отыскать. А тогда и доносить. Бессмысленно зачем гонять людей!

— А давеча зачем гоняли? — пробурчал Ошугов. Отделенный сурово взглянул на него.

— Давеча была задача, а теперь другая. А за то, что пререкаться начали, ставлю вам на вид. В другой раз наряд дам. Понятно?

И опять повел бойцов сквозь лесную чащу.

— Маята, — вздохнул Ошугов.

Осинник все редел. Изогнутые, искаленные деревья толпились кучками, словно в перепуге перед чем-то. Кочкарники скрывались в густой траве, там и сям открывались широкие поляны. Казалось, пройдут еще немного, и лес, как ворота, распахнется, впереди засверкает широкая гладь реки, либо откроется тихое, тихое озеро... Все почувствовали глухую обиду, когда уперлись в ровную кромку камыша, а идущий впереди боец Петренко вдруг споткнулся, почва под ним расступилась, он вскрикнул и шарахнулся назад.

— От тряса его маты! Дойшли... — ругался Петренко, еле вытягивая ноги из грязи.

Попробовали зайти справа — уперлись в озерко, сплошь покрытое желтыми кувшинками. Здесь так приятно пах воздух... Вернулись, прошли влево — снова камыши и нет им ни конца, ни края. Вконец усталые, остановились у группы берез, защитившихся от топей на сухом, прыщеватом взлобке.

— Садись! — отдал приказание Карасев. — Кто хочет курить — кури.

Курить никому не хотелось. И разговоры не шли на ум. Многих клонило в сон. Разморенные, проголодавшиеся улеглись на траве. Кто раздобыл в своем ранце сухарь и жевал, запивая из фляги, кто посасывал комочек сахара. Большинство лежало на спинах и сонными глазами смотрело в небо, отбиваясь ветками от налетевшего со всех сторон пискливого, болотного «гнуса».

Мотя сидел в стороне от всех, прижавшись спиной к стволу березы, и внимательно рассматривал сухой почерневший сук над головой. Он упрямо тянул свои безлистные отростки куда-то по направлению к болоту, словно сожженные пальцы, сведенные конвульсией.

«И чего он там видит? Куда смотрит? Мертвый, сухой, а сколько в нем силы! Будто в небо улететь хочет».

Выше от ствола дерева раскинулись другие пышно-зеленые сучья, но только этот, мертвый, почему-то заинтересовал Мотю своей странной формой и словно манил его к себе.

«А что если попробовать? Взаберусь или нет? Оттуда должно быть далеко видно...»

Мотя встал и дотянулся до сучка рукой. Сучок был тверд и холоден, как железо... «Выдержит», — решил Мотя и, оглянувшись на товарищей, снял сапоги и ранец.

Никто не заметил, как он забрался на березу. Командир в это время изучал карту, разостланную на сумке, и мысленно проверял свой путь. Сбиться он не мог, самое узкое место этих топей — здесь, значит и переход надо искать только в этом месте. Не разделиться ли на две партии — одних послать влево, другие возьмут вправо. Немного устали да ничего, — на то боевая наука.

Задумчивые глаза скользнули до сонным, равнодушным лицам бойцов, и ясно стало: бездействие может совсем разнежить людей. Карасев свернул карту, бережно уложил ее в сумку и поднялся, как всегда это делал, без помощи рук, отталкиваясь от земли одними лишь ногами. Он уже хотел подать команду, раскрыл рот, но так и застыл на некоторое время в безмолвии.

Над его головой в этот момент что-то треснуло, со звоном встрепенулись листья. Верхушка одной из берез выгнулась, и что-то длинное, узкое тело метнулось вниз, повисло, отчаянно болтая ногами в воздухе.

— Эй, кто там? — вышел из оцепенения командир, а бойцы повскакали и мигом схватились за винтовки.

— Я-а... — послышался сдавленный голос сверху.

— Кто ты?

— Я... Давидович... Оступился...

И тут все рассмотрели красное от напряжения лицо Моти, уцепившегося за верхушку дерева.

— В сторону сигай! Тут мягко, — кричал ему Ошугов.

Но Мотя прыгнуть не осмелился, ему хотелось дотянуться до ствола березы. Наконец, когда сук, на котором он повис, опустился ниже, ему удалось это, и Мотя обхватил березу ногами. Передохнув немного, начал осторожный спуск.

«Придумал-то этот паренек не плохо. А вот за самовольство придется все-таки внушить» — думал командир, внимательно следя за каждым движением бойца, готовый в любое мгновение прийти на помощь.

В это время на траву, саженях в пяти от березы, белым голубком опустился листок бумаги. Карасев заметил и сам кинулся за ним.

Подняв листок, вился в него глазами,

а затем, как нельзя более чем-то довольный, вернулся к березе.

— Вставляйте на меня ногой, — сказал он и сам установил себе на плечо ногу Моти, свисавшую с нижнего сучка.

Мотя спустился на землю.

— С топографией вы где знакомство заимели? — спросил Карасев.

— Еще в школе, — ответил Мотя.

— Очень хорошо! Только надо было доложить, товарищ Давидович. Лазить по березам без разрешения нельзя.

— Виноват, товарищ отделенный командир! Вперед буду знать.

— Пора уже знать. Второй месяц на сборах... Обувайтесь...

Мотя присел и занялся сапогами, а Карасев еще раз тщательно осмотрел листок и показал его остальным бойцам.

— Тут мы беззаботно отдыхали, — сказал он. А Давидович, не теряя времени, производил разведку. Да еще небольшой план нарисовал. Переход через болото есть, товарищи. Как я говорил, так и вышло. Вот он переход! Немного дальше, чем то наше озеро. Товарищ Давидович, вы хорошо рассмотрели мост?

— Женщина там шла, товарищ командир. Я пометил мост.

— Толково, — согласился Карасев и подал команду строиться.

Опять нес Мотя коробку с дисками, но теперь, впервые за весь поход, он почти не замечал тяжести, шагал бодро, легко...

На привалах Мотя читал вслух бойцам газеты.

Он умел делать это так, что ему завидовал сам политрук Свешнев. Голос Моти являлся в такие минуты, жаркий румянец появлялся на щеках, в глазах вспыхивал знойный огонек.

Он больше говорил сам, чем читал, и бойцы изумлялись его знаниям.

— И голова же у тебя, Моисей Абрамович. Ты все равно, что передвижная библиотека. Все заграничные слова наизусть помнишь.

Они теперь наперебой окружали Мотю маленькими, но важными заботами.

Идут ли на кухню — захватят вместе со своим также и мотин котелок, принесут чай. Устанет ли Мотя нести коробку с пулеметными дисками — отберут ее, иной раз насильно, и несут поочереды всем взво-

дом. А почью на привале освободят для него самое выгодное место у костра.

Мотя пытался не принимать этих мелких услуг, хмурился, отказывал, в глазах его появлялся знойный блеск.

Однажды вечером чистили около костра пулемет, запыленный за день. Ошугов хотел только протереть его тряпкой. Мотя настоял на разборке. «Мне практика нужна. Теорию знаю, а собираю, разбираю неважно»... Ошугов немного поколебался и согласился — все же ему лестно было поучить товарища.

— Как называется эта часть? — показал на конусообразный конец ствола.

— Пламегаситель, — ответил Мотя.

— А это?

— Рукоятка затворной рамы...

— Верно! — важно одобрил Ошугов. — Так вот, разборка и начинается с того, что рукоятка затворной рамы отводится назад. Отвели, теперь что?.. Теперь берем левой рукой вот этот ключ и накладываем на вырез дульной части ствола, а правой нажимаем замыкатель. Та!.. Этот самый... Ствол повертываем немного и... Что дальше?

— Вынимаем...

— Точно. Только вынимать надо нежно. Иначе собьешь кольцевые выступы... Вынимай! Тяни, не бойся... Что это — стекло!? Все ж таки и сила тут нужна... Пойдем дальше...

Но дальше учитель заскучал. Чем ниже опускался вечер, тем рассеянее делался Ошугов. Скажет слово, другое и своротит глаза в сторону, в глубь леса, где около дороги остановилась буфетная повозка...

К ней Колю Ошугова всегда тянуло как магнитом. Там обычно в часы отдыха толпятся бойцы, и можно послушаться новостей из всех других рот. Около повозки обязательно встретишь и леккома Палкина, по слухам, тоже плясуна. А в буфете работает рыжеволосая веселая буфетчица Ната, неизменная посетительница всех самодельных вечеров в полковом клубе, и Коля никак не хочет без боя уступить хотя бы долю ее внимания долговязому верзиле лектому.

«Подожди. Только б мне с тобой по-настоящему сойтись. Жив не буду, а перепляшу», — думает Коля, и где уж тут сборка-разборка пулемета! — разомкнутые части так вот и мечутся в колыньях нальпах и, кое-как обмахнутые тряпкой, со звоном летят на плащ-палатку.

— Разобрал ты хорошо, а чистишь плохо, — заметил Мотя.

— Сойдет, — сказал Ошугов. — Завтра опять придется драить... Это тебе в винку. А мне... и не глядел бы!..

Мельком проверил — чисто ли в канале ствола, и хотел начать сборку, Мотя попросил:

— Дай, я сам соберу. А ты иди.

— Куда?

— Туда, куда глаза воротить... Вижу, что не терпится. Закончу чистку один.

— Ну, смотри... Главное, не зашиби ствол...

Ошугов быстро вытер руки паклей, встал, одернул гимнастерку и, дав для приличия несколько советов Моте, направился по лагерю безразличным, гуляющим шагом, однако же лоявляя глазами все, что творилось у повозки.

Оставшись один, Мотя заново протер все части пулемета, тщательно смазал их и приступил к сборке.

Костер догорал, когда он уложил собранный пулемет в чехол. Руки Моти были в ссадинах, но он с удовольствием рассматривал свои огрубевшие за время сборов тонкие, длинные пальцы, в прошлом державшие только ручку с вечным пером, а теперь научившиеся владеть смертоносным оружием. Вдохнув чему-то, расстелил под сосной шинель, уложил в головы ранец и улегся, мечтательно устремив глаза вверх.

По всему лагерю зажгли костры. Многие пробавлялись чаем. Другие перебирали ранцы или чинили изъятые одежды — след столкновений с сучьями. Танцоры, песельники и острословы тянулись один за другим той самой дорогой, которой только что пробирался Коля.

На площадке около походного буфета выставили пустой ящик из-под конфет. С этого ящика декламаторы выкрикивали стихи, какие только оказались в памяти, иногда обрывая их на середине, если не одобрил строгий слушатель, прибауточки пели частушки и загадывали загадки. Нашелся и свой фокусник, сумевший у всех на виду проглотить часы политрука Свешнева, организатора веселья, запить часы квасом, а затем обнаружить их под пилоткой повара Кости Романчука...

Пели боевые песни. Пели так, что гремел лес и многократным раскатистым эхом дружно подпевал бойцам...

Политрук Свешнев достал свой баян. Играть политрук был мастер. Но рубленый, цокающий мотив даже и модного фок-

строта сейчас не пришелся по вкусу. Лишь три пары бойцов, да лежком Палкин с Натой, мигом свернувшей буфет, поплыли в ласковом синем сумраке. Ошугов не спускал с них горящих глаз.

— Водит он ее словно пырин цыпленка, — насмешливо заметил Коля стоящему рядом Петренко. — Смотри, одни ноги у него чуть не выше девушки... Вроде ходуль.

— А вытворяе иин гарно. Кружить ян скажений! — сказал Петренко.

— Значит ты не видел пляски, если тебе это гарно!

— Я не видел?!

— Ты...

— А давай украиньську, ну!..

— Нет, давай руську... Украинских не пляшу.

— Чорт батьку бей! Давай руську.. Усе едино!

Фокстрот еще не кончился, когда среди томно и скучно раскачивавшихся пар появились двое, — уперши руки в бока, лихо заломив пилотки, — вприсядку, с прищивом, с прискоком...

Любители фокстрота мигом сбились. — Шире круг! — закричали со всех сторон. Свешнев занграл плясовую.

Стлично выделявал фигуры легкий па ногу украинец. То пускал частую дробь, то велелся волчком, то выписывал такие удивительные крендели, что невольно вздрагивали колени зрителей, руки сами начинали выбивать задорный такт.

А Коля даже и не смотрел на своего партнера. Весь подтянувшийся, тонкий, как бы сотканый из одних мускулов, он плыл, взбросив над головою руку, на одних носках, передвигался мелкими, совсем незамечными, упругими толчками и все посылал в сторону Палкина задиристые, вызывающие взгляды.

— Кто еще мастак — выходи!..

— Х-ха! — выкрикивал Петренко.

— Хо-хо! — откликнулся Коля.

Запылало у лежкома сердце. Не выдержал. Подскочив к Натке, галантно раскланялся и вывел ее на круг. Этого-то и надо было Коле. Удивление изобразилось на лице его. Стремглав кинувшись к сопернику, он вытянулся, встал на носки и заходил рядом, как бы желая померяться ростом. В толпе пробежал смехок. Рост у лежкома в самом деле был необычайный. Коля подпрыгнул, чтобы сравняться, ахнул и откатился в сторону с таким комическим ужасом, что смех превратился в

громовой хохот. Лекпом, смущенный, отступился и не успел поправиться, как вниманием Наты уже вполне завладел Ошугов.

Подбоченясь, взвывая юбку, Ната плыла на него то грудью, то боком, он же отступал, кланяясь, дробно отстукивая чечетку. Если Ната отбегала, освобождая круг, немедленно Коля несся за нею следом, стремительный, ловкий, хищный...

Наконец, девушка устала и отступила к своей повозке. Туда кинулся и Коля, — подскокил, схватил длинный зеленый огурец и, подбрасывая его в руках, вновь пошел вырядку под восторженные крики зрителей.

Но и этого было мало плясуну.

Как бы невзначай оказавшись рядом с Палкиным, Коля поймал огурец ртом, надду щеки и с силой выпалил свой заряд прямо под ноги лекпому.

Хохот, всплески ладошей встретили эту проделку победителя. Коля же, отбежав к Натe, взвился перед ней, раскланялся и крикнул:

— Разрешите, гражданка, за огурчик деньги уплатить.

Тут и Палкин рассмеялся и пошел к Коле сказать, что признает себя побежденным.

— Мы еще встретимся, товарищ лекпом, — сказал тот задорно. — Дам случай расквитаться...

К месту ночевки он вернулся, когда проиграли отбой, ночь окончательно вступила в свои права.

Спать Коле не хотелось. В ушах звенел баян, а неутомимые ноги еще не ушли. Крутобедрая, рыжеволосая Ната, недоступная и далекая, не выходила из его разгоряченной успехом головы.

«И кому она свое тайное слово скажет? Хороша девка!».

Разглядев в темноте Мотю, клубком свернувшегося под тонким полотном плаща-палатки, Ошугов взял свою шинель и накрыл товарища. «Мне не нужно, а ему все-таки теплее»... Он был добр сейчас. Но вдруг Мотя резко вытянулся и высунул из-под одежды голову.

— Спи, спи, — дружелюбно сказал Ошугов. — Я тебя своей шинелью накрыл.

— Зачем? — спросил Мотя.

— Как — зачем? Спать теплее.

— А ты?

— Я и на голой земле усну.

— А почему я не могу на голой спать! — Но взглядевшись в примолкшего, словно пришибленного таким отпором Колю, смягчился и голосом, какого никогда у него не слышал Ошугов, взволнованным и теплым, сказал тихо:

— Вот, что... Николай! Давай так, дружище: на мою шинель ляжем, твоей накроемся. Идет? Это будет справедливо.

«Упорный человек!» — с невольным уважением к Моте подумал тот и лег с ним рядом.

...Ночь. Лес притих. Деревья растворились в сумраке, ушли в свою лесную сказочную небыль. Бойцы спят — кто на шинели, кто на плаще-палатке, сладко похрапывают. Под головой у каждого ранец. Рядом ремень, противогаз, лопатка. Чуть тревога — все под рукой... Часовые поживают около винтовок, составленных в козлы. Отдыхает лагерь.

К вечеру шестого дня похода колонна разделилась на синих и красных. Синие, в составе роты, заняли оборонительную позицию на левом, гористом берегу реки.

Наступающий батальон красных укрепился на правом, отлогом берегу, опушенном густым мелким березняком.

Выше расположения «противников» значилась на карте маленькая деревушка К. с хорошим мостом через реку. Этот мост охранял взвод синих.

Летние учения первый раз проводились в этих трудных местах с пересеченным рельефом. Нужно было вырыть и хорошо замаскировать окопы, установить проволочные заграждения и разного рода другие преграды. Покончив со всем этим, обе стороны продолжали заниматься верницей более мелких походных дел. Тщательно изучалась местность, выставлялись заставы, бойцы уясняли ход предстоящих операций.

С нетерпением красные ожидали, когда придут грузовики с переправочными средствами. В течение ночи, под прикрытием артиллерийского огня, нужно будет построить через реку легкий понтонный мост на резиновых лодках и утром, переправившись, отбросить противника и овладеть всей прибрежной линией его укреплений. Такова была боевая задача красных.

В этот день погода изменилась к худшему. Еще с обеда подул ветерок, жара быстро спала, небо закуталось мглой. Поменьку мгла превратилась в мутную се-

рую тучу, закапал дождь, заговорили тревожно березы, потемнело тихое зеркало реки. Бойцы отстегнули от ранцев плащ-палатки, благословляя этот замечательный вид обмундирования, в котором и ливень был бы не страшен, не то что мелкий, моросящий дождик.

Но он лил и лил, и уже через час жирная почва пропиталась влагой насквозь, расступалась под ногами, словно тесто. Выбины быстро превратились в колодцы, низины — в озера, окопы заливало. Размокли дороги. Стало холодно, и к сумеркам не было ни одного бойца на обоих берегах реки, который бы не клял погоду.

Вечер опускался быстро. Грузовиков с понтонами все не было, должно быть где-то завязли в лесных заболоченных дебрях. В окопах с тревогой говорили:

— А что, ребята, если на ту сторону вылазь придется? Жуть!

— Чего там жуть! Воображение одно. В воде сейчас теплее.

— А попробуй!

— И попробую. Нашел чем пугать!

— Да кто пугает? Я только к слову. Прикажут — первый поплыву.

— Первый? Запомните, хлопцы, он — первый.

— Да вот, — первый... беру обязательство. Тебя вызываю. Ну, кто еще охотник?

...В глубине кустов, используя быстро угасающий свет, готовили «Боевой листок» — маленькую стенную газетку звзда. Трое рослых бойцов, встав рядом и растопырив полы плащей-палаток, защищали редактора от дождя и ветра. Редактор — Мотя Давидович сидел под этим надежным прикрытием на своей неизменной коробке с дисками. На колени положил ранец задней твердой стенкой кверху. На этом «столе» отлично уложился газетный лист.

Мотя старательно переписывал цветными карандашами заметки, которые военкеры приносили из окопов. Говорилось в заметках о разном — о гранатометчике Чиркове, отлично замаскировавшем свой гранатомет, о том, что повара все еще плохо изучили технику походной кухни и часто угощают бойцов подгоревшей кашей, о хранении оружия в сырую погоду. В одной заметке разносили в пух и прах Ошугова за то, что он уронил пулемет в грязь, а потом кое-как вытер его полкой шинели.

И критикуемый, и автор заметки Петренко вместе пришли в редакцию. Ошугов яростно спорил:

— Не было такого дела, чтоб пулемет полой!

— Було, Мыкола. Сам я бачив. Шты голову крутишь! — доказывал ему Петренко.

— Полой?

— Полой же...

— А после — чем?

— А после — ничем.

— Врешь! После — паклей...

— Да де ж ты ту паклю взяв. Ты ес вечера в сапоги попрятав.

— Неверная заметка! Все равно неверная. Опровергаю. Да вот сам Давидович скажет!

Ошугов крепко надеялся на поддержку товарища — все-таки дело шло о чести обоих, — а тот лишь глянул на него молча, улыбнулся и на глазах у всех нарисовал карикатуру: Ошугов из огромного сапога достает лук пакли, чтобы чистить грязный пулемет...

— Ой, да от такой чистки не то, что ржа — воши в пулемете заведутся!

Все так и прыснули со смеха. Уж больно хорошо вышло лицо Ошугова. Он посмотрел на свое изображение и сам усмехнулся: — «Похож!» Покрутил головой, в изумлении спросил:

— И чего, скажи, Мотья, я на тебя сердиться не могу? Словно ты какой заговоренный!..

А дождь все моросит. О машинах с понтонами попрежнему ничего не слышно. Старший лейтенант Русаков уже несколько раз выходил из сарайчика, где расположился штаб батальона, и смотрел в обе стороны пустой дороги. На сердце командира не спокойно. Все сроки кончились. Он уже подумывал — не послать ли навстречу машинам разведку, но, взглянув на часы, решил, что еще полчаса прождать можно. Ушел в сарай...

...Покачиваясь в седлах и лонкая лошадей, вдоль берега реки, неподалеку от деревушки, видневшейся на противоположном скате, пробирались пачальник лагерей майор Петунский и его помощник — лейтенант Лутков. Река дымилась. Мутный парок над ее изборозженной дождем поверхностью навевал скучные мысли. Лошади скользили, оступались. Быстро ехать нельзя.

Лейтенант развлекал себя тем, что старался представить себе встречу командира понтонщиков Муравского с майором Петунским. В раздумье качал головой. Должно быть майор скажет при этой встрече

такое, что из Муравского дым пойдет, как из этой реки пар. Дело военное. Хоть умри, а будь к сроку.

Майор вдруг задержал коня.

— Вы ничего не слышите?

Лутков тоже натянул повод. Прислушался.

Издали донеслись крики, чья-то звонкая ругань, потом сирена автомобиля и глухое фыркание мотора.

Дорога в этом месте спускалась в низину, по которой катился сквозь тальники разбухший от дождя ручей, впадающий в реку неподалеку от моста.

Лутков сказал:

— Они. Там грязь, товарищ майор. Не пролазная грязь. Должно быть, забуксовали. Придется помощь выслать.

— Помощь? — оглянулся на него майор, и в его баше послышались явно злоеющие нотки. — Я сейчас им вышлю помощь. Как вы думаете, синим из деревни этот базар, который они тут устроили, хорошо слышен?

— Думаю, что так, товарищ майор.

— Там взвод Позднякова, кажется?

— Точно, товарищ майор.

— Какого же он чорта зевает, не понимаю? Удача сама в руки просится.

— Но, товарищ майор...

— Что, но? Планом не предусмотрено? А этот крик, базар, шум предусмотрен? Забыли они, что за рекой противник?

Лейтенант молчал.

— Вот что, — решительно забасил Петунский, — сами не догадываются, я им намекну. Отправляйтесь туда и скажите Позднякову от моего имени все, что надо сделать.

— Значит понтоны полетят?

— А это вас тревожит? На то, батенька, учеба в приближенной к бою обстановке. Придется Русакову поломать свой черепок.

«И-да. Сюрприз!» — мысленно воскликнул лейтенант и пустил свою лошадь по направлению к мосту через реку.

— Второе отделение, в разведку!

— Товарищи из второго отделения, выходи к штабу! — шопотом передавали по окопам.

Давидович, пригорнувший было в пулеметном окопчике рядом с Ошуговым, поднялся и тронул товарища рукой.

— В разведку.

— Фу ты, чорт! Как будто у них других отделений нет. Все нас да нас... Что

там? — Ошугов неохотно с ворчанием выбрался из-под охалки укрывших его ветвей.

— Говорят, понтонный обоз разыскать пойдем. Исчезли будто бы понтоны.

— А кто говорит — их синие забрали, — сообщил кто-то сбоку.

— Ох, уж эта мне солдатская почта! — шумно вздохнул Ошугов.

Было так темно, что бойцы в двух шагах не видели друг друга. Ни реки, ни леса, ни даже неба — кругом пустая, морозящая, холодная мгла.

Собрались у штабного сарайчика. Покурили, пряча огоньки папиросок в рукава шинелей. В разведке курить ночью не дадут...

В стороне от всех, присев на корточки, попыхивал папироской Ошугов. Мотя подошел к нему.

— Что это тебя не слышно, Коля? Не на заметку ли озлился?

— Думаю немножко.

— Ната, говорят, на том берегу, у синих.

— Тьфу мне на нее! И на заметку твою — тьфу! — равнодушно процедил Ошугов, туша папиросу о сапог. Мотя развел руками.

— О чем же ты тогда?

Коля вдруг поднялся во весь рост, в одной руке пулемет, в другой — деревянная граната, в голосе веселая злость.

— Видал вот это? Была бы настоящая война, — я б им доказал. Я б их — так вот! — легонько, но сердито толкнул Давидовича плечом, отчего тот пошатнулся и еле удержался на ногах.

— Медведь! Ты здесь докажи...

— Здесь? И здесь могу доказать. Вот возьму и приведу «языка»... Спорим!

— Оставь, Коля. Чего зря сотрясать пространство. И вообще, идем... Кажется, командир вышел.

— Отправились божье тесто месить! — Вздохнув, грузно зашагал к сарайчику в ответ на тихую команду.

Выслушали задачу и пошли той же прибрежной дорогой, по которой недавно проезжал майор Петунский.

Ночью все выглядело не так, как днем. То вдруг мрачная громада леса пересечет дорогу, — подойдешь, а тут всего какой-нибудь таловый куст. Или напугает река, — чудится — тут она, рядом, сделай еще шаг и соскользнешь с обрыва в воду. Проверишь — ни обрыва, ни воды... Мер-

дает огонек за рекой, кладет на волны красноватый прерывистый след. Рукой, как будто, дотянуться... Но вот и огонек погас, и след растаял, и вокруг все та же могильная глухая темень...

С великими предосторожностями спустились в низину. Идти стало еще труднее. Грязь непролазная. Дорога разделилась. Одна, вся в яминах, залитых водой, ушла к берегу, к мосту через реку. Другая вела к ручью, пересекавшему низину.

— Ошугов! — позвал отделенный. — У вас силы много и глаза зоркие. Пройдите-ка дорогой вправо. На мост не выходите — напороться можно, — но осмотрите хорошо. Понятно? Нас разыщете на той стороне ручья.

— Понятно! — повеселел Ошугов, польщенный трудным и опасным поручением.

Толкнув в бок Мотю, — дескать знай наших! — свернул вправо и сразу исчез во мгле.

...Постояли. Послушали. Все тихо. Пошли дальше. Среди кустов, каряг с трудом разыскали переход через ручей. На другой стороне рассеялись. Исходили, излазили все подходы и переправы через ручей, но нигде машин не было. Только следы колес, не смытые дождем, отыскали в одном месте. Но и следы оборвались.

— Исчезли понтоны, — угрюмо сказал Карасев, пересчитал людей и сразу рассердился, обнаружив, что Ошугова все еще нет.

— Да что он там — припухать залез на бережку! Другой взад-вперед успел бы сбегать... Давидович!

— Я, товарищ командир!

— Вернитесь. Живо!.. Отыскать Ошугова во что бы то ни стало.

— Есть — отыскать...

— Но имейте в виду — больше нам ждать некогда. От места, где следы, свернем в лес. Найдете?

Давидович молчал.

— Ничего. Вдвоем найдете, — ободрил командир. — Направление на излучину реки. Знакомы с картой? Все. Ступайте.

Отделение пошло вперед, Мотя вернулся искать пропавшего Ошугова.

...Крикнуть бы, да неудобно в разведке... Переходя от досады к беспокойству, к тревоге за товарища, Мотя шагал, напрягая слух, зрение, пока не вышел к мосту.

Дальше идти опасно. Присел, вслушиваясь в тихое журчанье прибрежных волн.

И тут, слева донесся шорох. Мотя насторожился, приник к земле.

Шорох повторился, стали различимы шаги и не одного, а нескольких людей. Мотя совсем распластался на земле. Шаги приближались. Послышались негромкие голоса. На фоне неба смутно вырисовались неясные тени, двигавшиеся почти прямоком на Мотю по дороге.

— Освободите ему рот. Теперь кричать не будет, — совсем рядом с Мотей проговорил кто-то незнакомый, а вслед за тем послышался голос Ошугова, исполненный тоски и страха:

— Куда вы меня, ребята?

Над ним лишь рассмеялись. Тени скрылись, миновал онемевшего свидетеля. Вскоре тяжелые шаги глухо заколотили по мосту.

Мотя встал и на цыпочках тронулся следом.

Произошло же с Колей вот что.

Судьба понтонного обоза воентехника Муравского его не интересовала ни мало.

Всю дорогу плелся он в самом хвосте отделения, поживался от холодного ветра, позывывал, ворчал что-то под нос, глядя только себе под ноги.

Мысль — достать «языка» и тем отличиться, пришедшая случайно в голову во время разговора с Мотей, всецело овладела им и казалась все заманчивей. Когда они шли мимо моста, Коля хотел обратиться с просьбой к Карасеву, чтобы тот отпустил его одного на поиск, но усомнился: пожалуй, не отпустит... Как вдруг командир сам приказал ему идти к реке, где, возможно, прячутся сторожевые посты противника.

«Вот бы наскочить на какого! Уж я б его смял. Он бы у меня не пикнул», — уверенно думал Коля, покинув своих. Шел медленно, зорко озирался, а по временам приседал, чтобы лучше разглядеть все, что встречалось впереди.

Но нигде, никого...

Осторожно приблизился к мосту. Долго стоял над спуском к нему. И здесь — пусто... Коля негодовал: «Трусят, черти! На своей стороне, в деревне сидят. Эх, вы, тараканы! Хотя б какой лядащенский сюда насунулся...»

Сильно хотелось спуститься на мост и махнуть прямо на тот берег. Уж там-то он, верно, отыскал бы добротного «языка»... Но, подумав, Коля отверг этот план. Постовые в деревне, конечно, глаз не спу-

скают с моста. Идти прямо на них — опасно. Вот если бы в тыл к ним проникнуть — другое дело! Схватил зазевавшегося, рот заткнул и — волоки по мосту на свой берег. Те и не разглядят ничего в такой темени.

«Разве раздеться да переплыть... где-нибудь повыше моста? Эх, где наша не пропадала! Одежду, пулемет спрячу. Возьму только веревку от палатки и поплыву. Тут уж чорт меня увидит! А своих после нагоню. Они там долго по болотине пролазят».

Коле стало весело. Он пошел вдоль берега, все ускоряя шаги и более уже не остерегаясь.

Еще днем он заметил метрах в трехстах от моста какую-то постройку. Под ней решил раздеться и спрятать пулемет.

Трава за дорогой была густая. Ресейник то и дело хватал его за полы плаща-палатки. Иногда сапог по переборы уходил в грязь и приходилось обходить заболоченное место. Ошугов быстро пробирался сквозь все эти мало заметные препятствия, держа пулемет, как коромысло, на плече, и очень обрадовался, когда нога ощутила твердый грунт.

Под сапогами закричал щебень. Ошугов огляделся и различил неясные контуры чего-то массивного, черневшего должно быть у самой воды.

«Как раз в точку угодил. Вот, что называется, отличный глазомер!» Постройка, увиденная днем, оказалась простым деревянным навесом над штабелями кирпича. Край навеса выдавались, под ними было сухо. Лучшего нельзя было и требовать при такой погоде ночью.

Встав с подветренной стороны около угла штабеля, Ошугов расстегнул ранец, расстелил плащ-палатку и сложил на нее пулемет, шинель и все остальное снаряжение, оставившись только в гимнастерке да шароварах.

Затем он присел на кирпич, стащил сапоги и тоже уложил их на плащ-палатку. Оставалось достать из ранца палаточную веревку, необходимую, чтобы связать живую добычу, которую он поймает на том берегу...

Только было Коля протянул руку к застежке, как произошло то, что меньше всего он предвидел.

От второго угла штабеля отделилась неясная тень и бесшумно стала красться к Коле. Заметил он ее, к сожалению, слишком поздно. Когда что-то мягкое, мелькнув

темным облачком, окутало ему голову и окончательно погасило свет в его глазах.

В диком страхе, почти теряя сознание, Коля метнулся прочь от штабеля. Но шинель, которую на него накинули, опутала его и он оказался связанным.

Его повалили на землю, мокрый, мягкий жгуток воткнулся ему в рот прежде, чем он успел крикнуть.

Потом его подняли на ноги и приказали обуться.

Коля только замычал жалобно, тыча рукой в сторону штабеля. Его поняли. Пошарили там, нашли пулемет.

— Ого! Крепкая рыбка нам попала! Пулеметчик! А, ну, пошли, вояка...

Повели вдоль берега к мосту, где и произошла, никем незамеченная, встреча с Мотей.

Тем временем отделение разведчиков упорно продолжало свой путь.

Не найдя машины с понтонами, Карасев со своими бойцами приступил к выполнению второй задачи, поставленной командиром батальона — к проверке проходимости бродов, помеченных Русаковым на полевой карте жирными красными крестами.

Карта показывала, что река в этих местах шире, чем там, где должны были наводить понтоны, и берега ее низки. Спичка, приложенная к карте, определила расстояние — от моста до бродов не более 5 километров. Но дороги туда не было. От перекрестка с летником Карасев повел своих бойцов прямо через лес.

— По азимуту идем, — шопотом делились впечатлениями бойцы.

— А что есть азимут?

— Для нас с тобой, незнающих, звук пустой, а для командира заместо глаз. Это способ такой — не заблудиться ночью. Хоть без дороги, но по азимуту выйдешь куда захочешь.

— А как заблудимся?

— Даже и не думай. Карасев на этот счет мастак.

И верно — меньше чем через час отделение вновь из лесной чащи выбралось на берег.

— Стучит? — прислушавшись, проговорил командир.

— Стучит, — ответили бойцы, улавливая перестуки гальки.

— Вот нам и надо, чтобы она стучала...

Оставив бойцов на месте, он один отправился осматривать берег.

Бойцы, усевшись на камни, с восхище-

нием обсуждали замечательное свойство азимута — чудесного способа отыскивать верную дорогу днем и ночью. Когда командир вернулся и спросил, кто же с ним вместе захочет идти через брод, все поскакали с камней и каждый уговаривал взять именно его.

— Беру Чиркова, — потеплевшим голосом сказал Карасев. — Всем остальным оставаться здесь. Но... тихо! Курить нельзя. Отлучаться тоже. Хватит двоих, потерянных. Старшим за себя оставляю Карнова...

Река все постукивала, позванивала, словно готовилась к чему-то...

Чтобы не потревожить ее тайну личным звуком, разведчики шли осторожно, чуть-чуть вкось, преодолевая быстрое течение и ощущывая дно ногами.

Чирков не боялся воды, он и так был весь мокр от сапог до пилотки, но его дожимал холод, лязгали зубы. С усилием он стискивал челюсти, но это не помогало — порывы ветра остужали сырую гимнастерку, верхнюю часть туловища словно погружали в снег. Ногам в воде было теплее.

Вода только в одном месте достигла пояса. Должно быть тут начиналась яма. Карасев, все время шедший впереди, круто взял вверх, намереваясь обойти яму, но вдруг на глазах Чиркова скрылся под воду.

— Товарищ командир! — бросился к нему Чирков, но был остановлен предостерегающим шинелью.

— Шини...

Чирков замер на месте.

Щелканье, сильные удары гальки, таинственные всплески неслись отовсюду, но ничего другого подозрительного не было слышно.

Карасев вновь оказался посредине реки в двух шагах от бойца. С него со звоном стекали струи.

— Свет мне померещился, — шопотом объяснил он. — Видите, под берегом! Я и присел, с дураков, по горло в воду... Знаете, что это?

Чирков тоже видел свет, но такой тусклый, призрачный, что требовалось до боли напрячь зрение, чтобы его заметить.

— Это гнилушки, — пояснил командир, — дубовые гнилушки, после дождя они всегда так светят. Ух, напугался же я! Думаю, лучше нам разойтись порознь. Если схватят, так не обоих сразу.

С еще большими предосторожностями двинулись дальше, каждый своим путем.

...Обратно Чирков уже возвращался один. Брод теперь несколько не пуга его. Пусть себе играет, звенит река! Переход через нее отыскан. Все стало простым, обычным... И зябкость уменьшилась.

На берегу его окружили.

— Как, ничего вода?

— Теплая, все равно, что щелок.

— А где командир?

— Командир остался там. Слушайте его приказанье. Петренко немедленно отправляться в штаб. Лететь туда пулей... Доложить: брод проходим, свободен, взят по охране впрядь до новых приказаний. Остальным — через реку под моей командой. Осторожно, товарищи, не подмочит оружие...

Через минуту берег опустел...

Новый оперативный план Русакова был хорош тем, что его подсказала сама сложившаяся обстановка.

К месту брода, отысканного Карасевым, отправилась ударная группа с Петренко в голове колонны. Другая группа с тяжелыми пулеметами спустилась в низину ручья и залегла неподалеку от моста на против деревушки.

В задачу первой группы входило — проскочить брод, обойти деревушку, выбить из нее взвод, охранявший мост, обезвредить мины и обеспечить переход второй группы, имевшей направление удара в правый фланг противника.

На прежнем месте Русаков оставил скользящую группу. Она должна была демонстрировать ложную переправу, дезорганизовать синих, оттянуть на себя их силы и парализовать свободу действий.

Свою работу эта группа начала с полуночи. Еще шла совещание в штабном сарае, а две резиновые лодки, единственное, что после потери понтонов осталось у Русакова, уже выгребали на середину реки то в одном месте, то в другом.

Позже началась лихорадочная постройка плотиков из досок сарая. Доски наскоро сбивали и тотчас волокли на реку.

Синих не переставала нервировать эта суетливая и нахально громкая возня на реке. До них отовсюду доносились бульканье и шлепанье о воду весел, приглушенные выкрики команд. Иногда в почтуную тишину вторгался сухой речитатив пулеметов. Создавалось впечатление, что именно здесь, именно в этом месте и в этот час красные решили нанести решающий удар и форсировать реку. То и де-

до вспыхивали на обоих берегах волчьими глазами выстрелов, иногда ракета ослепительной иглой впивалась в мрачное низкое небо. Тогда и река, и берег, и лес, и фигуры неуспевших прилечь бойцов возникали перед взором, словно кадры батального фильма.

— Что такое удача, товарищ старший лейтенант? — спросил майор Петунский после того, как ознакомился с планом действия Русакова.

Русаков, не задумываясь, ответил:

— По-моему, товарищ майор, удача — вот такая ночь, когда ни зги не видно. Они тычутся в темноте, как слепые кутига, и ничего не поймут...

— Да, разведка у них поставлена неважно. Но вы хорошо рассмотрели карту? Почему вы выбрали именно верхний брод?

— Как наиболее удобный.

— Для вас... А для противника? По-моему, удача — это когда все предусмотрено и когда нет надобности полагаться на случай. Они могут обойти вас по нижнему броду.

Майор усмехнулся и покинул командный пункт, расположенный на пригорке в окружении мелкого березника.

Русаков тотчас вызвал командира скывающей группы.

— Слушай, Скалкин, — сказал он. — Тут сейчас был майор. Загадки мне загадывал... Ты думал когда-нибудь, что такое удача?

— Удача? — Скалкин пожал плечами. Вопрос Русакова, как видно, застиг его врасплох. — Это вы о чем, Никифор Петрович?

— Короче говоря, о твоём правом фланге. Ниже тебя есть брод. Заслон туда нужен... Разве ты захочешь зевнуть так же, как они зевнули с верхним бродом? Не рекомендую...

Скалкин развернул карту, на минуту осветил ее электрическим фонариком и быстро свернул, оберегая от дождя.

— Так ведь единственная щелка, Никифор Петрович! Авось не догадаются!

— То-то вот и есть, что авось! — воскликнул Русаков. — Удача — это, братец ты мой, когда нет авосей. Когда все продумано. Приказываю: выслать на нижний брод заслон в составе отделения.

— Есть!

Скалкин бегом направился к берегу. Заслон к нижнему броду был выслан.

Между тем Ошугов, приближенный неудачей, тиготно переживал свой плен.

Идя под охраной пятерых, Ошугов старался успокоить свое ущемленное самолюбие единственным доводом, что в плен его взяли тогда, когда он не мог сопротивляться. «Попробовали бы в открытую напасть, я б вам показал кузькину мать. Я б вам объяснил, сколько в мультке веса»... Но довод был все-таки слабый. Память ежeminутно напоминала, как перед выходом в разведку он хвастался Моте на счет настоящей войны: «Я бы... да я бы». Вот тебе и я бы! Хотел отличиться да и угодил, словно карась в котел к рыбаку.

Пока шли по мосту, он несколько раз косился на перила. Опять разбирал великий искуc: не махнуть ли? Плавал Ошугов, как рыба. Но на нем висели взмокшая шинель, плащ-палатка, ранец. Да и пулемет остался бы в чужих руках. А вода под мостом черная, чудилась в ней головокружительные крутени, из которых и без груза выплыть трудно.

В довершение всего Ошугов захромал. В свалке у штабелей кто-то наступил ему на ногу подкованным сапогом и ссадил ее до крови. Ногу жгло, будто к ступне прикладывали горячее железо. В пору клюшку просить... Мрачно, гадко было на душе Ошугова.

Хорошо еще — этого позора не видит Моти. Что бы он сказал?! Коля оглянулся с тоской, ему показалось, что в самом деле откуда-то прозвучал голос Моти. Но это был самообман. Товарищи ушли. Он от них отбилсь. Надеяться не на кого. Кругом ночь, и пятеро крепких парней, потораливая пленника, идут; поднимаясь по косогору к деревне...

Встрепенулся Коля, когда какой-то встречный — не то боец, не то командир, — переговорив со старшим, сказал громко:

— Отвести на кухню. Потом — ко мне. Сами поедите и его покормите.

На кухне, скрытой от посторонних глаз стенами колхозного сарая, старший крикнул поварам:

— Накормить языка!

Ошугов съежился: вот оно как! Сам угодил в языки! До чего препротивное слово...

— По чьему приказанью? — осведомился ко всему равнодушный повар.

— По приказанью лейтенанта Поздня-

кова, — лениво и важно ответил старший.

Коля удивленно переспросил:

— Как? Позднякова, говорите?

— А ты, что, знаешь его?

— Были встречи... Доводилось...

Старший пристально взгляделся в Колю.

— Да это не тебя ли, милыга, Поздняков распекал тогда... помнишь, в горотпуске? За неопрятный вид?... Ну, ну, приятной вам встречи.

После этого капа, поданная поваром, показалась Ошугову прогорклой, а чай — соленым.

Поздняков позвал его на допрос не вскоре. Лейтенанту было некогда, — писал донесение командиру роты об удачном налете на понтоны красных. Коля за это время успел вздремнуть, согретый огнями кухонных походных топков. Разбудили его и опять повели до самого берега. Здесь, в рыболовецкой землянке — хозяйева эту ночь в ней не ночевали — ждал «языка» суровый лейтенант.

Войдя в землянку, Коля остановился у порога: Пригнул голову — потолок был не по его росту. Пристальный взгляд Позднякова прешелся по нему и словно пронизал Колю насквозь. Насмешливо вздрогнули крепкие черные брови на длинном лице, укоризненно качнулась голова.

— Так, так, старый знакомец! Тогда по городу гулял в грязном воротничке, теперь в «языки» угодил... Одно с другим связано. Где оружие? — повысил он голос.

— Оружие... ваши взяли, — вспыхнув, пробормотал Коля.

— Наши взяли... А вы отдали!.. Схватили такого дядю словно куру в гнезде. Командиру-то стыд какой!.. Принести пулемет! — крикнул Поздняков в дверь.

Пулемет внесли. Поздняков взял его, осмотрел, достал тряпку из своей сумки и протянул Ошугову.

— Протереть! Полную разборку произвести завтра! Не умеете обращаться с оружием! Грязь в кожух набилась.

Коля торопливо протер пулемет.

— Не спешить! — крикнул лейтенант.

Коля облился потом и еще раз протер.

— Положите сюда!

Пулемет лег на стол, за которым в углу землянки сидел Поздняков. Сверлящие глаза лейтенанта вновь уперлись в Колю, наливая его жгучим непреодолимым стыдом.

— Кто оружие вам доверил?

— Го... государство, — пролепетал Коля.

— Где оружие теперь у вас?

— На... на вашем столе... лежит...

— На столе лежит! — усмехнулся Поздняков. — А вот завтра этот пулемет я поверну против ваших товарищей. Понятно? Не стыдно вам?

— Стыдно, — прошептал Ошугов.

— До чего достукался! Куда попал! К противнику попал... Какой роты?

Коля вздрогнул, но смолчал.

— Я вас спрашиваю, какой роты?

— Устав запрещает говорить про это, товарищ командир, — твердо ответил Коля. Поздняков удивленно вскинул бровь, помолчал и скупно похвалил:

— Ну, хоть этот пункт устава помните.

— Служу Советскому...

Но Поздняков оборвал его:

— А вот служите плохо... Факт!..

— Верно, товарищ командир. Обишился немного.

— Садитесь. Вон туда на лавку. Возьмите пулемет.

Коля взял, но продолжал стоять.

— Понтоны не нашли? — прищурил на него глаза Поздняков. — Проспали. Эх вы!

— Проспали, товарищ лейтенант. Может быть, найдутся еще.

— А ищут? Предупреждаю: говорите правду. Как ваши переправляться решили? О бродах через реку говорили? Все рассказывайте. На волю выпущу. Даю слово...

Но ничего не отразилось на лице Коли. Первое успешное сопротивление придало ему твердости и как ни сильно было желание оказаться на воле, — он преодолел соблазн, сообразив, что рассказывать о бродах нельзя. Поздняков пристально следил за пленником: неужели не удастся выведать у него планы красных?

— Брод — одна несбыточная мечта, товарищ лейтенант, — проговорил Ошугов потупясь.

— Почему?

— А вы на реке были? Вода вон как вздулась!

Поздняков построжал, догадывался, что Ошугов хочет провести его. Решил подействовать на него строгостью. Прикрикнул:

— Вы мне про воду не заливайте. Скажите ясно — ходили ваши бойцы на броды или не ходили?

Но тут он заметил, что Ошугов как-то

весь вдруг встрепелся, его глаза радостно расширились и устремились мимо головы командира на окно.

— Чего туда уставились?

Поздняков невольно тоже оглянулся. Успел заметить только, что окно почему-то открыто. Протянул было к створкам руку, но в этот момент какой-то дымящийся ком влетел в землянку и упал перед его ногами.

В следующее мгновение страшный грохот потряс землянку. Пламя, дым ослепили глаза. Лампа на столе погасла.

От неожиданности Поздняков не успел на месте, съехал с табуретки на пол. Ошугов ахнул, шарахнулся к двери, но все же уловил донесшийся с улицы знакомый голос:

— Ко мне, живо!

Кто-то неистово закричал «ура»...

Коля кинулся в дверь. Вслед прогремел второй взрыв... Это придало силы. Часовой, метнувшийся было из сенок на встречу Коле, сшибся с ним и, как чурка, полетел кувырком наземь. Коля выскочил на улицу.

— За мной! — раздался тот же голос и чья-то тень кинулась через огороды к лесу.

Вслед раздалась выстрелы. Крик Позднякова. Лай мигом откуда-то появившихся собак. К счастью для беглецов, собаки бросались на охрану, отовсюду сбегавшуюся к землянке.

...— Неужели это ты, Мотья? Да чем ты их? Ну, друг! Век тебя не забуду! Как ты осмелился?

— Фу-х! Давай присядем... Здесь не найдут... Сердце зажглось... Кажется, никогда так не бегал, как сегодня.

Присели в густой чаще, когда в деревне уже все затихло.

— Рассказывай, давай!

— Все очень просто! За тобой меня послал Карасев... Как тебя взяли, я не знаю, но видел, как вели по мосту.

— Обманом взяли, — быстро вставил Ошугов.

— Я пошел следом, — продолжал Мотья. — Вы и не обернулись. Только один какой-то, навстречу...

— На кухню велел меня вести...

— Вот, вот! Решил спрятаться. Куда? А стою на самом конце моста. Я — под него...

— Ну?

— А там... в сухом месте... у них, оказывается, целый склад! Телефоны, катушки, провода... И еще вот эта сумка!..

Коля пощупал его бок: действительно, над противоголозом висела сумка.

— Взрыв-пакеты! — пояснил Мотья. — Эге, думаю, стой же... Я вам нагоню страха... Иду по деревне. У них торжество — понтоны у нас ханнули... Хоть бы один спросил — чего, мол, ты здесь ходишь?

— Ну, молодец же, молодец! — захлебывался от восторга Коля. И вдруг решительно встал.

— Идем!

— Куда?

— Кухню разбивать будем. Черти! Кашей горькой накормили. Тьфу! Я от них теперь не уйду, пока всю твою сумку не опорожню. Я им покажу. Я им теперь дам спокойя.

— Коля, замолчи.

— Это почему же? Я им...

— Кто теперь твой начальник? Я... Я тебя из плена спас. Приказываю сесть на место и слушать.

— Да не могу я! Пойми!

— Приказываю сесть на место, — строго проговорил Мотья. Ошугов сел.

— Ну? — спросил уныло.

— Утром сюда наши придут. Понятно? Прямо через этот лес. Твое дело теперь сидеть и ждать... Так сидеть, чтобы даже комар не слышал.

— Эх-ха! Вечно у тебя голова не в точку повернута, — с горьким сожалением сказал Ошугов.

— Зато у тебя в точку повернулась, — ответил Мотья. — Чуть было Позднякову насчет брода не выболтал. Я ведь слышал.

...Утром, как Мотья и рассчитывал, на них набрела ударная группа красных.

Тучи развеялись. Дождь прекратился. Тишина установилась над лесом.

И тогда далеко в светлеющем небе вспыхнула яркокрасная сигнальная ракета. Вспыхнула, поднялась немного и лопнула, рассеяв целый веер мелких ярких брызг.

«Успели!» — ожил Русаков и свирепым голосом гаркнул:

— Ракетницу! Жи-ва...

Взлет и разрыв второй ракеты возвестил, что первый сигнал, поданный с того берега, принят и что теперь наступле-

ние должно начаться сразу на всех участках.

Первая грохотная выстрелов вдребезги разбила тишину предутрия. Будто на берегах реки разожгли огромный, но пока невидимый костер. Заметны только вспышки отдельных угольков, но жар уже высокий — хворост трещит, звонко раскалываются в огненном зное сухие ветки...

Стало светлее. Русаков переходил с места на место, заметно волновался, но не вмешивался в действия командиров. Его посеревшее от бессонной ночи лицо напряглось, губы сжаты, желваки играют на щеках. Фуражка то съезжает на глаза, то взбирается на затылок. Иногда Русакову представлялось, что он видит сразу всю картину боя — взводы, перебегаящие по мосту, отбитому у синих, густую цепь ударной группы, наступающую в тылу противника, видит лодки и плоты, оцетинившиеся густой стальной щетиной.

Переправа сковывающей группы началась.

Расстроенные ударами с фланга и с тыла синие метались, пытаясь как-нибудь перестроить свои линии. Но было уже поздно, всюду они наткнулись на атакующие цепи.

Чья-то тяжелая рука опустилась Русакову на плечо. Рядом стоял Петунский.

— Пассивная оборона — всегда могила. Поздравляю вас с удачей, — пробасил майор.

— А какая удача, товарищ майор, slučajная?

— Настоящая. Можете гордиться. Заход в тыл осуществлен блестяще.

Он еще прибавил что-то, но его голос утонул в яростно возросшем грохоте атаки.

Коля в этот ответственный час был в бою.

Испытав срам плена и ярость командира при встрече, он все же сумел упрямиться, чтобы ему позволили вернуться в строй.

— Вам не в строй, а в огород на место чучела! — ворчал сквозь зубы Карасев. Но все же в душе был доволен. Мотя с Ошуговым теперь хорошо знали, где расположены посты противника. Это сильно пригодилось при занятии деревни. Она была захвачена быстро, почти без шума. Мост освободили от мин и заграждений.

— Смотри у меня, парень. В оба глаза смотри. Если еще начудачишь — мало тебе не будет.

— В десятеро глаз буду смотреть, товарищ отделенный командир. Я сегодня страсть какой злой, — обещал Ошугов с такой искренностью, что Карасев окончательно смягчился.

Во время тайного подхода к противнику, долго не подозревавшему, какая беда нависла над его тылами, Коля самым добросовестным образом ползал на животе, молниеносно перебежал, где надо, и падал на землю камнем, не оберегаясь. На рубеже накапливания для атаки он по своей инициативе вырыл окопчик и заставил то же самое сделать Давидовича, с которого и без рытья пот уже лил, как из губки. А когда началась яростная, стремительная атака, то Коля заревел «ура» так устрашающе, что даже Карасев удивился такому пылу и сказал одобрительно: — Вот прорва!..

Пока разгрызвали бой в оборонительной полосе синих и сокрушали одну за другой их огневые точки, Ошугов чувствовал себя на вершине блаженства. «Вот так вам! Подведем теперь итоги! Кушайте на здоровье!» — повторял он, дрожа от возбуждения.

Ему передавали команды, он повторял их и выполнял с отменной четкостью. Пулемет при перебежках выбрасывал вперед себя так, что сразу можно было наводить на цель и открывать огонь. Мотя еле успевал надевать ему пулеметный ремень на ногу и подавать диск.

— Ориентир — отдельная сосна. Влево — тридцать. Ближе — сто. Группа противника... — откуда-нибудь с фланга гремел Карасев.

— Вижу! — откликнулся Ошугов.

— Огонь!

И пулемет отстукивал короткую очередь душку.

Так проходило утро.

Но когда был дан общий отбой, когда атакующие и обороняющиеся потянулись к своим исходным рубежам и задымились мокрые спины бойцов, нагретые поднявшимся из-за леса солнцем, Коля вдруг стал отставать от своих. Потом и совсем запрыгал на одной ноге, опираясь на свое грозное оружие, как на клюшку.

— Тебя — что? Змея кусанула? — спросил Чирков.

Ошугов скрипнул зубами и опустил на старую муравьиную кочку.

Поврежденная нога дала себя знать. Мотя стаянул с Ошугова сапог и ахнул. Портянка, вся в рыжих потеках и алых

крапинках, упала на траву. Ступня Ошугова была растерта до крови.

— А это чей итог? — спросил Мотя, разглядывая рану.

— Ничего не скажу. Мой... — виновато и примирительно ответил Ошугов.

Обратно за реку шли строем.

Были еще мокры по горло, у многих в сапогах хлюпала вода. На шароварах грязь висела, словно заплатки. Локти и колени черны, как бы измазаны дегтем. Но загорелые, обветренные лица, возбужденные боем, веселы, задорны, словно и не было позади дождливой, бессонной ночи, холодных бродов, переползаний, стремительных бросков.

Один Ошугов пасмурен. Машины на этом берегу не было, усадили его к Нате на повозку посреди ящиков и другого буфетного скарба. Замечательное место для

бойца! Девушка пыталась заговорить с ним, но он отвечал односложно, неохотно и все отворачивал от нее глаза.

— Эх ты, плясун! — озлилась Ната. — Сам виноват кругом, а на меня дуется. Однако, я слезу да пешком пойду. Все лошади будет полегче.

Какую рану она наносила своими словами сердцу Коли. Обезножевшийся, привьюанный к повозке, он опять ощущал себя чем-то вроде «языка»... Но здесь уже не мог ему пособить товарищ.

Мотя нес его пулемет. Казался выросшим, раздавшимся в плечах. Шагал широко, свободно... Да и как ему было не шагать! На разборе учений сам начальник лагерей майор Петунский, в числе многих других отличившихся бойцов, упомянул и его имя.

Новосибирск
1941 г.

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

ШИНЕЛЬ

Вот и залы музея. Когда посетитель входит сюда, глаза его разбегаются при виде разнообразного множества вещей — документов, книг, фотографий, газет, картин, оружия. На видном месте выставлена светлая красноармейская шинель. Новая, прочная, почти ненашенная. Но вся она, от воротника до подола, усеяна маленькими дырочками, словно ее намеренно прожгли десятками папиросных огоньков.

Я знаю историю этой шинели и могу рассказать о некоторых событиях того дня, когда шинель выбыла из строя.

Помнится, что еще с утра начал падать густой липкий снег; огневые позиции Н-ского артдивизиона так окутало снегом, что и в двух шагах нельзя было разобрать — где орудия, а где просто сугробы.

В землянке штаба было сумрачно, почти темно. Только в дальнем углу за нами теплился слабый огонек свечи, и оттуда было слышно шуршанье бумаг и покашливанье капитана Куницына, командира дивизиона.

На нарах негромко храпел лейтенант Леонтьев, начальник штаба. Молодой красноармеец, вычислитель Сережа Савраскин сидел на сосновом обручке у телефонного аппарата. Не то от простуды, не то от орудийного грохота капитан Куницын со вчерашнего дня стал немного глуховат; он плохо слышал, когда приходилось говорить по телефону, и Сереже Савраскину было приказано выслушивать донесения и громко повторять их для капитана.

Аппарат молчал. Сережа встал с места, положил телефонную трубку и вздохнул, втягивая воздух; и, странное дело, Савраскин будто впервые ощутил густой за-

пах смолы. А между тем, он сам, вместе с другими, пилил сосны и помогал саперам возводить сруб этой землянки.

Сережа подошел к стене и указательным пальцем правой руки постучал о бревно.

— Свежее, — сказал он, а затем наклонился и подбросил хворосту в камелек, прорезанный в бревенчатой стене и уходящий глубоко в землю.

— Что вы там ворожите? — раздался голос из угла, где горела свеча. Заговорил капитан Куницын.

— Просто так, товарищ капитан, стены осматриваю! — громко ответил Сережа, чтоб слышно было слегка оглохшему командиру дивизиона.

— Ну и что ж, прочные?

— Прочные, товарищ капитан!

Хворост в камельке вспыхнул и пламя осветило землянку; люди и вещи внезапно выросли в дрожащем зареве камелька, и Сергей с любопытством стал наблюдать, как отсветы перебежали с предмета на предмет. Перед глазами Савраскина мелькнуло несколько винтовок у выхода, фанерный ящик, аппарат на нем, дощатые нары, на которых сладко похрапывал начштаба Леонтьев, седая голова капитана, невысокого, слегка раздавшегося в плечах человека. Капитан за столом, сколоченным наспех, трудился над картами, при взгляде на которые в глаза бросались два цвета, зеленый и голубой — леса и озера, изрезанные решительными красными линиями с острыми стрелами на концах.

В штабе ждали донесений лейтенанта Вахромеева. Он с трюми бойцами ушел, чтоб установить и держать непрерывную связь между стрелковой ротой лейтенан-

та Орлова и арtdивизионом капитана Куницына.

В то время, когда Сережа сидел у аппарата и ждал донесений, рота Орлова была обстреляна белофиннами из автоматов и минометов. Стрелки залегли у проволоки и ждали, когда их поддержит артиллерия.

За проволочные заграждения удалось проникнуть двоим — самому Вахромееву и связисту Емельянову, два другие бойца, сопровождавшие Вахромеева — разведчик Шумилов и связист Котович были ранены не доходя до проволоки и отправлены в укрытие.

В штабе дивизиона еще не знали об этом.

«Поди, часа два прошло, а известий все нет», — уныло думал Савраскин, с нетерпением поглядывая на телефон.

Аппарат молчал.

— Что-то не звонят, — послышался озабоченный голос капитана, — а надо бы... — Куницын не успел досказать мысли. Звякнул телефон. Сережа Савраскин схватил трубку.

— Молчат, товарищ капитан!

— Подождем, заговорят, — ответил Куницын, и его седая голова снова склонилась над картой, а красный карандаш стал бороздить зеленые и голубые пространства.

Савраскин, прижав правое ухо к трубке, прислушивался к звукам стрельбы, доносившимся по телефону. По временам выстрелы становились реже, но через несколько секунд перестрелка разгоралась с новой силой.

В одно из таких мгновений, когда стрельба несколько стихла, до слуха Сережи донесся слабый голос связиста Емельянова.

— Товарищ капитан! — крикнул Сережа, — заговорили! Да! Да!..

— Ранены разведчик Шумилов и связист Котович, — слышит Савраскин. — Лейтенанту и мне удалось пробраться за проволоку... он тяжело ранен в живот...

— Кто ранен в живот?! — кричит Сережа, и капитан Куницын встает и подходит совсем близко к Савраскину.

— Тяжело ранен в живот лейтенант Вахромеев, — тихо доносится откуда-то издалека.

— А ты?! — кричит Сережа. — Ты обязан спасти командира!

— Я хотел спасти, — отвечает Емельянов. — Я хотел спасти, — повторяет он и умолкает.

— Ну?! Что?! Что?! — кричит Сережа. Но аппарат молчит.

— Должно быть тоже ранен, — догадывается капитан.

— Связь, видно, оборвалась, — вслух решает Сережа.

— Связь в порядке, — тихо отвечает аппарат и Савраскин радостно вздрагивает. — Ты слышишь, Емельянов?! Ты ранен?!

Сережа поднял глаза на капитана.

— Ранены, товарищ капитан, и лейтенант, и Емельянов, оба по ту сторону проволочных заграждений...

Емельянов, видимо, слышит о чем говорят, и его слабый голос доходит до слуха Савраскина:

— Я сам отползу, — говорит Емельянов, — спасайте лейтенанта...

— Где искать его? — спросил Сережа.

— У дороги... шагов тридцать от водопада...

— Лейтенант должен быть спасен, — сказал капитан, когда Сережа закончил разговор. — Только послать некого, услал я и связистов и разведчиков...

— Товарищ капитан, — встал Сережа с обрубка, — разрешите мне!

— Больше некому, — согласился капитан. — Только вы продвигайтесь не прямо, не через озеро, а забирайте к лесу — там безопаснее... Оттуда и дорога начинается, о которой упоминал Емельянов... Идите, — закончил капитан и повернулся к парам, намереваясь разбудить начальника штаба лейтенанта Лсонтьева.

Сережа покинул землянку. Когда он вышел наверх, снегопад, начавшийся с утра, продолжался. Савраскин миновал огневые позиции одной из батарей, не останавливаясь поздоровался со знакомым артиллеристом и вскоре вышел на опушку. Навстречу ему попалось четверо санитаров с носилками.

— Откуда? — спросил Савраскин. Один из санитаров кивнул головой в сторону ровного окаймленного лесом поля — небольшого озера, покрытого снегом. В некотором отдалении, на той стороне озера была слышна ружейная и пулеметная стрельба. Санитары остановились отдохнуть. Савраскин подошел к носилкам и, проткнув брезент над головой одного из раненых, узнал разведчика Шумилова. Пуля раздробила ему подбородок. Он тихо, словно во сне, стонал. Сережа подошел к другим носилкам и увидел, что лицо второго раненого не закрыто. Оно было

мокрым от таявшего снега, что падал сверху.

— Котович, жив? — спросил Савраскин.

— Жив, в руку ранен, — тихо ответил Котович, сляясь улыбнуться. Видно было, что он узнал товарища.

Оба — и Котович, и Шумилов — сопровождали лейтенанта Вахромеева. Они были ранены по эту сторону проволочных заграждений, а двое других — сам Вахромеев и связист Емельянов — за проволокой. «Хотел бы я знать — отполз Емельянов к своим или тоже там остался?» — подумал Сережа и, обращаясь не то к раненым, не то к санитарам, а скорее к тем и другим, сказал:

— Ну, счастливого пути, товарищи, а я тороплюсь. — И уже удаляясь, он крикнул на ходу: — Выздоровливайте поскорее!

Сережа шел лесом, в обход озера, как советовал капитан. Стрельба становилась все слышнее. Из-за деревьев сквозь метель смутно виднелись ряды проволочных заграждений.

Савраскин припал на одно колено, затем лег животом вниз, в рыхлый снег, огляделся по сторонам и медленно пополз вперед.

В проволоке оказался готовый проход. Однако, Сережа решил не перелезать в этом месте, заметив на снегу убитого красноармейца, что без слов говорило: «место пристреляно». Савраскин пополз влево, вдоль проволочных заграждений. Продвинувшись метров на двадцать, он начал прочищать новый ход.

Снег, падавший хлопьями сверху, облепил Савраскина и сделал его почти невидимым. И все же бойца заметил и обстрелял противник.

Сережа прижался к проволоке, зарылся в снег и притаялся, а когда белофинны перестали стрелять, он решил отползти еще левее. Но сдвинуться с места не смог.

«Что такое?» — недоумевал Сергей. — «Не ранен ли я?» Но никаких признаков ранения он не ощутил. — «Догадался!» — мелькнула мысль. — «Шинель не пускает»...

Подол шинели прихватило колючей проволокой, и Сергей не мог податься ни назад, ни вперед. Было бы безумием приподняться и отцепить шинель руками. Савраскин понимал, что во второй раз белофинны не промахнутся. Но что же делать? На размышление в таких случаях у

бойца считанные секунды. И Савраскин принял решение.

«Вылезу из шинели», — подумал он и поглядел на карабин.

Савраскин взял карабин за ствол, положил на снег и тихо толкнул прикладом вперед, куда решил ползти и сам. Местность в ту сторону сбегала едва заметным скатом, и винтовка поплыла, скользя по твердой корке нижнего слоя снега. Верхний слой был тонким и нежным; винтовка, свободно прокладывая неглубокую борозду, проплыла метров десять, мягко толкнулась о встретившийся на пути бугорок и остановилась.

Оставалось уйти из шинели.

Сергей запустил правую руку глубоко в снег и стал шарить у пояса, отыскивая наощупь пряжку ремня. С трудом расстегнув пояс, Савраскин изо всех сил потянул за верхнюю полу шинели. «Знал бы, никогда так крепко крючки не пришивал», — подумал Савраскин, с ожесточением рванув за полу, и шинель затрещала. Нитки, на которых держались крючки, лопнули. Сережа почувствовал себя просторнее и вздохнул с облегчением. По-прежнему лежа на животе, пряча голову глубоко в снег, Сережа вытянул руки по швам и стал упираться коленями, надеясь таким способом выбраться из шинели. Но шинель, надетая поверх ватной фуфайки, плотно облегла бойца; слышно было, как снег хрустел и, не выдерживая натиска колен, осыпался, соскальзывая назад.

«Можно было бы пролежать до темна и выбраться отсюда под покровом ночи, но тогда, — думал Савраскин, — лейтенант наверняка погибнет, либо от холоду, либо от ран»...

Так, размышляя о судьбе лейтенанта, Сережа машинально двигал носками валенок, и ноги его все глубже и глубже проваливались в рыхлую толщу снега.

«Земля», — подумал боец, нащупав носком валенка что-то твердое. — «Нет, видно камень», — догадался он и всей ступней крепко уперся в твердый предмет. Шинель слегка треснула, но уже не удерживала бойца, и Сергей понял, что он выходит на свободу. Он радовался так, как радуются в минуту смертельной опасности, когда в сердце внезапно проникает твердая надежда на спасение.

И когда Савраскин почувствовал, что шинель совсем отпустила его, он схватил ее за воротник и изо всей силы отбросил от себя. Шинель повисла на проволоке.

Сразу заговорили вражеские пулеметы.

Руками, вытянутыми вперед, и головой, наклоненной книзу, Сережа пробивал себе нору — дорогу в снегу. Он полз к своей винтовке и прислушивался. Белофинны били из нескольких пулеметов. Но Савраскин не слышал вокруг себя шинения снега, как это бывает, когда пули падают близко. «По шинели строчат», — с издевкой и радостью подумал Сережа, когда подполз к винтовке. — Ни снежинки в ствол не попало, — вслух произнес он и пополз дальше вдоль проволоки.

Местность у проволочных заграждений была неровная и, перевалив через один из бугорков, Сережа остановился, чтобы перевести дыхание. Он оглянулся в ту сторону, где оставил шинель. В белесом сумраке снегопада она казалась живым человеком, который силится, но никак не может перелезть через проволоку.

Пробегавший по временам ветерок шевелил шинель, и всякий раз, когда она оживала, усиливалась стрельба оттуда, где были белофинские укрепления.

С минуту Савраскин издали глядел на свою шинель, а потом отполз еще немного и ножницами стал прочищать проход в проволочном заграждении. Никто не мешал работе бойца. И скоро Сережа очутился за проволокой.

Он полз по дороге, ведущей к небольшому водопаду, о котором упоминал раненый Емельянов в своем донесении. Снег так облепил фуфайку Савраскина, что она совершенно сливалась с окружающей местностью.

Оттуда, где виднелась маленькая сосновая рощица, ясно доносился ритмический гул, похожий на раскаты отдаленного грома. «Водопад», — догадался Сережа и пополз еще быстрее.

Стало уже смеркаться. Подползая к роще, Сережа заметил сбоку дороги саночки. Они торчали в снегу полозьями вверх. Савраскин внимательно оглядел их со всех сторон и, убедившись, что они не с худым намерением оставлены здесь, а просто потеряны, взял саночки за веревку и поволок их за собой.

Грохот водопада становился все слышнее. Вот и роща, за которой скрывается водопад.

Сережа свернул с дороги и пополз медленнее, соблюдая самую тонкую осторожность. Веревку от саночек он привязал к ноюсу.

Когда стало совсем темно, Сережа ус-

лыхал, что где-то поблизости простонал человек. Савраскин остановился и стал прислушиваться. Стон не повторился. Но Сережа пополз туда, откуда, как ему показалось, только что доносился человеческий стон.

Вскоре, роаясь в снегу, Сережа ощутил под рукой твердый угловатый предмет и сразу догадался, что это телефонный аппарат.

«Емельянов уполз, видимо», — думал Савраскин, шаря руками вокруг себя и разгребая верхний слой снега.

На миг выглянула луна. Ее свет слабо пробивался на землю сквозь серую завесу снегопада. Но стало немного светлее. И в это мгновение у самого лица, прямо в глаза Савраскину уставилось черное дуло пистолета.

Сережа даже вздрогнуть не успел, как рука, что поднимала пистолет, опустилась и совсем близко вздохнул и тихо заговорил человек:

— Я думал белофинны... — сказал он прерывающимся голосом, и Савраскин узнал Емельянова.

— Уползти не смог? — с участием спросил Сергей.

— Совестно лейтенанта оставлять, а помочь ему не могу...

— Где же он?

— Шагах в пяти за моей спиной... Снегом занесло...

Савраскин прополз, куда указывал Емельянов, разглядел маленький снежный холмик, потрогал его рукой и тихо проговорил:

— Товарищ лейтенант...

Ответа не последовало.

Тогда Сережа, пренебрегая опасностью, встал во весь рост, взял на руки командира и осторожно положил его на саночки лицом вверх, а сам снова лег на снег и пополз к Емельянову. Саночки плавно, с еле слышным шуршанием, скользили вслед за Савраскиным.

— Доползень до дороги? — спросил Сергей.

— Доползу, — ответил Емельянов. И они тронулись в путь.

Емельянов крепился изо всех сил, но боль в колене была до того мучительной, что стоны как-то сами собой прорывались сквозь стиснутые зубы.

Снег шел не переставая и заравнивал все следы, засыпал все кустики, заслонял от взора деревья. Дорогу, к которой ползли Савраскин с Емельяновым, тоже занесло

снегом. Но фосфоритные стрелки часов и компаса светились во тьме, водопад гудел, не умолкая, и Сергей знал, что выбрались на дорогу.

— Отдохнем, — предложил он, помогая Емельянову лечь поудобнее. И когда бойцы улеглись на снегу, то увидели, что небо над тем местом, откуда Савраскин только что удалил раненых, стали бороздить ракеты.

Поляна осветилась, видно было как снежинки искрились в вышине, но стрельбы не последовало. Противник, видимо, не обнаружил ничего такого, что могло его беспокоить.

— Хорошо, что мы ушли во-время, — заметил Сережа.

— До твоего прихода три раза так же освещали, но мы с лейтенантом были засыпаны снегом, — отозвался Емельянов.

После этого разговора минуты три лежали молча.

— Ну, тронулись помаленьку, — ласково предложил Сергей. — Но его товарищ не отвечал.

— Емельянов! — позвал Савраскин и, видя, что тот молчит, наклонился над ним и заглянул в лицо, но ничего не мог разглядеть во тьме.

— Что же мне делать с двоими? — спросил Сергей так, словно его кто слушал. — Ничего не поделаешь, придется идти пешком, — добавил он, и если бы кто-нибудь и в самом деле его подслушал, то мог подумать, что Сережа до сих пор не полз, а ехал, а теперь по неизвестным причинам вынужден идти пешком.

Ползти с двоими ранеными, потерявшими сознание, было никак невозможно. И Савраскин встал во весь рост, взял на руки Емельянова, как матери берут уснувших ребят, и зашагал по дороге.

Подходя к проволочным заграждениям, Савраскин вспомнил события прошедшего дня и ему стало жаль шинели. «Завтра, пожалуй, выьем их отсюда, — подумал Сережа, — и тогда заберу шинель».

Через проволоку Савраскин прошел в том месте, где днем прорезал проход и, войдя в лес, почувствовал себя дома. Он был уже в расположении своего дивизиона.

— Кто идет? — негромко окликнул его часовой.

— Свои! — ответил Сергей.

И в то же мгновение вдали раздалось два ружейных выстрела с белофинской стороны. Савраскин споткнулся и вместе с

Емельяновым полетел в какую-то пропасть. Саночки с лейтенантом дернулись вслед за падающим Савраскиным, но веревка оборвалась и они остановились.

Часовой, услышав выстрелы и заметив падение человека, решил, что тот либо ранен, либо убит случайной пулей. О происшествии стало сразу известно в штабе дивизиона.

Пришли санитары, лекпом и лейтенант Леонтьев — начальник штаба, тот, что спал на нарах, когда Савраскин был послан капитаном Куницыным спасать лейтенанта Вахромеева.

Вахромеев был еще жив. Ему оказали первую помощь и двое санитаров унесли его на носилках, а лекпом и трое остальных санитаров направились за Леонтьевым и спустились в ту яму, куда упал Савраскин с Емельяновым.

Это была глубокая траншея, покинутая белофиннами. Сверху ее засыпало снегом, она стала неприметной и только сейчас обнаружилась.

Леонтьев зажег электрический фонарик. Дно траншеи было устлано толстым слоем мягкого ельника. На ельнике сидел и в недоумении оглядывался по сторонам раненый Емельянов, а рядом с ним без движения лежал Сережа Савраскин. Леонтьев узнал их.

— Убит? — спросил Леонтьев у Емельянова и кивнул головой на неподвижно лежащего Сережу.

— Не знаю... а нас из огня вынес... меня и лейтенанта...

— Носилки сюда! — распорядился лекпом, и санитары один за другим повыскакивали наверх, а через несколько секунд носилки уже стояли у траншеи.

Лекпом в полутьме осматривал Сережу.

— Ранений никаких, — заключил медик. — Умер как видно от тяжелой контузии... Я и Петров понесем раненого, — продолжал лекпом, — а Сидоров и Федоренко — убитого...

Емельянова взяли на руки и подняли наверх.

Он застонал и скрипнул зубами. Затем уложили на носилки и Сережу. Лейтенант Леонтьев шел молча вслед за санитарями к землянке, где помещался пункт медпомощи, и думал о Сереже: «Редкий боец был... И вычислитель, и связист, и разведчик, и чертежник...»

В это время Сережу внесли в землянку и сняли с носилок. Леонтьев вошел следом.

Землянка освещалась стеариновыми свечами.

— Светло у вас, — сказал лейтенант лекпому, но тот не слышал, он уже пере-вызывал колено Емельянову.

— Что вы сказали? — вдруг заговорил Сережа и открыл глаза. Санитары вздрогнули от неожиданности. Вздрогнул от радости и Леонтьев.

— Контужен?! —

— Я? — удивленно переспросил Сережа, ощупывая себя кругом: сначала руки, потом ноги, затем грудь и голову. — Не вижу и не чувствую никаких контузий, — заключил он, вставая на ноги и прикладывая руку к козырьку светлоголубого шлема. — Здравствуйте, товарищ лейтенант!

Леонтьев пожал Сереже руку, поблагодарил за спасение лейтенанта Вахромеева и бойца Емельянова, а затем спросил:

— Что же с вами случилось под конец?

— Уснул я, товарищ лейтенант... А как уснул — не помню... Шинель на проволоке оставил — помню; проволоку прорезал — помню; у водопада был — помню; саночки финские на дороге подобрал — помню; двоим раненым дорогу указал — помню; наш часовой меня окликнул — тоже помню, а вот как я уснул — этого припомнить не могу...

Выяснилось, что еще прошлую ночь Сереже спать не пришлось, и когда он споткнулся и упал на мягкий ельник, то, утомленный за день, мгновенно уснул, а раненый Емельянов, наоборот, очнулся и пришел в сознание.

Недели две спустя случай редкого сна вспоминали в дивизионе со смехом, а в ту ночь, когда все это произошло, лейтенант Леонтьев приказал Сереже спать, и Савраскин, как только вошел в землянку штаба, залез на нары и не просыпался до тех пор, пока его не разбудил сам капитан Куницын.

Расспросив утром Сережу обо всем, капитан сказал:

— Если шинель вашу ветром не сдуло, то завтра вернем ее обратно.

Куницын был весел. Глухота его, приключившаяся, видимо, от простуды, прошла. Обычно несколько суровый, на этот раз капитан счел уместным поделиться с бойцом радостной вестью о своем выздоровлении.

— Так что вы опять пойдете в поле, — заключил капитан, — но не к орудию, а в качестве командира взвода управле-

ния... Возьмите пока мою шинель. — Тут капитан снял со стены шинель и подал Сереже. — Только знаки различия перемените...

Так Сережа Савраскин сделался командиром взвода управления. Он принял команду. После долгих поисков, ночью, Сережа нашел стрелковую роту, восстановил связь, потерянную после ранения лейтенанта Вахромеева, и повел наблюдение за вражескими укреплениями.

Снегопад прекратился. Данных, которые давал дивизиону Савраскин, было достаточно, и на рассвете началась артиллерийская подготовка.

Орудия били через головы стрелковой роты. Командир взвода управления Савраскин и его бойцы без потерь проникли за проволочные заграждения и залегли далеко впереди роты. Им хорошо было видно, куда дожились снаряды нашей артиллерии. И когда, подавленные силой огня, замолчали вражеские огневые точки, наша пехота короткими перебежками устремилась за проволоку, туда, где залегли разведчики-артиллеристы — Савраскин и его бойцы.

Снаряды рвались точно в расположении вражеских укреплений. Скоро возле дотов совсем не стало снега, а лишь черная земля. Иногда на этом черном, перепаханном снарядами поле, забывая снять белые халаты, появлялись кучки убегающих белофишнов. Немногим, однако, удавалось бежать, потому что на черной земле белый халат — смерть, а не спасение.

К полудню вражеские укрепления в этом месте были заняты нашей пехотой и сразу же последовал приказ командира артиллерийского полка:

«И-скому артдивизиону сменить боевой порядок и продвинуться на четыре километра вперед».

Капитан Куницын, лейтенант Леонтьев и командир взвода управления Сергей Савраскин пошли посмотреть на шинель.

Она была видна еще издали.

— Смотрите, — сказал капитан, — не дать, ни взять, боец, перелезающий через проволоку.

А когда подошли к проволочным заграждениям, капитан снял шинель с проволоки, расправил ее и, держа в обеих руках, выставил на свет. Леонтьев стал терпеливо считать и насчитал шестьдесят четыре дырочки.

— Решето, — молвил капитан. — Сдать в музей, составив описание этого поучи-

тельно случая, — добавил он, вручая шинель начальнику своего штаба, лейтенанту Леонтьеву.

ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

Эту историю рассказал нам командир отделения радиосвязи Михаил Алексеевич Иванов, тот, что служит в Н-ском артиллерийском полку.

— Я — не разведчик, — сказал Иванов. — Я был тогда рядовым. Служил в отделении радиосвязи, которым сейчас команду. Но и не будучи разведчиком по специальности, я нередко выполнял боевые задания по разведке. Особенно часто мне приходилось сопровождать младшего лейтенанта Батурина.

Батурин — опытный артиллерист и прекрасный разведчик — всегда находился впереди с пехотой. Он обрабатывал данные для нашей артиллерии. А я доставлял эти данные командиру батареи. И, надо вам сказать, за время войны я так наловчился таскать эти данные из-под огня, что ни разу не попал под обстрел белофинских кукушек. Прямо как-то чутьем угадывал, какое дерево, какой бугорок, какой кустик — друг или враг мой. Иной холмик далеко обойдешь, а за пиную кочку, как за мать родную, спрячешься. И глядишь — никто тебя не тронул. А батарее польза — бьет без промаха.

Вот за эту мою ловкость Батурин и похвалил меня однажды за обедом. «Ты, Иванов, настоящий разведчик — у тебя золотые глаза». А народу при этом было много. И бойцы и командиры. И стали все называть меня в глаза — «товарищ Иванов», а заглазно — «Иванов — Золотые Глаза». Я не только не обижался, но, можно сказать, внимания не обращал на шутку. Да и обидного в шутке, как видите, ничего не было. Скорее наоборот. Пошутили товарищи и перестали. И сделалась я по-прежнему — просто Иванов. А про глаза все забыли. Но надо было подвернуться счастливому случаю в моей жизни. И Золотые Глаза навсегда воскресли у всех в памяти. А случай такой.

15 февраля, когда наши войска штурмовали укрепленную полосу противника, младший лейтенант Батурин получил приказание пробраться вперед и получить схему расположения наступающего батальона. Этот батальон поддерживала наша ба-

Леонтьев взял под козырек, повторил приказание командира артдивизиона и принял шинель.

тарей и схема нужна была артиллеристам для того, чтоб, громя врага, не задеть своих ненароком.

Получив приказание, Батурин зашел за мной на радиостанцию, в землянку. Рассказал мне в чем дело и сказал: «Идем».

— Ты, — говорит мне Батурин, — схему доставишь, а я в батальоне останусь — данные обрабатывать.

Тут же выяснилось, что младший лейтенант Сверчков — мой непосредственный начальник — уже поставлен в известность, что я ухожу в расположение пехоты. И мы, не медля ни секунды, отправились в батальон.

Командир батальона, к которому нас направляло наше командование, находился впереди, на высоте, в земляных укреплениях, захваченных у белофиннов. Чтобы попасть на эту высоту, надо было перейти лесную поляну метров четырехста шириной. Эта поляна была под ружейным и пулеметным огнем противника.

Приходилось все время ползти. Немного позади, по моему следу, пробирался младший лейтенант Батурин, а впереди меня, шагах в пяти, полз какой-то красноармеец. Когда этот неизвестный мне боец вздумал сделать перебежку, его ранило и он застонал. Я подполз к нему и осмотрел. Пуля угодила в руку повыше локтя. «Ползи, говори, туда» — и глазами показываю на огромную воронку шагах в десяти от нас. Боец, преодолевая боль, повиновался мне и без посторонней помощи дополз до воронки. Я последовал за ним, чтобы оказать первую помощь.

Работать на сорокаградусном морозе было не сподручно. Рука раненого оттопырилась, словно подбитое крыло. С большим трудом я стянул один рукав. Боец застонал. Я снял перчатки, мороз хватил меня за руки и пальцы мои окоченели прежде, чем я успел перевязать рану. Но тут к нам в воронку вполз младший лейтенант Батурин и закончил начатую мной перевязку. И только он закончил, как в нашу воронку вкатываются еще двое — младший комзвод и боец. Батурин спрашивает их — откуда и куда. Оказывается они провели телефонную линию в тот ба-

тальон, куда мы направляемся. А возвращаются — в штаб нашей части.

Батурин приказал им доставить в ближайший тыл раненого. А мы двинулись дальше. Чем ближе подбирались мы к высоте, тем сильнее становился огонь. Край поляны обстреливался из минометов. Нельзя было перебежать даже двух метров. Все было под обстрелом.

Тщательно применяясь к местности, мы все же добрались, наконец, до окопа. А в конце окопа, в убежище нашли командира батальона. Комбат спросил как мы добрались до него. Я рассказал. Он удивился и объяснил, что по крайней мере одну четверть пути — самую опасную — можно пройти окопом. Окоп в человеческий рост высотой тянулся шагов на двести, он шел несколько левее того следа, который проложили мы с Батуриным. Этот длинный ров выкопали для себя белофинны. А сейчас его занимала наша пехота. Все время шла ружейная и пулеметная трескотня.

Батурин остался при командире батальона обрабатывать разведывательные данные для артиллерии. А я получил от комбата схему и пошел по окопу. Иду и вдруг вижу на насыпи окопа широкую лунку. На дне окопа, как раз напротив лунки, лежат два убитых красноармейца. Впереди меня идет боец и вдруг он хватается за плечо. Его ранило.

Я остановился и задумался. Гляжу, то на лунку, то впереди вдоль окопа. Сзади возле меня остановился какой-то боец. Он, видя, что я гляжу на убитых, заговорил: «Все время на этом месте; как пойдет кто-либо — рапит, либо убьет».

Я поддержал разговор. Оказывается, о проклятом месте напротив лунки знали многие. Но никто не задумался — отчего оно столь опасно. И я решил дознаться — почему на этом месте всегда находят убитых и раненых. Решил я так и вижу — неподалеку от лунки, на верху окопа, у насыпи лежат огромные камни. Между камнями узкая расщелина — как раз человек поместится. Лопата у меня всегда была при себе. Я прорыл в стенке окопа две ступеньки, осторожно взобрался на окоп и юркнул под камни. Отверстие меж камнями было не велико, но вся местность напротив лунки обозревалась превосходно.

Сначала я наблюдал за снегом. Ничего подозрительного не нашел. Стал следить

за лесом, и взгляд мой упал на густую старую ель. И я различил явственно — одна ветка зашевелилась.

«Не показалось ли мне» — подумал я и стал еще внимательней следить за старой елью. Вглядываюсь и вижу: макушка елки белая — вся в снегу; снизу ветви белые — тоже в снегу, а между нижними ветвями и вершиной — зеленая хвоя. «Все ели белые, а эта пегая» — подумал я. — «Тут что-то неладно». Не отрываю глаз. Ясно вижу — шевельнулась еще одна ветка. И я прихожу к выводу: на елке сидит человек. И в том месте, где он сидит и шевелится, снег с елки осыпается.

Слезая в окоп и обращаюсь к одному из младших командиров. Рассказываю ему. Он лезет на окоп под камни. Смотрит минут пять. Слезает, говорит мне: «Повидимому, вы рассуждаете правильно». Тогда я попросил у него винтовку. Он дал мне. Я снова взобрался на окоп, нырнул под камни и стал выжидать. Вот ветка зашевелилась и я дважды выстрелил по этой ветке. Все ветви на елке заколыхались, посыпался снег. Вслед затем, словно холщевый мешок, упал враг в белом халате и, растопырившись, воткнулся в снег головой, и я успел дать еще два выстрела, целясь в то место, где, по моим расчетам, мог прийтись живот бандита. Воткнувшись в снег головой, он описал ногами дугу в воздухе, повалился наземь и стал невидим: халат белофинна слился с окружающей местностью.

На другой день нами была занята вся эта равнина, замерзшее болото. Я отправился с Батуриным и бойцами к старой ели. Под ней мы нашли бандита. Он был поражен тремя пулями. Одной — в плечо, думаю, что от этой он упал с дерева, а двумя — в область живота, видимо, в тот момент, когда торчал в снегу вверх ногами.

Глядел я на врага, но думал не о нем. Я думал о товарищах, которым спас жизнь.

На елке мы нашли автомат, искусно прикрепленный к дереву. Сняли бойцы автомат с елки, а Батурин мне и говорит:

— А глаза у тебя, Иванов, и впрямь золотые.

Вот с той поры хожу я с прозвищем: когда кто переспрашивает «который Иванов» — многие поясняют: Иванов — Золотые Глаза.

П. Драверт

ИСКАТЕЛЬ САМОЦВЕТОВ

Я ушел весною в дебри Даялоха,
Оглашая песней хвойную чашу,
И, разбивши стан у горного потока,
Каждый день с утра внимательно ищу.

В рыхлых обнаженьях жильного гранита
И в песках, где кварц окатан, как слеза,
Множество сокровищ для меня открыто,
Только бы служили руки и глаза.

Рокоты ручьев в горах призывно-звучны,
Нежит взоры каждый кустик и цветок;
Верные друзья со мною неразлучны —
Молоток с киркою, заступ и лоток.

Здесь не вянут мысли в будничных заботах,
Дикая свобода радостно легка;
Это постигают птицы в перелетах,
Волны океана, ветры, облака.

Вдалеке от милой мне ничуть не больно, —
Ты со мной незримо странствуешь везде;
Имя дорогое я шепчу невольно,
Обращаясь ночью к западной звезде...

Осенью багряной, перед злой зимою,
В переломе ясных, но коротких дней
Возвращусь я в город с полною сумою
Галек и кристаллов редкостных камней.

В шелесте приводов, в скрежете наждачном
Расскажу тебе я, загораясь вновь,
Об аквамарине, как Байкал прозрачном,
О гранате красном, как соколя кровь.

Расскажу о лунном блеске ортоклаза,
О цирконе буром, как монгольский конь,
И холодный столбик винного топаза
Положу украдкой в теплую ладонь...

А теперь, устало опуская плечи
На валун тяжелый у кривой сосны,
Я предвосхищаю радость нашей встречи
В мастерской, где вместе будем до весны.

нам губы влагой из ключа,
и звездочет шутил, бурча
себе под нос: — Вот для скитальцев
общедоступный ключ кастальский!
И в небеса глаза прищурив,
запел наш Лель полуседой:

«А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!»

Друзья! Бокалы этой ночи —
за всех, за всех отважных зодчих!

ПИСЬМО С ДОРОГИ

И вот — рассказана собратом
поэма о тебе — родной...
Душа взволнована:
        будь свято
болненье — светлый дар земной!

Собрата моего прапрадед
за тридевять земель, чудак,
лишь яростного сердца ради
ходил на парусных судах.
Его достойнейший праправнук
наверняка — не наугад —
всегда тропу разыщет славных
среди гор, в лесу и на лугах.
А на привале, в сень укроясь,
бормочет он порой стихи —
страстей неомраченных повесть, —
ведет великолепный поиск
деяний чистых и стихий.

Читал он — и, казалось, будто
поэмы образ — ты со мной,

и пахнет первой незабудкой
в моей палатке и сосной.
Смотри в глаза твои:
        огонь их —
любимейшей звезды огонь!
Вот ясные твои ладони
кладу в суровую ладонь.
Читал он — и дышали строфы
тревогами моей души.
Взволнован я.

        Но разве плохо
узнать, что ты — несокрушим,
что сердце прочно?

        Плохо разве,
поняв, что жизнью ты богат,
отметить, как внезапный праздник,
одну из неподдельных дат?

Рожденная в стихах собрата,
в поэме о тебе родной, —
она порукою, что свято
дыхание любви живой.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИВАНА ФРАНКО

(к 25-летию со дня смерти)

МИЛОСЕРДНЫМ

Пушай и так, что, как червяк,
В болото жизни втопан я,
И умираю, оскорблен,
Великий гнев в душе тая;
Пушай и так, что на пути,
Как жалкий нищий, я стою,
А все ж непрошенный ваш дар
Глубоко ранит грудь мою.

Пушай и так, что вы честны,
Что искренни вы и добры,
Что милосердною рукой
Даете нищему дары;
Но подаюния у вас
Я не просил, я не молил —
Чего ж вы тычете свой дар,
Чтоб он мне руку пропалил?

И кто вам, кто вам право дал
Подачки подносить сейчас
Любому, у кого лицо
Не так счастливо, как у вас,

Бескровны губы, у кого
В глазах веселье не горит,
И рваная одежда всем —
«Вот — пролетарий» — говорит?

Кто знает, может быть бедняк,
Не знающий счастливых дней,
Не хочет милости, и дар
Ему пощечины больней?
А, может, хочется ему
Внимать сочувствия словам,
Иль будет благодарен он
Лишь за одно молчанье вам?

Кто знает, может быть и так,
Что милосердный этот дар
Его толкнет и свалит с ног,
Как тяжкий кулака удар?
А, может быть, на этот дар
И глазом он не поведет,
И милосердие, и вас,
И ваши руки проклянет?..

Перевел *Бронислав Кежун*

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Она не детская забава,
Не нежность чувства, не мечта,
Не презирающая славу
Неопытная красота.

Не ласка сердца молодого,
Не ветра шум, не шопот волн,
Она — решительное слово,
Зов духа, что величья полн.

Народ в беде соединяя,
Она как колокол поет, —
Недаром песня боевая
Под градом стрел нас бережет.

Она — горящая лучина,
Вливающая в сердце зной,

Прогресса первая пружина
В своей упругости живой.

Она не в злате, не в порфире,
У ней простой и скромный вид,
Она работница, и в мире
Свой труд когда-нибудь свершит.

На сердце злую боль скрывая,
Она и дышит, и поет,
И жизнь земную отражая,
Жива, как трудовой народ.

Она горда и перед силой
Не склонит никогда чела,
Как дуб могучий над могилой,
Как среди бурных волн скала.

В жизнь проходящих поколений
Она бросала чистый взгляд,
И перед нею — словно тени
Прошли года — за рядом ряд.

Она людского горя знала
Глубинный ужас с давних лет,
Болела, мучилась не мало —
Пока на ясный вышла свет.

Так песни скромной не судите
За простоту ее речей,

От всей души ее любите,
Свое отдайте сердце ей.

Не бойтесь, коль порою стоны
Сквозь песни строй до вас дойдут,
Сердец страдавших миллионы
Одним дыханьем в ней живут.

Внимайте горю, укоризне,
Чей вздох тревожит забытье,
С любовью приглядитесь к жизни —
И вы полюбите ее.

Перевел *Вс. Рождественский*

**

Когда б ты знал, как много значит
слово,

Исполненное нежной теплоты,
Как сердце исцелить оно готово
От тяжких ран — когда бы ведал ты,
То верно бы несчастья и недоли,
Сжав зубы, молча б ты не миновал,
Ты лил бы слово, в утоление боли,
Как теплый дождь на жаждущее
поле, —

Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как больно слово
ранит,

Исполненное злобной остроты,
Как ядом души чистые дурманит
И губит их, — когда бы ведал ты,
То злобу сердца, словно пса цепного,
В тайник души темнейший бы загнал,
И, не найдя сочувственного слова,
Укорами не ранил бы больного, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как много горя
скрыто

Под маскою веселья напускной,
Как много лиц, беспечных днем,
умыто

В подушках пропадающей слезой,
Ты б взор и слух свой заострил
любовью,

Ты в море слез бы броситься желал,
Чтоб смыть их горечь собственной
кровью,

Ты б жизни понял страшные
условья, —

Когда б ты знал!

Когда б ты знал! Но знают все
прекрасно,

Что сердцем узнается правый след,
Что темное рассудку — сердцу ясно...
О, ты бы мог иным увидеть свет!
Меж бурь людских и жизненной

тревоги

Твой путь правдив и ясен бы лежал,
И словом ты поддерживал бы многих,
И плачущих, несчастных и убогих,
Ты б утешал.

Перевела *В. Давиденкова*

**

Ой, идут, идут туманы
Над днестровскими лугами,
Точно стяги над полками
Развевают атаманы.

Не трубит труба горниста,
Звона лат не слышит уxo,

Только ветви клонят низко
Вербы, грустью вея глухо.

Только скрыла мгла жилища,
Словно призрак встали села,
Только дума черным нищим
Бродит в душах невеселых.

Перевел *А. Островский*

И. Зобачев

КУЗБАСС

Очерк первый

В мае 1912 года по Кузнецкому тракту вереницей мчались ямщицкие тройки. Заслышав звон колокольных, крестьяне выходили к воротам, с любопытством и изумлением смотрели на важных господ.

— Откуда такие? Куда? Зачем?

Край был захолустный. Деревенская тишь изредка нарушалась наездом губернского и уездного начальства. Да иногда купцы-предприниматели проезжали к берегам Томи, где кемеровские и щегловские крестьяне копали «горючий камень». Купцы закупали «горючий камень» и на плотах сплавляли его в Томск, наживая на этом большие барыши.

Попытки поживиться за счет «горючего камня» в Кузбассе имеют длинную историю, с тех пор, как рудоизнаты впервые обнаружили этот «горючий камень».

В 1721 году рудоискатель Волков сообщил о «Горелой горе 20 сажень высотой», которую он обнаружил около деревни Щегловой. Несомненно это сообщение касалось кемеровского месторождения угля. После этого был обнаружен уголь в деревнях Афонино, Абышевской и других местах по реке Томи.

Эксплоатация угольных месторождений в Кузбассе началась раньше чем в Донбассе. Впервые в Донбассе началась добыча угля в 1790 году, когда в Лисичанский район был командирован горный офицер черноморского флота Абрамов, а в Кузбассе Абышевские и Атамановские копи на Томи начали существовать с 1770 года, когда уголь из этих копей пытались применять на Томском железоделательном заводе. Прошло почти 150 лет, но добыча угля в Кузбассе так и не развилась и никто не знал сколько же угля находится в этом бассейне. Владельцем угля, как и всего этого обширного края, были первые по-

мещики России — русские цари, от имени которых управляло краем Управление Алтайского Горного округа.

Были неоднократные попытки капиталистов-предпринимателей проникнуть в Кузбасс, но Управление Алтайского Горного округа ревниво оберегало интересы царя и «берегло» уголь для кабинетских предприятий.

Сибирская железная дорога затронула лишь северную, близлежащую полосу Кузбасса.

В девяностых годах некий Зелинский по выбросам из лисей норы на берегу речки Алцеад обнаружил уголь и поставил на этом месте заявочный столб. Не имея средств на разработку угля, он запродал месторождение предпринимателю Михельсону. Михельсон учел всю выгодность предприятия в связи с спросом на уголь со стороны строящейся железной дороги и в 1897 г. заложил Судженскую копи. В этом же году Управлением Сибирской железной дороги была открыта Анжерская копи.

Но Михельсон и другие предприниматели, наживавшиеся на поставках угля железным дорогам, были капиталистами мелкого пошиба, на большое дело у них не хватало ни инициативы, ни капитала. Южный Кузбасс оставался не тронутым. Попытки «кабинетских» чиновников эксплуатировать уголь в этом районе (Бачатская, Абышевская и другие копи) не имели успеха и эти копи были закрыты.

...Трактовая дорога вела на юг, в глубь Кузнецкого уезда. Перед глазами путников расстилались поля, перелески, увалы. По берегам речек беспорядочно раскинулись одинокие деревни и заимки.

Время от времени путники останавливали лошадей, пешком поднимались на холмы или спускались в овраги, присматри-

ваясь к обнажениям почвы. В деревнях расспрашивали крестьян о «горючем камне», о железной руде. Крестьяне охотно рассказывали:

— Тут везде черный камень...

— Ни погреба, ни колодца выкопать нельзя...

Господа записывали что-то в тисненые золотом книжечки, шелкали «кодаками» и мчались дальше. Это были учредители нового «Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей» (Копикуз): действительный статский советник Владимир Трепов (брат известного палача шефа жандармов Трепова — «патронов не жалеть»), три французских банкира — мосье Брильон, Громье и Гибер и инженер Ма-монттов.

Кроме них, в числе учредителей общества были: граф Шереметьев, князь Путятин, начальник главного тюремного управления Хрулев и другие именитые царедворцы. Но все это были лица подставные, получившие хорошие куши за выгодную сделку. Действительными хозяевами — держателями большинства акций — были французские банкиры.

По договору «кабинет его величества» сдавал в аренду Копикузу в своей Алтайской вотчине территорию в 176 тыс. квадратных километров сроком на 60 лет, а «в случае исправности предпринимателей» еще на такой же срок, т. е. до 2032 года.

Устремление на восток России иностранных банкиров было не случайным. К этому времени они почти завершили поглощение южной горно-металлургической промышленности России и устремили свои жадные взоры на богатства хиреющего Урала. Технически отсталая древесно-угольная металлургия Урала не могла конкурировать с южной угольно-коксовой металлургией. В 1900 году уральская металлургия давала половину всего чугуна, выплавляемого на юге, а в 1913 году — уже в 3—4 раза меньше юга. За эти годы уральская металлургия в выплавке чугуна почти не двинулась вперед, тогда как южная металлургия увеличила выплавку чугуна больше, чем в два раза.

Когда-то Урал был господином в металлургии, но «господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя» (Ленин, т. III, стр. 380).

Сановитые уральские заводчики беззаботно жили на монополиях, казенных заказах и субсидиях, получая огромные ди-

виденды, но быстро растущая южная металлургия, начавшая давать на рынок более дешевый металл, заставила и уральских заводчиков призадуматься. На помощь им пришли иностранные банкиры и уже к 1912 году уральская металлургическая промышленность, объединившаяся в синдикат «Кровля», оказалась на 50 проц. зависимой от иностранного, главным образом, французского капитала.

Остро встал вопрос о минеральном топливе. Без такого топлива металлургии Урала, особенно на юге, около безлесной горы Магнитной, дальше развиваться не могла. На выплавку миллиона пудов уральского железа необходимо было иметь 250 тыс. десятин леса. Уральские заводчики располагали огромными лесными площадями, но хищническое истребление леса все более затрудняло и удорожало заготовку и доставку его к заводам.

Уральские заводчики уже подумывали о южном угле, о постройке железной дороги от горы Магнитной до Уфы, чтобы этим путем доставлять на Урал донецкий уголь, но из их затей ничего не вышло. В это время и был создан Копикуз. Заправили его, стоящие близко к трону царя, пользуясь данными геологических исследований «кабинета», согласно которых в Кузбассе насчитывалось угля 12—13 миллиардов тонн, учли выгодную конъюнктуру и решили действовать. Для князей и графов уголь Кузбасса открывал заманчивую перспективу легкой наживы, а для иностранных банкиров возможность дальнейшего захвата уральской металлургии.

С такими радужными мечтами приехали в Кузбасс копикузовские заправили. В Кольчугине их встретил инженер Федорович — правая рука Трепова.

Еще до приезда своего именитого хозяина — Трепова он обшарил весь Кузнецкий уезд и, где возможно, посадил приказчиков и доверенных лиц для приемки промышленных предприятий, переходящих по договору к Копикузу (Гурьевский завод, Кемеровские, Кольчугинские, Бачатские копи).

Осмотром Кузнецкого уезда французы остались довольны. Правда, их немного смущала цифра подсчитанных запасов угля. 12—13 миллиардов тонн, по их мнению, было мало для того, чтобы акции Копикуза могли играть заметную роль на парижской бирже. Надо было подкрепить акции Копикуза более солидной цифрой запасов угля. Но для этого нужен более точный

подсчет геологических запасов углей Кузбасса. Французы сказали Трепову, что необходимо пригласить для этого известного исследователя Донбасса — геолога Лутугина.

Царскому сатрапу Трепову не хотелось иметь дело с этим профессором из племеев, в свое время немало испортившим крови его братцу Сергею Трепову.

— Это же — революционер!

Но французы настаивали на своем, и Трепов был вынужден согласиться на приглашение Лутугина.

**

Леонид Иванович Лутугин, конечно, не был тем революционером, каким представляли его Трепов и другие деятели царского режима.

Вскоре после окончания Петербургского горного института и проведения ряда блестящих работ по полевой геологии, Лутугин заменил на кафедре истории геологии ушедшего из института А. П. Карпинского. Одновременно он стал одним из деятельных сотрудников Главного геологического управления (Геолком). Замечательные работы по геологическому исследованию Донбасса открывали перед Лутугиным путь заслуженного профессора, академика, сулили солидное положение в капиталистическом мире. Но не это влекло Лутугина.

Лутугин был истинным демократом, передовым человеком своего времени, беззаветно преданным науке. Наука по его мнению должна была служить народу и процветанию родины.

Но видя, как на каждом шагу полицейско-самодержавный строй глушит передовую науку и ограждает ее всяческими рогатками от народа, Лутугин со всей страстью обрушивался на произвол царских чиновников, боролся, кипел негодовал.

«Нужно жить в такой каторжной стране, чтобы понять весь ужас положения, при котором приходится с такими страшными усилиями отстаивать ничтожнейшие права». Эти слова были сказаны Лутугиным вскоре после того, как он пришел на работу в Петербургский горный институт.

В бурные годы первой русской революции Л. И. Лутугин возглавлял инженерно-технические организации. Он кипел, негодовал, призывал к борьбе против полицейско-самодержавного строя. По предложению Лутугина в октябре 1905 г. общее собрание союза инженеров и техников в

резюмировании требовало предания «народному суду» палача Трепова, «главного виновника в расстрелах мирных демонстраций».

Именно об этом вспомнил копикузовец Трепов при упоминании французами имени Лутугина.

В результате своей политической деятельности в 1905 году, Лутугину пришлось на некоторое время бежать в Финляндию. Возвращение его в Петербург было нерадостным. Вскоре после приезда он был уволен по «третьему пункту» (без объяснения причин) из Геолкома, а затем был вынужден уйти и с профессорской кафедры. С этого времени он, как вольный геолог, посвящает всю свою жизнь геологическому изучению Донбасса. Там он составил себе мировую известность и приобрел непререкаемый авторитет в вопросах полевой геологии.

Один из его друзей писал, что «подпись Леонида Ивановича, удостоверявшего благонадежность того или другого месторождения, котировалась как в России, так и за границей, как беспорный документ».

Этим пользовались углепромышленники всех угольных месторождений. Консультация Лутугина открывала им банковский кредит. Поэтому французы — акционеры Копикуза — и настаивали на приглашении Лутугина в качестве исследователя Кузбасса. Им нужно было получить «беспорный документ» об угольных богатствах нового бассейна и этим поднять на парижской бирже акции Копикуза.

Л. И. Лутугин охотно поехал в Кузбасс. Ему чужды были устремления копикузовцев, он по опыту Донбасса знал, что стоит русскому народу и стране хозяйничанье иностранных и русских хищников-углепромышленников. Его влекла в Кузбасс геологическая загадка — скопление колоссальных запасов угля, о которых он догадывался.

Приехав весной 1913 года в Кузбасс, Лутугин разослал своих сотрудников по районам и начал геологические исследования.

Неутомимо, целыми днями он лазал по окраинам, по берегам рек, по склонам холмов, изучая строение и содержание геологических наслоений. Лутугин применял для того времени новый метод в геологии, он изучал не залегающие уголь, а свиты, сопровождающие уголь, и это давало ему возможность делать безошибочные заклю-

чения о направлении угольных пластов и их качествах.

Подолгу останавливался он перед многометровыми угольными обнажениями и разгадывал чудесную загадку природы. Перед ним вставала картина далекого геологического прошлого бассейна — бескрайние просторы древнего сибирского моря, Кузнецкий залив, лагуны, мощные торфяники и заросли первобытного мрачного леса, огромные осадки и образования угля, мощные сдвиги земной коры...

И чем дальше он развертывал геологическую летопись Кузбасса и мысленно подсчитывал колоссальные угольные запасы его, тем чаще перед ним вставали вопросы — когда же эти богатства земли будут подняты, когда они будут служить народу?

Он скептически относился к прожектёрству копикузовских дельцов. Как учёный, он восхищался Кузбассом — мировой жемчужиной угля, но своей работой не был удовлетворен.

Он писал одному из своих друзей:

«Насусть совместно с тучной говядой на пышных лугах сибирских, приалтайских, но нет душе моей покоя. Целыми днями вожусь с камнями — песчаниками, сланцами, известняками и не обращается в камень сердце мое, а болит самым настоящим гражданским зудом»...

Лутугину не удалось закончить своей работы в Кузбассе, 17 августа 1915 года он умер на Кольчугинском руднике.

В числе членов комитета по увековечению памяти Л. И. Лутугина были Максим Горький и В. Г. Короленко. На открытие народного университета имени Лутугина было собрано 350 тыс. рублей. В Кузбассе в память о Лутугине именем его назван один из пластов угля.

***

Копикузовцы получили «беспорный документ»: геологические запасы угля в Кузбассе по подсчетам сотрудников Лутугина в то время уже составляли около 250 миллиардов тонн, в 3—4 раза больше, чем в Донбассе. Это открыло копикузовцев, и они начали действовать.

На первых порах копикузовцы решили заняться переработкой кузбассовского угля на кокс. Федорович подсчитал, что на Урале можно до 10 доменных печей без особых затруднений перевести с древесного угля на кокс, для этих печей потребуется не менее 15 миллионов пудов кокса. Копикузовцы решили строить в Кемерово

коксовые печи и начали укладку железной дороги Юрга — Кольчугино и Топки — Кемерово. Затем копикузовцы вознамерились построить в Кузбассе металлургический завод. С этой целью они обратились за консультацией к академику М. А. Павлову, металлургу с мировым именем.

М. А. Павлов был активным сторонником применения минерального топлива в доменном деле. К голосу М. А. Павлова прислушивались все российские заводчики, а это было крайне выгодно копикузовцам. М. А. Павлов приехал в Кузбасс, на берега Томи и сделал заключение, что это место самой природой предназначено для развития крупного металлургического производства. Он впервые обратил внимание на удивительные свойства углей Кузбасса — возможность применения некоторых их сортов в доменных печах в сыром виде без предварительного коксования. В 1922 году М. А. Павлов писал об этом в статье «Предстоящая выплавка чугуна на сыром каменном угле в Сибири».

Копикузовцы приступили к проектированию металлургического завода сначала на 150 тыс. тонн, а затем на 880 тыс. тонн чугуна. Для этого они пригласили знаменитого доменщика южной металлургии М. К. Курако. Копикузовцы были уверены, что начатое предпринятие сулит им отличные дивиденды. С еще большей энергией Федорович и его подручный технический директор Копикуза барон Фитингоф начали рыскать по Кузбассу. По договору с «кабинетом» Копикуз получил «абсолю» — право выбора в течение 3—4 лет всех промышленных площадей, выгодных для Копикуза.

Пользуясь этим правом, копикузовцы бесцеремонно захватывали земельные площади, выселяя с облюбованных мест целые деревни. Крестьяне засылали губернское и уездное начальство жалобами на притеснения и своеволие копикузовских приказчиков, но толку от этого было мало, — жалобы их складывались под сукно. Алтайский округ «кабинета» был, конечно, на стороне копикузовцев, — сделка с копикузовцами сулила царю немалый доход.

Февральская революция не смутила копикузовских воротил, наоборот, министерство торговли и промышленности правительства Керенского, перезаключив с Копикузом договор, предоставило ему еще более льготные условия эксплуатации Куз-

басса. Копикузу предоставлялось право эксплуатировать промышленные площади «впредь до их выработок», т. е. Кузбасс отдавался кучке капиталистов в вечное пользование.

Октябрьская социалистическая революция разрушила все хищнические планы копикузовцев.

**

В декабре 1918 года власть на конях Кузбасса перешла к советам рабочих депутатов. На всех конях был установлен рабочий контроль.

Копикузовские заправилы — Федорович и Фитингоф, чувствуя, как почва уходит у них из-под ног, всячески стремились ухудшить положение на рудниках — прекратили снабжение копей материалами, продовольствием, задерживали заработную плату рабочим, прекращали стройку коксовых печей.

Поведение Федоровича и Фитингофа и их управителей на конях вызывало возмущение горняков Кузбасса. Все настойчивее выдвигались требования о национализации копей. За национализацию копей подали голос и рабочие Прокопьевской разведки. 12 января 1918 года на общем собрании прокопьевцы приняли резолюцию, в которой, присоединяясь к совещанию группы представителей горнорабочих и служащих Копикуза, просили Совет Народных Комиссаров о национализации предприятий Копикуза и финансировании их из средств государственного банка.

Руководители кузбасских большевиков — Франц Суховерхов и Михаил Рабинович вели энергичную борьбу с копикузовским саботажем и готовили национализацию копей.

В конце декабря 1917 года Михаил Рабинович выехал в Петроград на первый Всероссийский съезд профсоюзов. Он получил наказ Томского Совета добиваться немедленной национализации копей и финансирования их из средств государственного банка.

В Петрограде в это время шла ломка буржуазного государственного аппарата, на месте которого создавался новый, советский аппарат.

Михаил Рабинович горел бурной жизнью красного Питера, жадно впитывая впечатления быстро сменяющихся событий.

«Живу напряженно, как и весь Питер, я, думаю, весь мир, минутой, — писал он в эти дни в Сибирь секретарю Сибирского

союза горнорабочих В. А. Васильевой. — Здесь ощущаешь баррикады, горящие враждой глаза по обе стороны».

Рабинович слышал пламенную речь Ленина на историческом III съезде Советов о победе диктатуры пролетариата, о том, как складывается первое в мире советское, социалистическое государство.

В словах Ленина была великая утверждающая сила:

«Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов». (Ленин, т. XII, стр. 218).

Вдохновленный словами вождя, Рабинович забывал про сон, про еду. Он ждал Франца Суховерхова, чтобы поделиться с ним своими впечатлениями. Франц Суховерхов должен был приехать с материалами о Копикузе для доклада в ВСНХ, но положение на конях было тяжелое и он задержался.

Не дождавшись его, Рабинович решил действовать один. В Осотопе его предложение о национализации копей Копикуза встретили сочувственно, но в ВСНХ возникли разногласия. Против национализации выступал Ларин, прикрываясь рассуждениями о финансовых затруднениях. Рабинович решил зайти в правление Копикуза и потребовать нормального финансирования копей. Копикузовцы встретили его заискивающе-предупредительно.

Они заверяли Михаила Моисеевича в том, что ими принимаются все меры к нормальной работе копей. Жаловались на трудную обстановку, на то, что поступление долгов и авансов прекратилось, текущий счет не в порядке, банки не работают...

Рабинович чувствовал, как сквозь заискивающе-предупредительный тон прорывалась злорада на советское правительство и боязнь возможной национализации копей.

«Уходя от них, — писал он В. А. Васильевой, — я решил все же продолжать работу в сторону национализации, ибо не сегодня — завтра мы можем столкнуться с форменным саботажем на почве нежелания вкладывать новые капиталы в предприятия».

Рабинович наконец добился в ВСНХ заявления, что Кузнецкие копи будут нацио-

нализированы, ему предложили составить проект декрета о национализации и инструкцию по управлению предприятиями.

**

Рабинович пробыл в Петрограде уже два месяца и не знал действительного положения на коях Кузбасса. «Форменный саботаж» копикузовцев, которого он ожидал, развернулся на коях вскоре же после его отъезда в Петроград. Рабочий контроль, который начали вводить на коях Советы, управляющие копикузовскими предприятиями встретили в штыки. Федорович и Фитингоф, разъезжая по Кузбассу, инспектировали управляющих предприятиями о свертывании производства и увольнении рабочих. Продовольственные запасы припрятывались, задолженность по заработной плате превысила два миллиона рублей.

Такое же положение было и на Судженских коях Михельсона. 7 февраля томский Совет решил, в целях предупреждения окончательного развала этих копей, национализировать их и послал для этого в Судженку комиссара. На коях была установлена строгая трудовая дисциплина, поднялась производительность труда, и добыча угля, по сравнению с декабрем, почти удвоилась. На коях устанавливался советский порядок. На первых порах были финансовые затруднения, но судженцам пришли на помощь рабочие Самаро-Златоустовской железной дороги. Они послали в Судженку один миллион рублей авансом за получаемый уголь.

Почувствовав, что дело принимает серьезный оборот, Федорович выехал в Петроград, в правление Копикуза. Он рассчитывал, что ему удастся отсрочить национализацию и удержаться на коях до свержения советской власти.

Против наглого саботажа копикузовских заправил активно выступил М. К. Курако. Он со своей группой проектировщиков металлургического завода приехал в Кузбасс накануне Октябрьских дней и сразу же с головой ушел в кипучую работу. Он сразу же оценил, какие огромные перспективы открываются перед Кузбассом в связи с переходом его в руки Советов.

Курако энергично приступил к переоборудованию Гурьевского завода. Он никак не мог примириться с деревянной допотопной техникой этого завода и решил

перевести завод на минеральное топливо. Для этого он убирает изжившуюся калошниковую систему Ланге и заменяет ее новой современной калошниковой системой Барлея.

На конференции копикузовских работников он отстаивает развертывание работ по постройке коксохимического завода в Кемерово, который копикузовцы обрекли на консервацию. Он разоблачает все увертки копикузовских заправил и предупреждает против меньшевистских попыток тащить горняков Кузбасса на соглашение с капиталистами. Он рассказал на конференции о том, как донецкие капиталисты пытались вбить клин и раздавить могучее рабочее движение в Донбассе. Вызвав представителей в Харьков, горнопромышленники посулили стопроцентную прибавку заработной платы, а, одновременно с этим, делали все, чтобы дезорганизовать производство, вконец разрушить предприятия.

Курако призывал, впредь до национализации предприятий Копикуза, поставить жесткий рабочий контроль и заставить копикузовцев продолжать работу на предприятиях.

Франц Суховерхов проводил большую организаторскую работу на коях, сплачивал горняков вокруг большевистских организаций, вокруг Советов, разоблачал предательскую политику эсеров и меньшевиков, проводивших вместе с копикузовцами контрреволюционный саботаж.

В конце марта Суховерхов тоже выехал в Петроград и там встретился с Рабиновичем. Вместе с ним он пошел в ВСНХ добиваться окончательного решения о национализации копей, но там их ждало неожиданное сообщение. Ларин распорядился отложить национализацию Копикуза на неопределенное время и, мало того, разрешил выдать Федоровичу из государственного банка многомиллионную ссуду. Федорович, торжествуя, выехал обратно в Кузбасс.

Правительство в это время переезжало в Москву и Суховерхов уже ничего не мог добиться. Вместе с Рабиновичем он так же выехал в Москву. Там они случайно узнали, что за подписью того же Ларина послана телеграмма томскому Совету о денационализации Судженских копей Михельсона.

Франц Суховерхов торопил Рабиновича поскорее выехать в Кузбасс, а сам остался в Москве до съезда Совнархозов.

**

«...весной 1918 года начался переход к новому этапу социалистического строительства — «от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, в строительстве советского народного хозяйства» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 210).

В своей исторической работе «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин с огромной силой предвидения ставил новые задачи. От его гениального взгляда ничто не ускользнуло в той чрезвычайно сложной обстановке, в какой находилась страна в этот период.

В. И. Ленин выдвинул на первый план коренную задачу — повышение производительности труда. «Подъем производительности труда, — указывал он, — требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развитие производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности».

Ленин указывает на Урал, с его гигантскими запасами руды, на Западную Сибирь с ее запасами топлива.

«Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники, — говорит он, — даст основу невиданного прогресса производительных сил» (Ленин, т. XIII, стр. 453).

Говоря об Урале, В. И. Ленин имел в виду необходимость перевода уральской металлургии с древесного угля на минеральное топливо. Еще в «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин, отмечая технический застой и упадок металлургии Урала, указывал, как на одну из причин этого застоя, на то обстоятельство, что «на Урале преобладает выделка чугуна на древесном топливе, при старинном устройстве доменных печей, с холодным или слабо нагретым дутьем» (Ленин, т. III, стр. 379).

В апреле 1918 года Ленин телеграфировал уральской организации, предлагая разработать проект создания «единой хозяйственной организации, охватывающей область горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна».

Это была первая наметка великого плана соединения уральской железной руды с углем Кузбасса.

Ленин знал о лутугинском исследовании Кузбасса и о многомиллиардных за-

пасах угля в новом бассейне. Услышав, что там прекращена исследовательская работа, он тотчас же вызвал геолога Л. А. Гапеева, участника лутугинской группы.

Как рассказывает Л. А. Гапеев, ему не пришлось лично увидеть Ленина и говорить с ним. В Совнаркоме ему сообщили распоряжение Ленина о продолжении геологического исследования Кузбасса и вручили письмо, в котором Совнарком РСФСР обязывал советские органы в Сибири оказывать группе геологов под руководством Л. А. Гапеева всяческое содействие.

Гапееву с его группой был предоставлен отдельный вагон и выдано все необходимое для работы в Кузбассе.

Лутугинское исследование Кузбасса, показавшее 250 миллиардов тонн угля, подтвердило гениальную идею Ленина о подъеме уральской металлургии при помощи кузбасского угля.

**

Франц Суховерхов с нетерпением ждал съезда Совнархозов. Ему хотелось поскорее вернуться в Кузбасс и начать претворять на практике указания Ленина. В Томск он послал несколько телеграмм о том, как надо перестраивать руководство копами. В телеграммах он советовал привлечь к работе буржуазных специалистов, организовать контроль за их деятельностью. Он получил в ВСИХ ссуду в 10615 тыс. рублей для финансирования копей и других предприятий Кузбасса. После съезда Совнархозов он направился в Сибирь. Но дорога уже была закрыта чехо-белогвардейским мятежом, и Суховерхов попал в Сибирь только в конце июля 1918 г., пробравшись через белогвардейские фронты около Тобольска.

В те дни М. Рабинович писал в журнале «Горнорабочий» (№ 7—8):

«В Сибири разгуливает контрреволюция, опрокинувшая власть рабочих и крестьян. Пока истинное лицо черной буржуазной реакции рядится в эсеровский демократический плащ, расстреливая лучших представителей рабочих и тысячами загоняя их в тюрьмы, эта «демократическая» власть уверяет рабочих в своих добрых намерениях по отношению к ним. Но рабочие слишком хорошо понимают смысл совершившегося переворота. Всем им ясно, что за эсеровским авангардом на них

наступает тяжелая артиллерия буржуазии».

Да, это было ясно горнякам Кузбасса с первых же дней чехо-белогвардейского мятежа. Вооруженными отрядами Красной гвардии они пытались преградить путь белогвардейцам в Кузбассе, но силы были неравны и красногвардейцы вынуждены были отступить.

Неувядаемой славой героев покрыл себя красногвардейский отряд Петра Сухова, прошедший с боями от Кольчугина почти до границы с Монголией.

«Бесспорно, — писал Рабинович, — рабочие должны ответить кровавой борьбой на каждую попытку ограбления их завоеваний... Перед ними теперь задача — отступить на вторую линию окопов, не дать себя разбить, концентрировать силы и при первом удобном случае начать еще более сильное наступление на твердыни буржуазного строя».

Рабинович твердо верил, что успехи контрреволюции будут кратковременными и что полное «торжество пролетарского социалистического дела» близко.

Рабинович дал правильную большевистскую оценку чехо-белогвардейского мятежа. Спусти несколько месяцев на смену «эсеро-меньшевистской демократии» пришла, поддерживаемая штыками интервентов, неприкрытая буржуазно-помещичья колчаковская диктатура.

Чехо-белогвардейская разведка усиленно искала Рабиновича, но он скрылся в глубоком подполье и приступил к формированию разбитых организаций большевиков. Вскоре приехал Франц Суховерхов. Вместе они начали подготовку первой сибирской подпольной конференции большевиков.

Оставшиеся в живых кузбасские большевики, оправившись от первых ударов контрреволюции, начали готовиться к вооруженному свержению колчаковского ига.

**

В Кузбассе тогда насчитывалось 17 мелких кустарных шахт и штолен. На новых рудниках в Прокопьевске и Киселевке было пройдено только две небольших штольни.

Шахты находились в полуразрушенном состоянии. Владельцы их стремились лишь к одному — хищнически выбрать уголь. О техническом оборудовании шахт и речи не было. Копикуз снабжал только кайлами. Надо сказать, что даже кайлы тогда ввозили из-за границы. Так Копикузом было заказано в Англии 5500 кайл. На

многих шахтах уголь поднимали в бабье — конным воротом. Канаты были крайне изношены и часто рвались. На шахте, которая позднее была названа именем Карла Маркса, канат связывали 90 раз. Уголь от забоя до штреков горняки доставляли в «корытцах».

Тяжела и безотрадна была жизнь шахтера на коях. Горняки ютились в бараках и землянках, ходили всегда грязные, из шахты вылезут и помыться негде. В шахте при старых хозяевах работали по 10—12 часов. Заработок был низкий и тот задерживался.

Во время колчаковщины тяжелый экономический гнет сопровождался всевозможными расправами колчаковских комендантов и различных контрразведок, которым активно помогала администрация копей.

Много кадровых шахтеров, особенно после кольчугинского восстания в марте 1919 года, или погибло под выстрелами карателей или бежало в тайгу, в партизанские отряды.

Восторженно встретили шахтеры Кузбасса приход Красной Армии и восстановление власти Советов.

«Мы, судженские рабочие, — заявили в резолюции на своем митинге судженцы, — напряжем все свои силы для помощи Красной Армии в ее кровавой борьбе за окончательную победу над врагами рабочих — хищниками капитала. Слава русским рабочим и крестьянам, давшим миру советскую власть и Красную Армию».

В первые же дни после разгрома колчаковщины Ленин поставил перед сибирскими большевиками вопрос об усилении добычи угля в Кузбассе.

«Стране было нужно топливо. Ленин говорил тогда, что после хлеба «другой основной вопрос — это вопрос о топливе, главном фундаменте нашего строительства» (Ленин, т. XXIV, стр. 570).

26 декабря 1919 г. Ленин телеграммой потребовал от реввоенсовета 5 армии: «Все силы двиньте на ускорение с углем и разгрузкой дороги»... (Ленинский сборник, XXIV, стр. 78).

1 января 1920 года реввоенсовет 5 армии сообщил Ленину о занятии Кузнецкого бассейна и о том, что на Анжерских коях имеется угля на поверхности только 750 тыс. пудов и на Кольчугинских коях около миллиона пудов. Всего около тридцати тысяч тонн угля. Это все, что

осталось на поверхности на коях Кузбасса после ликвидации колчаковщины.

На всех коях была объявлена «неделя фронта». На призыв партии и правительства дать топливо железным дорогам — шахтеры Кузбасса ответили резким увеличением производительности труда. За первые две недели добыча на ряде шахт поднялась больше, чем на 100 процентов.

Но надо было срочно вывезти уголь из Прокопьевска и Киселевки, а железная дорога была проложена только до ст. Кольчугино. На достройку дороги было направлено около 8 тыс. трудармейцев. В короткий срок новостройка была приведена в такое состояние, что по ней можно было уже пускать поезда с прокопьевским углем.

В. И. Ленин проявлял большую заботу о скорейшем окончании кольчугинской новостройки. Вопрос об этой дороге обсуждался в Совете Труда и Оборона.

Уголь Кузбасса оживил замороженные колчаковцами паровозы сибирской магистрали и обеспечил продвижение продовольственных грузов в голодающие губернии.

**

В марте 1920 года на IX съезде партии В. И. Ленин выдвинул вопрос о едином хозяйственном плане. По этому плану нужно было в первую очередь поднять транспорт, топливное дело и металлургию.

По указанию В. И. Ленина и при его участии был разработан план электрификации России (план ГОЭЛРО), который затем был доложен на VIII Всероссийском съезде Советов. Политическая программа, указывал Ленин на этом съезде, «должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» (Ленин, т. XXVI, стр. 45).

В этом плане впервые перед всей страной было подчеркнуто огромное народно-хозяйственное значение Кузбасса:

«Одним из самых крупных на земном шаре каменноугольных массивов является так называемый Кузнецкий бассейн... Счастлирое сочетание угля и железа, почти в непосредственной близости друг от друга, дает полное основание охарактеризовать Кузнецкий бассейн, как район каменноугольной, железной промышленности с широкими перспективами дальнейшего развития» (план ГОЭЛРО РСФСР. Электрификация Западной Сибири. Стр. 11).

План ГОЭЛРО получил восторженную

оценку товарища Сталина. В марте 1921 года он писал В. И. Ленину:

«Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек».

Товарищ Сталин предлагал «начать немедленно практический приступ к делу».

В плане ГОЭЛРО гениальная идея В. И. Ленина о соединении угля Кузбасса с рудой Урала получила первое практическое развитие. Позднее эта идея была развернута товарищем Сталиным в грандиозную программу создания Урало-Кузбасского комбината.

**

В эти годы В. И. Ленин особое внимание обращал на Сибирь. Тягчайшая разруха промышленности и транспорта усугубилась постигшим Поволжье неурожаем. Но в Сибири были большие излишки хлеба и перед страной стояла задача быстро вывезти их в голодающие губернии. А для этого надо было поднять транспорт, ускорить движение продовольственных поездов, а это, в свою очередь, требовало увеличения добычи угля.

Рудники Кузбасса еще не оправились после колчаковского хозяйничанья. Ветхое техническое оборудование пришло в полный упадок и выбывало из строя. Электрическая энергия в то время шахтам южного Кузбасса не была знакома. И вот из Москвы, по распоряжению В. И. Ленина, была послана в Сибирь динамо-машина мощностью в 175 киловатт, взятая из Малого театра. Она явилась для Кузбасса большим подарком. Она знаменовала собою личную заботу о промышленности и тот путь, по которому новой промышленности в Кузбассе предстояло развиваться в будущем.

Тяжелое положение было и с рабочей силой. Многие горняки из числа военнопленных, работавших в Кузбассе во время колчаковщины, уехали на родину. Новые рабочие, набранные из трудармейцев, были еще неопытны в горном деле. Добыча угля на всех шахтах Кузбасса в 1921 году составляла около 800 тыс. тонн. К тому же вывоз угля с таких рудников, как Прокопьевский, был крайне затруднен. Высокие насыпи не выдерживали больших составов поездов. На ст. Кольчугино поезда, состоящие из 35—40 вагонов, делили на пять поездов, по 7—8 вагонов в каждом, и так отправляли дальше.

25 ноября 1921 года Совет Труда и

Обороны, по предложению В. И. Ленина, принял решение об усилении работы уральских и сибирских копей. В Сибирь выехала комиссия СТО, на которую была возложена также обязанность продвижения продовольственных маршрутов.

Комиссия побывала на всех рудниках и решила, что необходимо в Прокопьевске и Киселевке заложить новые штольни, а также развернуть добычу угля открытой выемкой. Но железнодорожники отказались принимать прокопьевский и киселевский уголь. Они ссылались на комиссию НКПС, работавшую на новостройке. Специалисты из комиссии НКПС категорически утверждали, что прокопьевский уголь (Внутренние пласты) негоден, что паровозы на этом угле не идут. Они добились того, что приемка прокопьевского угля для нужд железной дороги была запрещена. Тогда комиссия СТО решила проверить — действительно ли прокопьевский уголь не годен. Прицепив к своему поезду восемь груженых углярок, комиссия провела на этом угле опытный пробег, сначала от ст. Усыты до ст. Акчурла, а затем от ст. Тайга до ст. Новониколаевск. Пробег прошел отлично. «Результаты, — пишет комиссия СТО в своем заключении, — превзошли всякие ожидания, подъемы брались легко»...

В это время в Сибирь приехал Ф. Э. Дзержинский. Комиссия СТО доложила ему о результатах испытания прокопьевского угля. Решение комиссии НКПС было тотчас же отменено, а руководители Прокопьевского рудника получили телеграмму Ф. Э. Дзержинского: «Продолжать эксплуатацию вышеуказанных пластов (Внутренних. — И. З.) в нормальном порядке».

Прокопьевский уголь вышел на магистраль и сыграл большую роль в продвижении продовольственных маршрутов в голодающие губернии.

Ф. Э. Дзержинский, конечно, знал, что прокопьевский уголь должен найти себе лучшее место, чем паровозные топки, но тогда об этом еще рано было думать. И прокопьевский уголь восполнил острый недостаток в рядовом топливе.

**

Во второй половине 1921 года в советскую Россию приехал из Америки руководитель революционного рабочего движения Бейль Гейвуд. С ним прибыла группа американских инженеров. По поручению об-

щества технической помощи России, организованного в Америке в мае 1919 года, Гейвуд приехал помочь восстановить разрушенные индустриальные предприятия и создать новые. Американские пролетарии протягивали рабочим страны Советов руку братской помощи.

В. И. Ленин горячо приветствовал инициативу американских революционных рабочих. Группа Гейвуда хотела создать индустриальное предприятие на новом месте, в районе, где еще не развита индустрия. В. И. Ленин указал им на Кузбасс, как на район с огромными промышленными перспективами.

Гейвуд выехал в Кузбасс. К группе американцев примкнул не менее популярный вождь английских революционных рабочих Том Манн. Движение технической помощи Советам становилось интернациональным.

Иностранцев поразил сказочные богатства Кузбасса. В отчете о своей поездке Бейль Гейвуд и Том Манн писали:

«Здесь налицо все условия для неограниченного развития. Уже установлена наличность угольных богатств. Залежи железной руды к югу от Кузбасса сулят металлургической промышленности великое будущее. Ожидаемые от развития сельского хозяйства возможности гарантируют окончательное разрешение продовольственной проблемы, мяса и овощей. Здесь находится камень, кирпич, известь и цемент на постройку домов и неограниченное количество леса для лесного производства. Здесь возможно создать кожевенную и сахарную промышленность, фруктовое, консервное, стеклянное и шерстяное производство, не говоря о мехах... Если объединение захочет протянуть руку дальше, оно найдет медь, цинк и свинец, соль и вольфрам, серебро и золото... Тут нет границ для его будущей деятельности»... (Обл. архив. фонд АИГ).

Бейля Гейвуд и Тома Манна удручала крайняя отсталость этого богатейшего района.

«Каменный уголь, — писали они, — это жизненный нерв русской промышленности, сила, приводящая в движение транспорт, и, однако, богатейшие угольные залежи в России... едва эксплуатируются».

Кузбасс вызвал в памяти Бейля Гейвуда и Тома Манна гениальные слова В. И. Ленина, и они записали:

«Усилия новой промышленности будут в широком масштабе направлены на массо-

вое производство сельскохозяйственных машин, включая тракторы и электрическое оборудование для электрификации России»...

Бейль Гейвуд и Том Манн уехали из Кузбасса полные творческой энергии. Бейлю Гейвуду тогда было 52 года, а Тому Манну 65 лет. У обоих за плечами — десятки лет жестокой классово-борьбы с капиталом, но они чувствовали себя помолодевшими и отдавали все силы промышленному развитию этого богатейшего в мире района.

Свои впечатления о Кузбассе они восторженно передали В. И. Ленину.

По мысли В. И. Ленина, индустриальная колония иностранных рабочих должна была принести в Кузбассе технический опыт и навыки работы в передовых капиталистических предприятиях Америки и Европы.

При заключении договора В. И. Ленин ставил условием, что «едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиною, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии» (Ленинский сборник, XXIII, стр. 42).

Договор был подписан и вскоре в Кузбассе появилась «Американская Индустриальная Колония Кузбасса» (АИК-Кузбасс). По договору АИК-Кузбассу переходили угольные месторождения в Кемерове со всем имеющимся оборудованием и со всеми подсобными предприятиями: коксовыми печами, химическим, кирпичным и лесопильным заводами. Кроме того, к АИК'у переходили два кирпичных завода, один кожевенный завод и сапожная мастерская в Томске. Колония получила также 10 тысяч десятин земли для сельскохозяйственных ферм.

В. И. Ленин проявлял большую заботу об Американской Индустриальной Колонии. Тотчас же после заключения договора он телеграфировал Сибпромбюро:

«Соглашение... достигнуто. Согласно договору мы обязуемся подготовить (к) весне 50.000 бревен для работы (в) Кузбассе. Примите необходимые меры (для) безусловного исполнения. Донесите (о) принятых мерах телеграфно» (Ленинский сборник, XXIII, стр. 45).

Бревна предназначались для постройки домов, в которых должны были разместиться иностранные рабочие.

Большое участие в оформлении договора с АИК'ом и в создании ему обстановки

в Кузбассе принимал, по поручению В. И. Ленина, В. В. Куйбышев. Он тщательно следил за точным выполнением всех указаний В. И. Ленина.

Американская Индустриальная Колония пустила в ход коксохимический завод, подняла добычу угля на Кемеровском руднике.

В 1924 году Крайком ВКП(б) отметил в своем решении «значительные экономические достижения» АИК'а, «заоеванные в сугубо тяжелых условиях», хорошую техническую и производственную постановку дела на предприятиях АИК'а и, как результат этого, «значительный рост производительности труда».

В связи с этим было решено присоединить к АИК'у экономически тяготеющий и территориально примыкающий Кольчугинский каменноугольный район, в который входили тогда также Прокопьевский и Киселевский рудники.

Американская Индустриальная Колония впервые в шахтах Кузбасса начала применять машины. Первая врубовая машина системы «Джефри» и первое электрическое сверло, привезенные из Америки, были пущены на шахте Центральной в Кемерове.

На полях, принадлежавших АИК'у, работало девять тракторов, вывезенных из Америки.

Так в Кузбассе появились первые зачатки передовой технической культуры.

**

Со скрежетом зубовым встретили враги советской власти сообщение о развертывании работы в Кузбассе. Федорович, ловкий и изворотливый враг, пробравшийся после ликвидации колчаковщины в советский аппарат, рассчитывал, что советская власть не сможет поднять Кузбасс и будет вынуждена сдать его в концессию. Тогда он, Федорович, вновь возродит Кокикуз.

В те годы Федорович открыто болтал о том, что без иностранного капитала развивать Кузбасс немислимо. Позднее было установлено, что Федорович в точности выполнял задание своего хозяина Трепова, бежавшего за границу.

Но как ни пытались враги первого социалистического государства срывать восстановление промышленности, рабочий класс Сибири продолжал поднимать свои рудники.

В 1924 году добыча угля в Кузбассе еще не поднялась до наивысшей добычи

1917 года, но уже была близка к ней и составляла около одного миллиона тонн.

Подъем добычи угля в Кузбассе отражал общее состояние народного хозяйства в стране.

Восстановление народного хозяйства завершалось. Великий Сталин провозгласил новую, центральную задачу — переход к индустриализации страны.

«Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии», — указывал товарищ Сталин на XIV съезде партии.

Партия, под руководством товарища Сталина, дала сокрушительный отпор попыткам врагов народа — троцкистско-бухаринских реставраторов капитализма противопоставить генеральной линии партии свои капитулянтские предательские планы.

Преодолевая огромные внутренние и международные трудности, партия, под руководством товарища Сталина, твердо и уверенно вела народ к победам. В это время «Была разрешена в основном одна из труднейших задач индустриализации — задача накопления средств для строительства тяжелой промышленности. Были заложены основы тяжелой индустрии, способной перевооружить все народное хозяйство» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 285).

Внимание партии было приковано к основной топливной кочегарке страны — к Донбассу, но серьезная работа по реконструкции шахт проходила также и в Кузбассе. С 1924 по 1928 год на развитие всей каменноугольной промышленности Сибири, главным образом, Кузбасса, было отпущено 30 миллионов рублей. Переоборудовались подъемы в шахтах, устанавливалась электрическая вентиляция, водоотливы, заменялось котельное хозяйство, развивались проходческие работы. До 1924 года мощность всех электрических станций составляла всего лишь около 1228 киловатт, а в 1928 году мощность их увеличилась до 3475 киловатт.

В 1928 году в шахтах Кузбасса уже работали четырнадцать тяжелых и двенадцать легких врубовых машин, 6 отбойных молотков и несколько конвейеров.

До этого было пережито немало горьких часов. Владение новыми машинами оказалось делом очень сложным. Первые врубовки системы Шортвол-уодор, появив-

шиеся в Ленинске, наши горняки долго не могли пустить в ход и, в конце концов, решили, что пласты угля в Ленинске не подходящие для этих машин. Врубовки были переброшены в Прокопьевск. Там одна из машин была спущена в шахту № 2, но долгое время никто не мог заставить ее работать. Машине даже дали кличку «Чортов лодырь». Но постепенно сибирские горняки овладели сложными машинами и заставили их работать с полной нагрузкой.

То же самое и с конвейерами. Впервые они появились на шахте имени Емельяна Ярославского. Долго ходили емельяновцы вокруг конвейера и не знали с какой стороны установить шатуны. И не мудрено. Инженеров тогда было мало. Во всем Кузбассе только 31 человек, техников — 68 чел. Но и для них механизация была делом новым и трудным.

Быстро получили всеобщее признание первые аккумуляторные лампы, появившиеся в Кузбассе в 1928 году, — они были много удобнее коптилок «свет шахтера».

Так начиналась в Кузбассе большая работа по техническому перевооружению шахт.

Во многих шахтах работа велась еще по старинке, варварскими способами.

А. В. Луначарский, посетивший Ленинский рудник в конце 1928 года, рассказывает в своих путевых записках:

«В не механизированной части шахты работа производится совершенно варварским путем — откатчику приходится брать уголь в ящик и тащить его на себе до той артерии, где проложены рельсы и где имеются конные вагонетки».

Так было во многих шахтах Алжерки, Кемерово и Ленинска.

Молодой Прокопьевск в то время называли «рудником будущего». В 1927-1928 г. Кузбасс дал угля 2357 тыс. тонн, из них Прокопьевский рудник — всего лишь 430 тыс. тонн. На руднике работала только одна шахта № 2 и Юнгоровские штольни. В 1927 г. была заложена центральная штольня, но проходка ее двигалась медленно — нехватало электроэнергии. На руднике все еще оставалась та единственная динамо-машина, которая была получена в 1921 году из Малого театра.

Но, несмотря на все трудности, горняки Кузбасса неуклонно поднимали производительность труда. В 1923-1924 г. месячная добыча на одного трудящегося в

шахтах Кузбасса составляла меньше одной тонны (53,1 пуда), а в 1926—1927 г. — около полуторых тонн (84,6 пуда). Но все же темпы развития Кузбасса в эти годы не соответствовали колоссальным богатствам этого бассейна и потребностям страны.

Враги, пробравшиеся в некоторые руководящие органы Сибири, всячески противодействовали индустриальному подъему Кузбасса. Один из главарей право-«левацкого» блока Сырцов, вслед за иудой-Троцким, провозглашал, что экономический расцвет Сибири лежит на путях развития мельниц, крахмально-паточных, маслодельных и сыроваренных заводов. Этот враг предлагал, прежде всего, подумать «о сибирской корове». Вопрос о развитии кузбасской металлургии встречал в Сибири всяческое сопротивление со стороны маскировавшихся врагов.

Весной 1926 года в Новосибирске по предложению ВСНХ было создано при Крайсовнархозе бюро по проектированию Тельбесского металлургического завода и изысканию железной руды, но оно влачило жалкое существование. В то время больше было разговоров о поисках метеорита, упавшего когда-то в Енисейской тайге, чем об исследовании рудных богатств Тельбесса.

В Тельбессбюро пробрались вредители — инженер Федорович и геолог Катувльский. Они пытались отвести внимание от Тельбесса, доказывая, что для металлургического завода в Кузбассе не найдется руды. Катувльский всячески дискредитировал профессора Усова, который доказывал обратное.

Хор враждебных голосов поддерживал вредитель Новомбергский, орудовавший в сибирском Крайплане. В статье «На закате Кузбасса» («Сов. Сибирь», август

1928 года) он заявлял, что «период творческого оживления Кузбасса клонится к очевидному закату».

Другой «делец» Крайплана, скрывшийся за псевдонимом NN в журнале «Жизнь Сибири», высказываясь против развертывания добычи угля в Кузбассе, страдал, что большая добыча угля заставит сибиряка «удлинить свой рабочий день в три — четыре раза и, тем самым, свести их творца через 7—15 дней в могилу».

На процессе промпартии в 1928 году выяснилось, что преуменьшение роли Кузбасса и его производственных возможностей, задержка темпов его развития, — все это входило в подлые расчеты вредительской шайки.

Это был период, когда враги народа — троцкисты и бухаринцы все тесней и тесней смыкались с вредителями типа Федоровича и Новомбергского и, стремясь укрепить позиции капитализма в советской стране, вели яростную борьбу против ленинско-сталинской партии большевиков.

Партия, под руководством товарища Сталина, разоблачила вражеские намерения. Год великого перелома в Кузбассе был началом мощного развития промышленного строительства. В июне 1929 года на площадку у деревни Бессоновой, около старого Кузнецка, пришли первые плотники, землекопы, грабари и коновозчики. Началось строительство первого в Сибири большого металлургического завода американского типа. Это потребовало быстрого увеличения добычи угля, особенно коксующегося. И вот в 1929 году в Прокопьевске была заложена шахта-гигант «Коксовая» имени тов. Сталина, а вслед за ней и другие шахты-гиганты. Перед Кузбассом открывались величайшие горизонты быстрого промышленного развития.

ГОРЬКИЙ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ

Деятельность А. М. Горького и как художника и как критика и публициста, общественного деятеля была исключительно многообразной и яркой. Он был не только великим и первым мастером пролетарской, социалистической литературы. Он был организатором новой литературы, воспитателем десятков талантливых писателей. Одной из характерных черт его сверкающей деятельности была любовь к новым силам из народа, идущим в литературу, помощь им в их писательском труде. На протяжении всей своей необыкновенной жизни он неустанно, ежедневно работал по выявлению новых дарований, по направлению их творчества на путь служения интересам народа.

Многие талантливые советские писатели обязаны своим существованием, как писатели, Алексею Максимовичу. «Если составить список современных молодых писателей, так или иначе обязанных Горькому, — писал как-то М. Слонимский, — пришлось бы переименовать чуть ли не всех».

Горький интересовался не только отдельными авторами, но и целыми литературными коллективами. Известна его переписка с группой писателей Ивановской области. Но особенно большой и длительной была связь Горького с коллективом писателей-сибиряков.

Горький любил Сибирь и всегда проявлял к ней глубокий интерес. Сибирь интересовала великого писателя составом своего населения («народ туда все шел живой, беспокойный: политические ссылки, беглые крепостные и просто смелые вольнолюбивые люди»), своеобразием своей истории («крепостного права вы не знали, от царя жили далеко, страна просторная и богатая, политическая ссылка вам не мало дала»), вольнолюбивыми на-

строениями («у сибиряков от природы хорошие задатки, здоровая кровь»), огромным будущим.

В течение многих лет Горький неослабно интересовался общественной и культурной жизнью Сибири. Почти все его письма в Сибирь неизменно пестрят запросами сведений по истории Сибири, об областничестве, о противоречиях между Азиатской и Европейской Россией, о революционном движении. Он читал десятки книг по вопросам Сибири, с увлечением знакомился с сибирским фольклором.

Горький пользовался каждым случаем, каждым поводом, чтобы ободрить сибиряков, поддержать и укрепить в них революционные стремления, натолкнуть на «большую работу». «Вы люди здоровые, — писал он в одном из писем в Сибирь, — будите же самих себя, да и всю Русь к здоровой деятельной жизни!»

Алексей Максимович не ограничивался призывами. Он непосредственно сам вел большую работу по созданию «здоровой деятельной жизни» в Сибири. Он помогал рождению в Сибири передовой художественной литературы, которую он всегда считал «могучим средством воздействия на разум и волю человека».

«Я придаю большое значение сибирской литературной мобилизации, — писал он в 1912 г., — и она важна не только сама по себе, но и как толчок для всей Руси». Он считал, что сибирские темы могут внести новую струю в русскую литературу, освежить ее.

Под знаком сибирской литературной мобилизации шли все связи Горького с Сибирью, его переписка с сибирскими писателями, его организационная, педагогическая и издательская деятельность. По письмам и рукописям он знал почти всех писателей, работавших в Сибири, знако-

мился с их книгами, писал им письма, давал советы, читал и правил их рукописи.

Письма Горького несли товарищеские советы, слова бодрости, поддержки. Они помогали сибирским писателям правильно понять задачи литературы, помогали работать, помогали расти.

Горький горячо радовался рождению каждой хорошей книги, с удивительной прозорливостью умел замечать в ворохе рукописей искру подлинного художественного дарования и по-горьковски окружал его заботой, отеческим вниманием. Он первый заметил литературную талантливость известных сейчас писателей Ф. Гладкова и В. Бахметьева, начавших свой литературный путь в Сибири, первый поддерживал их, предсказав обоим большое литературное будущее. Талантливыми авторами Горький интересовался не только годами, а целыми десятилетиями, следил за их ростом, помогал им сформироваться в мастеров слова (И. Тачалов, Вс. Иванов, Вяч. Шишков и др.).

Алексей Максимович помогал сибирским писателям печататься в журналах центра, широко привлекал их к сотрудничеству в редактируемых им журналах и сборниках («Современник», «Летопись», «Сборник пролетарских писателей», после революции — «Наши достижения», «Колхозник»), принимал деятельное участие в издании «Сибирского сборника», советовал сибирякам издавать свой литературный журнал.

Особенно пристально Горький интересовался Сибирью, особенно широко помогал развитию литературы в ней после Октябрьской социалистической революции, когда Сибирь, по его выражению, «из края кандалов и смертей» стала Сибирью советской, «краем социалистического сознания».

Горький интересовался колоссальными богатствами и неограниченными возможностями социалистической Сибири. Он называл ее «огромной, чудовищно богатой страной, земля которой как будто все охотнее открывает перед нами неисчерпаемые сокровища ее недр, колоссальные массивы лесов, неизмеримые запасы энергии ее мощных рек». Он все время был в курсе жизни Сибири, прекрасно был осведомлен о запасах энергии Ангары, о мараловодстве на Алтае, о полезных ископаемых Салаира, об урожаях Кулундинской степи, о золотодобыче на Алдане, о пушных богатствах Уссурийской тайги.

Горький внимательно следил за ходом

социалистического строительства в Сибири и радовался каждому успеху в ее социалистическом преобразовании. «Индустриализация Западной и Восточной Сибири, — писал Горький в 1930 г., — это — одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к решению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем — неизбежно — к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности». «Великая это радость, — писал он в 1935 г. красному съезду колхозников-ударников Западной Сибири, — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле».

Алексей Максимович мечтал о будущем Сибири. И это будущее рисовалось ему величественным: «поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары и Великий Северный путь сквозь Сибирь, путь, который свяжет ее с тремя океанами».

В социалистическом преобразовании Сибири большую роль должна играть художественная литература. Горький много раз писал об этом сибирским писателям:

«Областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс».

«Из «Искры» разгорелись... довольно яркие костры во всем нашем мире. Это дает мне право думать, что отличная, культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири».

Горький непосредственно сам помогал росту областной литературы, помогал разгореться литературным огням в Сибири. С горьковским трудолюбием он прочитывал десятки книг и рукописей сибиряков, окружал талантливых авторов вниманием и участием, следил за их ростом, помогал им найти свою тему, свой стиль, овладеть литературной формой, техникой. Он всегда горячо поддерживал ценную инициативу, интересный опыт. С горьковской прямоотой он говорил правду в лицо, когда перед ним была рукопись бездарная или сделанная небрежно, неумело. Он не разбрасывал пустых похвал, не успокаивал молодых авторов туманными иллюзиями.

В письмах Горького целыми пригоршнями рассыпаны глубокие замечания, указа-

ния, советы, которые без преувеличения можно назвать горьковскими заветами сибирским писателям, блестящим учебным пособием для тех, кто хочет стать писателем.

Горький горячо поддерживал возникновение в Сибири литературных журналов, боролся за их укрепление, сам сотрудничал в них. Литературный журнал в области, в крае был для Горького не одним из многих литературно-художественных ежемесячников, а большим принципиально новым явлением — одним из элементов создания в стране новых культурных центров.

«Мы строим не один, а много центров культуры» — говорил он и в одном из писем о задачах «Сибирских огней» прямо указывал: «смысл дела — воспитание областной культурной интеллигенции». Именно с высоты этой задачи — создание новых культурных центров — он рассматривал развитие литературы в краях и областях Сибири. Исходя из этой задачи, он неоднократно требовал — и в статьях, и с трибуны Всесоюзного съезда писателей — не игнорировать областной литературы, печатать ее в журналах центра, учитывать ее значение как организатора культуры.

А. М. Горький свыше 30 лет был тесно связан с Сибирью, вел переписку с сибирскими писателями и со своими читателями-сибиряками. От Горького в Сибирь и из Сибири к Горькому шел непрерывный поток писем. Горький неоднократно писал о нашем крае, о литературе в Сибири в своих статьях, говорил о ней в речах, в беседах. Все это до сего времени не собрано, не систематизировано. Мы сделали первую попытку изложить в хронологическом порядке все известные нам письма Горького сибирякам, его высказывания в речах и беседах о Сибири и сибирской литературе. Несмотря на то, что в эту хронологическую канву нам удалось включить далеко не все письма Алексея Максимовича сибирякам, она чрезвычайно ярко показывает, какой огромный интерес на протяжении многих лет проявлял Горький к Сибири, к сибирской литературе, какую колоссальную работу провел он по «сибирской литературной мобилизации», какое богатство представляют его указания сибирским писателям.

1903

Н о я б р ь, 4. Письмо сибирскому писателю В. И. Анучину¹ о его рассказе «Уважили», напечатанном в журнале «Образование». «Хорошая, сильно написанная вещь», — дает заключение Горький, и в этом же письме ставит чрезвычайно важный вопрос — о сибирской теме в литературе:

«Сибирские темы, только не берите их слишком уж узко, это богатейший источник, он может освежить нашу литературу, а тут затхлостью понахивает. Я вообще думаю, что Сибири пора выходить на широкую дорогу».

Д е к а б р ь, 27. В издании О. Н. Поповой вышла повесть Анучина для детей «По горам и лесам». Горький пишет автору: «Прочитал вашу детскую повесть... Прекрасно! Представляю, как будут зачитываться ребята».

«Ваша тема для трагедии (о бунте красноярских казаков в 1698 г. — С. К.), конечно, хороша. Огромное социальное значение... Выходит, что вы, сибиряки, опередили и стрельцов и Пугачева — исконные бунтовщики».

1904

Ф е в р а л ь, 7. Письмо В. И. Анучину по поводу его книг: «Вечный скиталец», «Такман», «Материалы к областному словарю сибирского наречия».

«Ваша обработка народных сказаний и легенд — хорошее начинание... Что касается областного словаря, то это целое сокровище»... «Писатель, не обладающий знаниями фольклора — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства и добросовестный писатель должен ими овладеть».

1908

О к т я б р ь, 14. В письме Анучину советует отказаться «от научной работы ради писательства... Писателей у нас куда как мало, а профессоров сравнительно достаточно». Советует Анучину написать о

¹ Письма Анучину были полностью опубликованы в № 1 «Сиб. огней» за 1941 г., поэтому в настоящей хронологии мы приводим из них лишь небольшие выдержки.

«Красноярской республике» — о вооруженном восстании красноярских рабочих в 1905 году.

1909

В каприйской школе А. М. Горький читает курс лекций по истории новейшей русской литературы XVIII—XIX вв. В одной из лекций А. М. говорит о деятельности русского народа в Сибири.

«Русский народ, как строительная сила, создал три типа государственного бытия... Он, народ этот, без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх. Он же додумался на 53 года ранее Дениса Папина до изобретения паровой водоподъемной машины — изобретенной на Урале в 1637 году. Этим народом сделано много дела, у него есть большая история».

В этих же лекциях Горький несколько раз упоминает о творчестве сибирского писателя народника П. И. Наумова (1838—1901), причисляя его к группе «наиболее демократически настроенных людей того времени».

Июнь, 7. В письме Анучину Алексею Максимовичу делает несколько замечаний о писателях-бытовиках. «Нет творческого претворения наблюдений, синтеза нет, а кроме того, ужасный посконный язык! Теревите, тормозите ваших сибирских бытовиков, пусть не засиживаются в пригответельном классе». И ставит перед сибирскими писателями грандиозную задачу:

«Сибири пора иметь не только новеллистов, но и писателей, работающих в крупных масштабах. У вас — сибиряков — от природы хорошие задатки, здоровая кровь... Если Сибирь в науке дала Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы ей не дать такую же величину в литературе? Я думаю, что наш будущий крупный романист будет из сибиряков».

1910

Горький предлагает книгоиздателю И. Д. Сытину выпустить сибирскую энциклопедию, «ряд книг, кои дали бы под-

робнее — по возможности — описание Сибири в географическом, экономическом и т. д. отношениях».

Дает отзыв о новых книгах Анучина. «Очень рад сказать, что в новых вещах вы являетесь серьезнее и проще».

Декабрь. Письмо Анучину.

«Как вы думаете — на долго ли успокоились японцы и что они предпримут в дальнейшем? Не будут ли обижать вашу прекрасную Сибирь?».

1911

В № 2 «Современного мира» напечатана статья Горького «О писателях-самоучках». В этой статье А. М. указывает, что им за четыре года (1906—1910) прочитано более четырехсот рукописей начинающих писателей, из которых — 114 рабочих, 67 крестьян, 6 дворников, 5 извозчиков, 5 солдат, 4 каторжника. В статье приведена автобиография сибирского писателя — рабочего Ивана Тачалова. Жизнь Тачалова была сплошным «бессмысленным мученичеством». «Что же и о чем может писать человек такой страшной жизни?» — спрашивает Горький и как бы в ответ на это приводит несколько стихотворений Тачалова («Последнее письмо», «К букве», «Орион» и др.). Это были, по оценке Горького, хорошие стихи, «необыкновенный голос, необыкновенные слова в то время».

Декабрь, 15. Тачалов послал большое письмо Горькому, в котором между прочим писал: «Читал вашу статью «О писателях самоучках» и очень гордился, поняв, что вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции, противопоставляя нас, как носителей возрождения духа бодрости и веры в торжество грядущего царства истины; нас — сохраняющих под кошмарной тяжестью страданий зародыш Прометеяева огня... но я, кажется, не удержался на указанной вами позиции: много мрачного есть в моих стихах».

Судя по письму, Алексей Максимович собирался издать стихи Тачалова отдельной книгой. Тачалов писал Горькому: «Я хотел было послать вам все свои стихи и просить вас быть моим издателем, ввиду когда-то выраженной вами готовности — издать мой сборник, но, рассудив, что вы, вероятно, завалены предложениями подоб-

ного рода, я решил обратиться с этим предложением в сибирское товарищество Печатного Дела».

По свидетельству В. Анучина Иван Тачалов получил от Горького семь — восемь писем.

Март, 11. Письмо В. И. Анучину о его книге народных сказаний.

«Ваши сказания нужно было снабдить многими иллюстрациями и вообще превратить в нарядную книгу для юношества. Все-таки какие изумрудины в восточном фольклоре! И как жаль (в тысячный раз!), что наши писатели не хотят учиться у народа».

В этом же письме Алексей Максимович запрашивает сведения о сибирской поэме Ершова «Сузге».

1912

Февраль. В письме поэту из рабочих С. Е. Ганьшину А. М. вновь пишет о стихах И. Тачалова: «Если встретится вам сборник стихов Тачалова, — прочитайте, очень любопытно. Тачалов — тоже самоучка рабочий — сибиряк».

Февраль. Горький обратил внимание на сибирского журналиста Г. Гребенщикова и помог ему перейти на художественную прозу. В февральской книжке «Современника» был напечатан первый в центральной печати рассказ Гребенщикова «В полях».

Май. Письмо В. И. Анучину.

«Вот вам бы, сибирякам, пора издавать толстый журнал, ой, пора! И силы у вас есть, и вопросов, требующих разработки, — непечатый край... Отчего у вас не налаживается журнал? Чудесное бы дело».

Алексей Максимович в это время был знаком по письмам и рукописям почти со всеми сибирскими писателями, знал и некоторых сибирских художников. В 1912 г. особенно расширились связи Горького с Сибирью. В письме Анучину он просит «поклониться» писателям В. Шишкову и Г. Гребенщикову и художникам Щеглову и Прохорову. Щеглов, увлекшийся вместе с Прохоровым и Вороновой разработкой сибирского орнамента в применении к вещам прикладного искусства, написал об этом А. М. Горькому, от которого, по сви-

детельству Анучина, получил теплое письмо с убедительной поддержкой «прекрасного начинания».

Июнь, 2. Алексей Максимович горячо интересовался общественной жизнью Сибири, в частности областническим движением. Еще в 1904 г. он запрашивал Анучина о том, кто является основоположником этого движения, «является ли областничество только культурным движением, или оно имеет и более острый характер?» В письме от 2 июня 1912 г. Горький сообщает Анучину свое мнение и мнение В. И. Ленина о сибирском областничестве. Пишет о том, что нужно поддерживать не культурническое, а революционное областничество.

«Демократическая республика Сибирь — очень хорошо. Республика Сибирь, как единица Федеративной России, — превосходно... По этому вопросу Вл. Ул. (Ленин) будет вам писать детально, а вы к нему прислушайтесь — это человек большого плавания».

В этом же письме Алексей Максимович снова напоминает Анучину о его обязанности написать книгу о революционных красноярских событиях 1905—1906 гг.

Июнь, 21. Предложение Горького об издании в Сибири толстого журнала было горячо встречено сибирскими писателями. Но организация его не могла быть скоро осуществлена. Сибиряки предложили выпустить на первых порах «Сибирский сборник» (предполагалось, что таким сборником должна быть одна из книжек сборников «Знание»). В письме Анучину от 21 июня Алексей Максимович одобрил эту мысль:

«Мысль издать «Сибирский» сборник — добрая мысль и, будучи на вашем месте, я бы тотчас же начал претворять ее в дело, так, чтобы осенью сборник появился в продаже... Переговорив со товарищи, изложите ваши условия, желания и весь план сборника; пришлите все это ко мне».

Горький знакомится со стихами сибирских поэтов. В письме Анучину с глубоким удовлетворением отмечает:

«Много хорошего народа у вас, как чувствуется. Весьма любопытен у вас Тачалов... Кашинец интересен... Вообще-то он «неопределившийся», как сам себя называет и как это свойственно че-

ловеску нашего времени, но мне нравится в нем дух бунтарства. «Зачем молчать» — очень недурно и вполне правильно: молчать незачем. И, еще раз, приятно, что вы, Сибирь, хотите говорить. Кричи, ребята! Русь услышит».

Сибирский поэт Кашинцев (ныне покойный) получил от А. М., по свидетельству Анучина, пять писем, одно из них — о задачах сибирской поэзии.

Июль, 10. Познакомившись по книге Потанина с восточными материалами о происхождении Саги о Соломоне, Горький написал Анучину: «И до чего вы, сибиряки, материалами заряжены густо... Ведь вы можете азиатскую эпопею написать в широчайших масштабах! Пишете ли вы роман? Смотрите, скоро ругаться буду!».

Дает ценные замечания о творчестве Шишкова и Гребенщикова. «Шишков может развернуться в крупного писателя, но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам, и чуточку под Ремизова, словно боится быть оригинальным, самим собою. Кроме того, ему нужно остерегаться: как бы не сбиться на дороге сибирского Лейкина». О Гребенщикове: «его талант отделки и шлифовки требует. Мало у него знаний, учиться ему, ой много надо... Широта у него большая, а глубины нет».

О с е н ь. Временная редакция журнала «Современник». «Мне хотелось бы дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности», — пишет Горький в одном из писем Коцюбинскому. «Современник» с 1913 г. ставит себе целью, — сообщает он Канделаки, — послынную разработку вопросов племенных и областных».

Мобилизуя вокруг журнала литературные силы, А. М. расширяет связи с сибирскими писателями, просит сибиряков присылать для журнала стихи, рассказы, статьи, выявляет новые литературные силы в Сибири.

«Не знаете ли вы сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа «Мельник» в «Сов. мире», — запрашивает он Гребенщикова. «Если вы знакомы с Иосифом Ивановым, — пишет Горький Анучину, — спросите, нет ли у него каких-либо «сибирских» стихов? Если есть, пусть пришлет мне». Получив рассказ молодого сибирского писателя Семенова, Горький сообщил своему соредак-

тору Ляпкому: «Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую».

О к т я б р ь, 2. Письмо Анучину:

«Журнал «Современник» ставит себе главной целью разработку и освещение культурных запросов племен, входящих в состав империи, а также и запросов областей империи нашей. Усердно прошу вас организовать товарищей сибиряков, дабы они выработали статью по теме о культурных запросах, желаниях и чаяниях Сибири... Как идет дело «Сибирского сборника?»

О к т я б р ь, 2. Письмо Г. Гребенщикова: «Я вступил в «Современник» соредактором... и предлагаю вам прислать для этого журнала рассказ. Было бы желательно получить рукопись в начале декабря».

О к т я б р ь, 4. В письме к Анучину А. М. сообщает, что он получил антропологическую работу Анучина («Енисейские остяки») и «Дедовщину в Сибири». «Большое спасибо, но первая для меня слишком учена, да и ревнив я: лучше бы роман написали. Вот дедовщину люблю. Собирать ее надо — прекрасное начинание». «Порадуйте новостями по «Сибирскому сборнику». Я придаю большое значение сибирской литературной мобилизации — и она важна не только сама по себе, но и как толчок для всей Руси».

В этом же письме А. М. сообщает о своем желании побывать в Сибири.

О к т я б р ь, 12. Сбор материала для «Сибирского сборника» затянулся. В связи с этим Горький пишет Анучину: «Мне кажется, что издание сборника должно быть отложено до весны — это даст вам возможность поставить дело наиболее солидно... Материал доставляйте мне».

Выражая уверенность, что «Сибирский сборник» получится хороший и будет достоин похвалы, А. М. пишет:

«Не бывал я в Сибири, но много видел сибиряков — это особый народ, — и несокрушимо верю, что он может сделать большую работу».

О к т я б р ь, 16. Горький просит Анучина дать для «Современника» статью («небольшую, компактную, которая ставила бы вопрос ребром») о росте экономических

противоречий между Азиатской и Европейской Россией.

Н о я б р ь, 4. А. М. снова повторяет (в письме Анучину): «А толстый журнал вам абсолютно необходим — сборником не обойтись... Скоро ли получу материалы для сборника? Послали ли статью для «Современника»? Был рад узнать, что Шишков пишет большую вещь. Давно пора».

Н о я б р ь, 7. Написал письмо Г. Гребенщикову, в котором советует сделать сокращения в повести «Ханство Батырбека», присланной автором для «Современника».

«Сокращения могут весьма улучшить рассказ, в общем — интересный, но — местами — слишком этнографический. Бытовое — очень любопытно, но оно важнее там, где в частном — бытовом вы сумеете подметить и показать мне, читателю — мировое, общечеловечье. Мы с вами о чем заботимся, над чем бьемся? Не хотим ли мы убедить мир — «ты еси един», все твои скорби, муки, надежды, желанья — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно? Вот вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как ваца, моя, жизнь культурного француза и т. д.»

Н о я б р ь, 8. Предложил Анучину возобновить переговоры с издателем И. Д. Сытиным об издании «Энциклопедии Сибири». Предложения Сытину об издании этой энциклопедии Горький делал еще в 1910 г. «Мысль эта очень понравилась Сытину и, будь я в России, — теперь она, наверно, осуществилась бы постепенно, силами Томского университета и сибирской интеллигенции. Но, так как Сытин весьма разбрасывается — он затеял «Три века» — тоже моя идея — «Военную энциклопедию» и еще целый ряд громоздких изданий — сибирская — очевидно, отодвинулась».

1913

В первом номере «Современника» напечатана повесть Гребенщикова «Ханство Батырбека», отредактированная Горьким.

Ф е в р а л ь. Познакомился с произведениями ряда новых сибирских писателей. В письме Гребенщикову сообщает: «Рас-

сказ Семенова кажется пойдет в одной из летних книжек «Современника». О Порфирове напишу в другой раз, — не имею времени прочитать стихи его внимательно. Вообще областники (писатели, работающие в областях. — С. К.) нам очень нужны, но необходимо, чтобы их работа имела, по возможности, характер слитный, целостный... Вы понимаете, как убедительно звучит хорошо налаженный хор».

Горький направляет мысль сибирских писателей, перо их на революционный путь. В письме Гребенщикову он пишет: «Мы живем во дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной, организационной работы... Я — не националист, не «патриот» и без кавычек не патриот. Но вот что: жили люди тысячу лет, создали огромное, нескладное государство, а — дальше?... Должны же мы, наконец, устроить плохие домашние дела наши, чтобы свободно и сильно выйти на улицу, на праздник общечеловечьей веселой работы по устроению на земле жизни светлой, радостной, свободной».

Сибирские писатели, зная желание Горького побывать в Сибири, изыскивали способы обрядить его, чтобы он сошел за какого-либо «ходока» или старовера — искателя «Беловодья». Предложили маршруты — Алтай. Но А. М. был очень загружен работой и на приглашение ответил: «На Алтай я, должно быть, не попаду. Куда мне ездить? Я человек сидячий, полежать некогда».

Ф е в р а л ь, 19. Горькому на остров Капри были отправлены рукописи для «Сибирского сборника». От А. М. пришло в Сибирь восторженное письмо: «Ура! Получил первые материалы для сборника и немедленно прочитал. Сразу два новых автора! Дав высокую оценку рассказам Гл. Байкалова (псевдоним Ф. Гладкова) и алтайским этюдам Бахметьева, предсказав авторам большое литературное будущее, Горький заключает: «И так, первый том сборника сформирован. Участвуют: Анучин, Байкалов, Бахметьев, Гребенщиков, Драверт, Новоселов, Тачалов и Шишков... Да, ведь это целая золотая россыпь! Сборник будет хорош... Молодцы, Сибирь!»

М а р т, 7. В письме Анучину пишет: «Хотелось бы поговорить о делах литературных, да вот волнуют другие вопросы».

И А. М. посвящает свое письмо проблемам Тихого океана и Приморской области Сибири.

М а й, 19. Одобряет замысел Анучина «написать роман, взяв фоном социально-мессианские ожидания Азии». Снова возвращается к вопросу о бытовизме, дает чрезвычайно важные указания сибирским писателям:

«Быт нужно в фундамент укладывать, а не на фасад налеплять. Местный колорит — не в употреблении словечек: тайга, займка, шаньга — он должен из нутра выпирать. Шире, братики, берите, — глубже заглядывайте, ведь Сибирь страна с большими горизонтами».

В одиннадцатой книжке «Современника» Горький напечатал рассказ Гребенщикова из быта сибирской деревни «Волчья жизнь».

1914

А п р е л ь. Представитель сибирской группы писателей едет к Горькому в Петербург для решения практических вопросов по изданию «Сибирского сборника». Все рукописи Горьким были прочтены. Но их было недостаточно. «Если материала листов на пятнадцать хватит — издать можно вполне», — заверил Горький.

Хорошо отозвался об очерке Новоселова «Лицо моей родины». «Хорошо. Лучше не придумашь. А многие ли знают лицо своей родины? Я встречал таких русских интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраин и малых народностей мы совсем невежественны».

С большим интересом говорил о Сибири: «Вообще я склонен думать, что Сибирь еще себя покажет... Народ туда все шел живой, беспокойный: политические ссыльные, беглые крепостные и просто смелые вольнолюбивые люди... Да и крепостного права там не было. Хороший дух должен быть у Сибири. Крепкий, ядреный, смолстый, этакый, вот как у молодой сосны».

В беседе А. М. вспоминал, что он не раз собирался в Сибирь «да все как-то не удавалось».

М а й, 17. Собирался написать к «Сибирскому сборнику» «маленькое предисло-

вие, выясняющее внутренний социально-психологический смысл сборника». Просил прислать для сборника статью о культурных задачах и потребностях Сибири. «Только с точки зрения этой статьи я мог бы более или менее верно оценить материал сборника, — его пригодность, его соответствие общему тону и смыслу статьи».

Дело с изданием сборника неожиданно расстроилось. Группа сибирских писателей отказалась от его издания, очевидно вследствие возникших среди нее разногласий. В письме Анучину Горький писал: «Конечно, будет так, как вы решите, но, на мой взгляд, вы напрасно отказываетесь осуществить эту добрую затею. Напрасно!»

Алексей Максимович возвращает сибирякам их рукописи, с многочисленными пометками, вопросами, замечаниями. «Это были первые серьезные указания, которые мы, начинающие тогда литераторы, получили от авторитетного лица, от внимательнейшего и строгого редактора», — пишет в своих воспоминаниях Арт. Ершов, представлявший для сборника свой рассказ «В земле обетованной».

И ю н ь, 14. Упрекает Анучина, что он свой рассказ «Страшный доктор» «в газетном подвале похоронил». «Хороший журнальный рассказ — почему вы нам его не послали». Советует Анучину издать свои «психологические» рассказы отдельной книгой, интересуется работой Анучина над «всезападским романом».

З и м а. Сибирские писатели В. Шишков и Г. Гребенщиков посетили Горького. Первым вопросом А. М. было: «Ну, как в Сибири?» Сожалел, что Сибирь знает понаслышке. «А хорошая страна. И народ в ней настоящий, верный народ. Я многих сибиряков перевидал на своем веку». Говоря о сибирских сепаратистах заявил, что их взгляды неверны. «Сибирь самостоятельно существовать не может, да и ни к чему это».

Д е к а б р ь. Под редакцией и с предисловием Горького выходит первый «Сборник пролетарских писателей». В сборнике напечатан один из первых рассказов сибирского писателя Н. Анова «Смерть Агаша».

1915

Сентябрь, 22. Алексей Максимович пишет письмо в енисейскую ссылку В. А. Карчевскому, познакомившемуся с Горьким в 1909 г., когда ему «несколько раз приходилось обращаться к А. М. за помощью, литературной и материальной, для партийных целей». Горький информирует ссылных о внутреннем положении в стране. «Хочется мне написать вам, временно устраненным от жизни, что-нибудь бодрящее, хорошее, рассказать о чем-то, отчего вам, хотя день, жилось бы лучше. А нет хорошего-то; то-есть, оно, конечно, есть, да уж очень мало его, и немощно оно в силе своей...»

Горький послал еще несколько писем Карчевскому и другим ссылным, в частности Валентину Яковлеву, будущему председателю Центросибири, расстрелянному чехословаками в 1918 г. Часть писем не была вручена адресатам.

Октябрь, 31. Вяч. Шишков читает А. М. свой новый рассказ из быта таежной сибирской деревни.

Декабрь. Вышел № 1 журнала «Летопись», редактируемого Горьким. А. М. привлекает сибирских писателей к сотрудничеству в журнале.

1916

Февраль. Одному из сибирских писателей Алексей Максимович сообщает, что в «Летописи» сибиряки заняли солидное место: приняты произведения Шишкова, Новоселова, Гребенщикова. Просит, чтобы и другие сибирские писатели присылали свои произведения — «для хороших вещей место найдется».

В № 1 «Летописи» напечатан рассказ Гребенщикова из жизни русских и алтайцев «Любава».

Апрель, 3. Большое письмо Вяч. Шишкову о его повести:

«Тайга» очень понравилась мне и я поздравляю вас, — это крупная вещь. Несомненно она будет иметь успех, поставит вас на ноги, внушит и вам убеждение в необходимости работать, верить в свои силы. Не скрою, — над ней следует еще поработать. Местами вы увлекаетесь словами, а многословие делает рассказ жидким.

Местами ваша лирика — излишняя, тем более излишняя, что вы прекрасно чувствуете лирику фактов, которая всегда несравненно красивее, а потому и цепнее лирики слова».

Далее А. М. делает ряд замечаний по поводу фабулы повести, советует автору изменить некоторые сцены.

Июль — декабрь. После исправлений, сделанных автором, и отредактирования повести Горьким, она была напечатана в пяти номерах «Летописи» (VII, VIII, IX, X, XI).

В одиннадцатой книжке «Летописи» напечатан рассказ сибирского писателя Новоселова из быта русского населения на Алтае «Жабья жизнь».

В двенадцатой книжке «Летописи» дана рецензия на книгу Гребенщикова «В просторах Сибири».

Сентябрь. Всеволод Иванов, наборщик курганской типографии, послал Горькому свой первый рассказ. 17 сентября он получил от А. М. ответ. «Горький писал мне, — вспоминает Иванов, — в осторожных и нежных выражениях».

«На Иртыше» — славная вещьца, она будет напечатана во 2-м сборнике произведений писателей пролетариата, — писал Горький. — Сборник выйдет в декабре. Вам необходимо серьезно взяться за свое самобразование, необходимо учиться. Мне кажется — литературное дарование у вас есть, его нужно развивать. Всякая способность развивается работой, вы это знаете. Пишите больше и присылайте рукописи мне, я буду читать их, критиковать и, если окажется возможным, — печатать. Но — вы обязательно должны заняться чтением, работой над языком и вообще — собою».

«После этого письма я написал сразу несколько рассказов и отправил их Алексею Максимовичу», — сообщает в своих воспоминаниях Вс. Иванов. Горький ответил:

«Два ваших рассказа будут напечатаны в «Сборнике произведений писателей пролетариата» и уже сданы в типографию. «На буксире» не годится. Вот что, сударь мой. Вы, несомненно, человек талантливый, ваша способность к литературе — вне спора. Но, если вы желаете не потерять себя, не растратиться по мелочам, без пользы, — вы должны серьезно заняться само-

образованием... Язык у вас яркий, но слов — мало и вы часто употребляете слова не литературные, местные. Они хороши в диалогах, но не годятся в описаниях. Мыслей, образов у вас тоже нехватает. Все это — «дело паживное». Займитесь собой, советую вам! Читайте, изучайте приемы писателей-стилистов Чехова, Тургенева, Лоскова... И вот еще что: в ваших рассказах много удалства, — но — это дешевое удалство, пустое. И телята удалы — понимаете? А вы ищите за всем скотским — человеческое, бодрое. Не все люди — «стерва», — далеко не все, хотя они и одичали за последнее время... Не пишете много. Поменьше, да получше».

1917

Отредактировал и напечатал в «Летописи» (VII—VIII, IX—X) повесть сибирского писателя А. Новоселова «Беловодье».

Сентябрь. Под редакцией Горького вышел второй «Сборник пролетарских писателей». Напечатаны рассказы Вс. Иванова: «Дед Антон», «По Иртышу».

Декабрь. В «Летописи» напечатан рассказ Вяч. Шишкова «Лесной житель».

1920

Зима. В Петербург приехал Вс. Иванов с удостоверением, в котором было написано: «командируется в распоряжение Горького». А. М. помог Иванову получить ордер на продовольствие и каждое утро спрашивал по телефону, как идет работа над новыми произведениями. Иванов написал рассказ «Партизаны», передал Горькому. «Меня разбудили вечером, поздно, — пишет Иванов в «Сентиментальной трилогии». — Ласковый голос сказал мне в телефон: «Отличный рассказ. Я вам сейчас колбасы посылаю и хлеба. Письмо тоже». В письме Горький писал: «Как это у вас хлеба нет, друг мой? Вы должны аккуратно получать в «Доме ученых». Там же вам надо починить сапоги. Как это сделать все? И где вы?»

1921

В первом номере «Красной Нови», вышедшем под редакцией Горького, напечатан рассказ Вс. Иванова «Партизаны».

1925

Декабрь. Редакция Новосибирского литературно-художественного иллюстрированного ежемесячника «Сибирь» обратилась к Горькому с просьбой прислать что-нибудь для напечатания в журнале. В декабре редакция получила от А. М. рукопись и письмо, где он писал:

«Посылаю вам для журнала небольшой очерк «Убийцы», кроме этого, ничего не нашел. Я теперь пишу большую книгу, рассказы перестал писать. Очень прошу вас прислать мне журнал. И нет ли каких-либо местных изданий, которые познакомили бы меня с литературой сибирской молодежи: альманахов, сборников, стихов?.. Журналу желаю успеха, сотрудникам его кланяюсь».

Декабрь. Письмо из Сорренто Вяч. Шишкову. «За эти годы я читал в разных журналах ваши очерки российской жизни и всегда, с благодарностью вам, думал: как это бодро, надежно и как потому — хорошо, нужно». В этом же письме Горький делает следующее замечание о современной литературе:

«Следя весьма внимательно за текущей литературой на Руси, искренно восхищаюсь обилием даровитой молодежи, я крепко радуюсь, что у нас растут и вырастут в этой области большие таланты. Однако ж не скрою, что меня смущает и однообразие тем и общий серовато унылый тон рассказов».

1926

Февраль, 15. В № 2 журнала «Сибирь» напечатан очерк Горького «Убийцы», в августе очерк перепечатала «Молодая гвардия», позднее он вошел в собрание сочинений.

Исследователь Уссурийского края В. К. Арсеньев в 1926 г. переработал свои книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» и выпустил под одним титулом: «В дебрях Уссурийского края». А. М., познакомившись с книгой Арсеньева, написал ему следующее письмо:

«Книгу вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверь-

те, не плохая похвала. Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренно поздравляю вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я вас прошу сказать «Книжному делу», чтоб мне выслали еще два экземпляра. Это — для знакомых, которые брали у меня первое издание и также влюбились в книгу, как я.

У вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну. Посылаю вам свою книгу. Будьте здоровы».

1927

Февраль. Фольклорист Н. М. Хандзинский записал в Восточной Сибири в с. Кимильтей от Василия Федоровича Баландина легенду о пребывании Горького в Туркестане (по этой легенде Горький попал на юг не прямым, а окружным путем через Туркестан: шел через Бухару, был в Чарджие и Ашхабаде; оттуда попал в Баку через Кызыл-Арват, Узун-Ада и Каспийское море). Запись легенды была послана Горькому. В феврале 1927 г. А. М. прислал следующий ответ:

«Уважаемый Николай Михайлович! в 1890 г. я жил в Н. Новгороде, а в Чарджие и Ашхабаде никогда не бывал. Василия Баландина — не встречал тоже никогда; если бы встречался — не забыл бы, память на людей у меня крепкая.

Рассказы Баландина о многообразии моих «специальностей» позволяют мне думать, что Баландин встречал некоего Барина, крестьянина Сергачевского уезда, Нижегородской губ., оный Барин удивительный лентяй и столь же удивительный фантазер, посеял не мало легенд обо мне, его приятеле, о колдовских моих знаниях и сказочной физической силе. Был он бродяга по натуре, был со мною на Каспии, где мы с ним расстались; знаю, что он был в Персии; конечно, мог быть и в Чарджие и в Ашхабаде. О Баринове я писал в книге «Мои университеты», в рассказе «Весельчак». Интересно бы спросить Баландина: знал ли он Барина. У меня даже является подозрение — не одно ли это лицо, в двух «ипостасях». У Барина могли быть причины переменить

фамилию. Сейчас ему должно быть лет 70—73.

Спасибо вам за сообщение. А. Пешков.
26. II. 27.»

Апрель. Учительница одной из сельских школ М. И. Осипова-Борисова написала А. М. о своем взволнованном чувстве, вызванном его произведениями: «Книги Горького обеспечили мой политический рост, сделали активным участником строительства нашей новой жизни. А. М. Горький как бы отдал мне частицу своей могучей веры в человека — творца жизни, и указал, какой класс является этим творцом. Я полюбила писателя со всей страстью молодой учительницы, жадно впитывала в себя его «мудрость жизни», восхищалась его изумительной силой духа и училась через него жить и работать. Это он научил меня уважать в моих учениках человека, чутко и бережно относиться к запросам каждого и растить в них «сильных и смелых духом» сынов нашей родины».

Горький ответил:

«Сердечно благодарю вас за ваше милое, очень тронувшее меня письмо. Это большое счастье, вот такое единение с читателем, какое выражено вами. Посылаю вам «Дело Артамоновых», желаю доброго здоровья, бодрости духа».

Апрель, 13. Письмо селькору Н. Н. Нарвекову: «Вы напрасно — шуточно или уничижительно? — называете себя «селькорешкой», селькору и рабкору чрезвычайно важное явление в нашей жизни». Стихи Нарвекова, которые он послал Горькому, были слабы. Отметив это, А. М. посоветовал: «Если вы любите литературный труд, любите писать — не бросайте это! Труд литератора — горький труд, но он необходим. И он особенно важен теперь, когда за него взялись сотни таких людей, как вы».

Сентябрь, 9. Молодой новосибирский врач К. Т. Орлов увлекся философией Смайльса. «Чтобы положить конец душевному разнобою в отношении писателя, так пленившего меня своей философией, — пишет Орлов в своих воспоминаниях, — я изложил, как умел, все мои тревожные мысли Максиму Горькому. Не зная адреса, я на конверте написал по латыни: «Италия, Сорренто, Горькому».

Письмо дошло. А. М. ответил Орлову:

«Смайльс — типичный английский мещанин, очень лицемерен, как и надлежит быть мещанину, — и очень бездарный. Основная идея его книги такова: «Если тебе плохо живется, ты в этом сам виноват». Как видите, вы избрали себе неудачного учителя...»

«Письмо А. М., — пишет Орлов, — сразу привело меня в «чувство» от смайльсовской болтовни».

1928

Н а ч а л о г о д а. Редакция «Сибирских огней» послала Горькому последние номера журнала. А. М. вскоре ответил: «Сердечно благодарю вас, — получил журнал; прочитать еще не успел, а прочитав — пришло вам «рецензию», если вы желаете этого. С 1922 г. журнал у меня есть, так что я могу, вероятно, составить себе более или менее точное представление о всей работе «Сиб. огней». Из «Искры» разгорелись, — как вы знаете, — довольно яркие костры во всем нашем мире, — это дает мне право думать, что отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири».

В этом же письме есть замечательное высказывание Горького о его работе с начинающими писателями.

«Тут, видите ли, дело в том, что я никогда не забываю о себе — малограмотном парнишке 12—16 лет и неуклюжем парне 17—22-х. Сейчас мне — 60 и в нашем мире я что-то значу, чем-то ценен, кому-то нужен. Будучи несколько знаком с историей культуры, я не могу рассматривать мой случай, как случай частный, а рассматриваю как одно из многих выявлений воли человека. Знали бы вы, сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки. Вот отсюда и происходит мое отношение к «литературным младенцам», дважды родственным для меня — как люди с направлением к лучшему и как люди, желающие пойти путем, который мною уже пройден и снабдил меня известной долей опыта, которого у них нет... Частенько я делаю ошибки, но — ведь ничего нет легче, как ошибиться в оценке человека, весьма сложного, самого сложного существа. Однако нередко удавалось мне и правильно отгадывать истинную цену мла-

денца. Это меня радостно удовлетворяет, а ошибок я — не боюсь, да прежде всего я сам и плачу за них».

Письмо свое редакции «Сибирских огней» он кончает словами о том, что написал он все это со скрытой целью повлиять и на отношение «Сибирских огней» к «литературным младенцам».

Я н в а р ь, 10. Для журнала «Сибирские огни» Горький прислал рецензию на книгу стихов Михаила Исаковского «Провода в соломе». Палечатана в № 1.

Я н в а р ь, 29. Эмигранты Бальмонт и Бунин призывали Ромэн Роллана высказать свое порицание Советской власти за то, что в Советском Союзе якобы запрещены классики и что в России нет больше литературы. Ромэн Роллан обратился к Горькому. Алексей Максимович в открытом письме Р. Роллану разоблачил клеветническую страйню Буниных и Бальмонтов.

«Вам цищут, что в России нет больше литературы. Что за странное утверждение! — восклицает Горький. — Я изумлен обилием молодых литераторов... В данный момент в России имеются сотни писателей: их количество быстро увеличивается, и я могу объяснить себе это лишь даровитостью моего народа. Русский народ начинает, наконец, сознавать свое «я», свою ценность и право на свободу творческих сил во всех областях жизни».

Назвав не один десяток имен талантливых писателей, достойных «не только упоминания, но и похвалы», Горький писал: «Весьма возможно, даже несомненно, что я забыл вам назвать еще целый ряд талантливых писателей. Я не имел времени перечитать все, и боюсь вас утомить перечислением всех писателей, трудничающих в журнале «Сибирские огни». Между ними есть люди очень способные».

Ф е в р а л ь, 9. В одном из писем в Сибирь Алексей Максимович писал: «Сибирские огни» попадают мне редко, отдельными номерами. Хороший журнал. Кто это Чертова? Почему сибиряки не издаются ГИЗ'ом? Если вы напишете мне о положении сибирских литераторов — буду очень благодарен».

М а р т, 17. Горький прислал в журнал «Сибирские огни» статью «О себе», являющуюся ответом на статью А. Аниси-

мова (псевдоним) «Вопросы художественного творчества», помещенную в № 1 «С. О.» за 1928 г. Статья Горького направлена против идеализма и против «некоторых толкователей» материализма, против упрощенства, механистов и т. п. упрощителей учения марксизма-ленинизма. Горький отвергает приписанный ему Анисимовым взгляд «на природу, на космос», как на хаос.

Статья «О себе» напечатана в № 2 «Сибирских огней» за 1928 г.

Апрель, 20. В «Правде» напечатано приветствие Горького «Первому съезду литераторов Сибири».

«Сердечно приветствую первый съезд литераторов Сибири, единокровных со мною, и людей других племен суровой, великой страны! — писал Алексей Максимович. — Сожалею, что я не среди вас, товарищи; сожалею, что я не могу видеть ваши глаза, пожать ваши крепкие руки, слышать ваши голоса... Для меня культурное значение этого съезда художников слова племен, населяющих Сибирь, не только в том, что люди, прожившие века тяжелой жизни под беспощадным гнетом старой русской власти, наконец, свободны. Не только в том, что, вот, монголы и тюрки входят в мир трудового русского народа как равные к равным, как люди, направляющие лучшие силы свои к той же великой цели, которую поставила перед собой рабоче-крестьянская власть внутри России, — не только в этом глубокое значение первого съезда литераторов Сибири. Этот съезд — верный и твердый шаг по пути, который история властно указывает трудовым массам всего мира, по пути к действительному братству, к воплощению в жизнь той мечты, которую люди холодного сердца считают безумной...»

Сентябрь. Написал предисловие к книге Ивана Тачалова «Мрачная повесть», в котором упомянул, что «лет двадцать тому назад» в статье «О писателях-самочках» он назвал Ивана Тачалова «человеком страшной жизни». «Тогда страшна была не только личная жизнь Тачалова, — жизнь вообще была страшна своим обнаженным и жестоким цинизмом». Приводя далее выдержки из стихотворений Тачалова, написанных в годы реакции, Горький отмечает:

«Необычный голос, необыкновенные слова в то время. Эти и многие другие стихи Тачалова внушили мне надежду, что из него выработается бодрый, смелый поэт-революционер. Но, в этом случае, жизнь не оправдала моей надежды. Случилось так, что вихрь «страшной жизни» закружил человека. Тачалов не нашел в себе силы развить свое дарование до той высоты, которой оно достигло бы при других менее тяжелых условиях. А все-таки предлагаемая читателю книга Тачалова интересна и значительна. Интересна она потому, что, несмотря на жизнь, исковерканную нуждой и личными драмами, Иван Тачалов сумел написать такие вещи, как «Мрачная повесть», «Великое имя» и «Надмирные сказки». Согласимся, что художественное значение этих вещей невелико, что литературно они не совершенны, и т. д. Но не станем отрицать и искренности автора и — нередко — силы его слова».

1929

Май, 31. Вторичный приезд в СССР. Создание в течение двух — трех лет новых по типу изданий: «Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», «Литературная учеба», «Колхозник», «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «История фабрик и заводов» и др. Все эти издания имели своей непосредственной целью «активное вторжение литературы в жизнь эпохи», служение ее интересам революции.

Первым по времени возникновением является журнал «Наши достижения». Алексей Максимович привлекает к сотрудничеству в журнале сибирских писателей, печатает очерки Л. Мартынова о Новосибирске, М. Никитина о совхозе, А. Коштелова и Н. Добычина об Ойротии и др.

Июль, 12. Приехал к Горькому сибирский писатель А. Коштелов. А. М. расспрашивал его о Сибири, о литературных делах, о работе писателей. «Из вопросов я увидел, — пишет Коштелов в своих воспоминаниях, — что Горький не плохо осведомлен даже о последних литературных делах в Сибири».

А этими «последними делами» была «деятельность» в Новосибирске троцкистской литературной группы «Настоящее», начавшей поход против художественной литературы под лозунгом — «искусство — опиум для народа».

— Я пишу статью о культуре и в ней укажу на этих вредителей, — сказал А. М.

Июль, 25. В «Известиях» напечатана статья Горького «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры». В этой статье А. М. писал:

«У нас в области оценок воспитательного значения художественной литературы не все благополучно. Особенно заметно это в провинции. Вот пример: редактор «Советской Сибири», красной газеты, Курс, — бывший анархист, как мне сказали, — организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявив, что «художественная литература реакционна по своей природе»... С моей точки зрения, — не цеховой, а с точки зрения человека, который лет 50 наблюдал и до сего времени наблюдает революционно-воспитательное значение литературы, — Панкрушин не только малограмотный парень, а человек, которого я считаю вправе назвать бессознательным «вредителем» в области культурной работы. Далее: при газете организована литературная страница. Но некий тов. Гиндин заявляет литкружку: «Партия и советская власть не для того дали бумагу, чтобы печатать на ней стихи и рассказы». Литературная страница ликвидируется.

Рабочий класс не может и не должен признавать таких мудрецов, весьма похожих на вредителей культурной работы, мастерами культуры».

Троцкистские вредители из группы «Настоящее», припадавшие к Горькому до этой уничтожающей статьи с предательским иудиным поцелуем, подняли против него неистовый, клеветнический шум и визг, который был решительно пресечен специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 года.

Троцкистская контрреволюционная литературная группа в Сибири была разоблачена партией при помощи Горького и разгромлена.

Октябрь, 15. Писатель М. Никитин обратился к А. М. с просьбой помочь издать однотомник избранных рассказов сибирского писателя Антона Сорокина, умершего в 1928 г. Горький ответил: «Вам, сибирякам, следовало бы собрать все, что написано об Антоне Сорокине, и собрание

очерков этих — издать. После того, как будет издана такая книга, можно приняться и за издание работ самого Сорокина? Что вы скажете по этому поводу?»

Для иркутского журнала «Сибирская живая старина» прислал воспоминания о Викторине Арефьеве, «человеке крепким, решительно идущем к своей цели, влюбленным в песни, навсегда преданным народу своему и готовым на всякий бой, на любую работу ради лучшего будущего». (Будучи в сибирской ссылке, Арефьев написал несколько исследовательских статей: «Енисейские инородцы», «О народных песнях в Сибири», «В низовьях Ангары»). Воспоминания Горького об Арефьеве напечатаны в VIII—IX книжке «Сибирской живой старины» за 1929 год.

Шефствует над коммунной имени Горького в Славгородском округе. «Но связь у меня с ней плохая. Письма не доходят, что ли?»

1930

Письмо М. Никитину из Сорренто: «Написал в Москву, чтоб вам выслали деньги для поездки на Алтай. Может быть дадите очерк о мараловодстве? О колхозах тоже надо. О хорошей школе крестьянской молодежи. О пионерах — в их практической общественной работе. Есть это в Сибири? В декабре посланы из Москвы деньги — подписная плата «Сибирским огням». Журнала не получаю».

Июль, 19. В июне 1930 г. начинающая сибирская писательница Н. Емельянова послала А. М. первый свой рассказ «Дружная жизнь» и через месяц получила от него из Сорренто письмо. На вопрос Емельяновой — есть ли у ней способности к литературной работе — Горький ответил: «Судя по очерку «Дружная жизнь» — способности есть и даже, кажется, хорошие. А судя по тону письма, думается, что человек вы серьезный, скромный, но вам необходимо кое-чему поучиться». Указав на ряд неточных выражений в рассказе, советует «заняться теорией прозы и обогащением лексикона, т. е. накоплением слов. «Дружную жизнь» я напечатаю в «Наших достижениях»... по печатному тексту увидите, какие исправления внесены в очерк ваш. Пришлите мне и очерк «Заманщина». Очень со-

ветую работать ежедневно понемногу, хотя бы напишете 5—10 строк и то хорошо».

О с е н ь. Получив от Емельяновой очерк «Заманщина» и рассказ «Хлеб», в письме автору дает критический разбор этих произведений, указывает, что «Хлеб» — набросок, сделанный небрежно», а «Заманщина» «перегружена словами». «Писать вы можете хорошо, — пишет в заключение Горький, — значит — и должны хорошо писать. У вас не плохой, довольно богатый лексикон, есть свои слова, есть попытки создать из них свою фразу. Вы ее создадите, экономя количество слов, употребляемых вами на изображение предметов, людей, пейзажа. Пишите гуще. Красота, это — простота, четкость, ясность... Работайте усердно и — смело».

С е н т я б р ь, 12. В «Сибирских огнях» (№№ 2, 3, 4) напечатана повесть Чертовой «Горькая пена». А. М., интересовавшийся литературной работой Чертовой еще в 1928 г., написал ей письмо, в котором отметил, что «Горькая пена» — вещь хорошая, потому что полезная, но она была бы значительно лучше и действовала на читателя сильнее, если бы вы не думали, что преобладание диалога над описанием — изображением — может придать рассказу живость, яркость... Изображения у вас маловато... Над языком вам следует работать. Однако — в этой вашей работе язык и фраза проще, яснее, чем в прежней».

А. М. советует Чертовой: «ведите нечто вроде дневника, записывайте каждый день хоть несколько строк, записывайте слова, формы послов, ушей, о луне пишете и о собаке, — обо всем, что хоть на полсантиметра выходит из границ обычного и, так или иначе, задевает вас».

Д е к а б р ь. В журнале «Наши достижения» Горький выступил со статьей «О литературе». Отметив, что старая дореволюционная литература «была по преимуществу литературой Московской области», и что «Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы», А. М. писал: «Молодая наша литература при сравнительной слабости ее изобразительных средств отличается широтой охвата действительности... Молодежь наша дала множество книг, которые освещают жизнь даже самых тем-

ных и отдаленных от центров культуры «медвежьих углов». Мы имеем отличные книги, мастерски рисующие жизнь и быт даже тех племен, которые жили безвестно, немо и только что разбужены властной рукой революции от «сна веков»... Я с радостью отмечаю в молодых литераторах умение проникнуть глубоко в быт и психику тех людей, которых «государственный гений» Романовых вычеркнул из жизни».

Горький с радостью констатировал, что советская литература создается во многих центрах Советской страны.

«Если б я писал отчет о значительных книгах, созданных «духом» революции за десятилетие — 20-й и 30-й года, — мне пришлось бы растянуть эту статью до Эрвани до Архангельска, от Минска до Владивостока через Киев, Харьков, Новосибирск, заглянув в Ташкент, и в Ростов, и во все другие пункты, где более или менее энергично создается новая, советская литература».

Указывая на недостатки литературной критики, отмечал, что критикой не прочитаны десятки книг или прочитаны невнимательно и торопливо, Горький, в частности, требовал:

«Не игнорировать областной литературы и прессы, например журнал «Сибирские огни» вполне заслуживает серьезного внимания критики, отличный журнал».

Д е к а б р ь, 20. В Иркутске создается новый краевой литературно-художественный журнал. Узнав об этом, Горький пишет «Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь».

«С большой радостью узнал, что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это — совершенно необходимое и своевременное дело, тем более своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс».

Перечислив грандиозные задачи индустриализации Западной и Восточной Сибири, указав, что «в нашей действительности нет мелких дел» и что «мы должны смотреть на всю нашу будничную работу с высоты основной задачи, а эта задача, — создание образцового социалистического общества» — Горький заключает:

«Именно с высоты этой задачи я смотрю»

на дело издания журнала «Будущая Сибирь» и для меня это великое культурно-революционное дело».

А. М. одобрил намерение редакции печатать краеведческие и этнографические материалы. «Это необходимо в стране, где рассеяно около 30 племен, люди которых до Октябрьской революции не считали за людей... Нужно, чтобы они почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немом, и что этот новый мир требует их участия в строительстве».

1931

Январь. Перед выходом первого номера журнала «Будущая Сибирь» редакция обратилась к Горькому с просьбой принять участие в новом сибирском журнале. А. М. живо откликнулся:

«Нечего говорить о том, что я искренне сочувствую делу издания журнала и готов в меру сил моих «поддержать его». В сущности все мы делаем одно и то же дело, работаем на одного читателя, и моя мечта внушить это редакциям журналов, придать всей работе более широкий, гармонический вид и лад. Не подумаете ли над этим?»

«...Вот, например, в 4 и 7 номерах «Наших достижений» напечатаны мои «Рассказы о героях». Я слышал, что они нравятся массовому читателю, — не хотите ли перепечатать их?»

Январь, 23. Группа золоторазведчиков, работающих в Алданской тайге, написала 27 декабря 1930 г. письмо Горькому, бодрое, яркое, полное любви к великому писателю.

23 января Горький послал золоторазведчикам теплый, сердечный ответ:

«Сердечный привет вам, товарищи таежники! Прочитал ваше письмо и стало на душе и весело и грустно. Весело, — потому что нередко такие дружеские письма, как ваше, пишут мне рабочие люди, строители нового мира, — пишут со всей земли и даже из-под земли Союза Советов, — из шахт Донбасса, — ну, а если многие пишут, — стало быть я рабочим людям нужен, чем-то полезен для них, и это, конечно, радует, силу для работы дает.

Грустно, потому что не успеваешь всем ответить, нехватает времени, и потому еще, что, вот, получил ваше письмо и

очень захотелось прыгнуть к вам, в тайгу, шурфы с вами бить, костры разводить, товарищески побеседовать, — работать я люблю, костры разводить — тоже люблю. А уж не прыгнешь! 63 года, и хотя работоспособность не падает заметно, ну, а все-таки преодолевают кое-какие стариковские немощи...»

Горький писал разведчикам об успехах строительства социализма в СССР, о росте социалистического соревнования, о развитии колхозов. «Вы, шестеро, заброшенные в глухую тайгу Сибири, должны знать об этом колоссальном, непрерывном труде рабочих и крестьян, которые поставили перед собой прекрасную цель: сделать всех людей экономически равными, здоровыми, грамотными — культурными людьми... Каждый грамм золота, которое вы, товарищи, добудете в тайге нелегким трудом, пойдет на облегчение жизни рабочих и крестьян — единственных хозяев страны, на строительство таких ловцов стихийной энергии природы, как Днепрострой, Ангарстрой и т. д.»

Написал предисловие к книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу». Отметив, что некоторые критики несправедливо охаяли эту книгу, Горький писал о ней:

«Это одна из тех неоспоримо полезных книг, которые рассказывают нам, как огромна страна Союза Советов, как она мало исследована, как много надо эти неисследованные места изучать. Это объясняется не только ее обширностью, но и тем, что наша буржуазия была «ленива и не любопытна»... Политическая ссылка внесла в дело познания Сибири довольно много ценного, но все же укажу на такой факт: до Октябрьской революции в Колымском крае жили десятки ссыльных интеллигентов, но ни один из них не написал книги Вагнера, которая в легко усвояемой форме дает обширное и четкое представление об огромном крае, где со временем должны возникнуть фабрики и социалистические города.

И вообще, кстати будет отметить, что в сибирской ссылке, на протяжении почти целого века, жили тысячи очень грамотных людей, — но Сибирь мы не знаем и солидных трудов о ней почти нет».

Вышла талантливая книга Ивана Шухова о сибирском казачестве. А. М. пер-

вый ее заметил, первый поздравил молодого автора с успехом: «Вы написали очень хорошую книгу, это — несомненно. Читая «Горькую линию» получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно».

1932

Июль. Один из членов редколлегии «Сибирских огней» был у Горького в Москве, информировал его о том, что журнал переживает некоторый упадок: часть писателей, в результате махаевского к ним отношения, уехала из Сибири, бюрократами из Союзпечати сорвана подписка на журнал. А. М. обещал помочь «Сибирским огням», которые должны, по его мысли, играть значительную роль в создании культурных центров в Сибири. «Мы строим не один, а много центров культуры, парижские образцы нам не к лицу».

1933

После исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о ликвидации РАПП, в Сибири укрепляется литературная организация, вновь повышается роль «Сибирских огней» в литературной жизни края. Редакция получает от А. М. ободряющее письмо:

«Очень рад узнать, что «Сибирские огни» снова разгораются, искренне желаю им разгореться ярко, уверен, что это так и будет. Если вам удастся организовать бригаду энергичных огнелюбов, да вместе с ними привлечь работать побольше молодежи и пригреть ее внимательным и дружеским к ней отношением, дело пойдет отлично. Смысл дела — воспитание областной культурной интеллигенции».

И в этом же письме А. М. спрашивает сибиряков: «не находите ли вы нужным ввести в оргкомитет союза писателей кого-нибудь познергичней от сибирской группы? Нам нужно устроить всесоюзный съезд литераторов, перезнакомиться, поговорить о многом».

1934

Март, 5. Письмо И. Шухову по поводу его новой повести «Поединок». «Я прочитал вашу рукопись, — пишет А. М., — и вот каково мое впечатление: вы можете писать очень хорошо; разумеется об этом

я знал уже по «Горькой линии», по «Ненависти». «Поединок» убеждает меня, что этой книгой вы могли бы сделать весьма крупный шаг вперед от первых двух книг, «перекрыть» их. Могли бы, но не сделали... Повесть хаотична, и ясно видишь, что автор не разобрался в материале, не достаточно внимательно и логично распределил его... Если вы напечатаете повесть в том виде, какова она есть, — вы ее погубите, а переработав — дадите ценную книгу, — в последнем я убежден».

Август, 8. Приветствует коллективный опыт литературной учебы литкружка 6-й Иркутской школы — «Базы курносых». В «Правде» появляется его статья «Мальчики и девочки». «Передо мною, — пишет Горький в этой статье, — изданная в Иркутске книга «База курносых», «Пионеры о себе»... Кажется, эта книжка — первая попытка пионеров рассказать о себе. И — на мой взгляд — особенно ценно, что попытка коллективной работы в области индивидуально ограниченной не скрыла, не стерла своеобразия некоторых авторов. Говорить о даровитости их преждевременно, а талантливость всего коллектива — неоспорима. И — мне кажется — следует всячески приветствовать эту интересную попытку самостоятельной «литературной учебы» литкружка Иркутской 6-й ФЭД».

Август. Пишет письмо «Пионерскому литкружку VI ФЭД в Иркутске» о том, как нужно дальше работать над собой. «Нужно учиться писать о людях и жизни так, чтобы каждое слово цело, светилось, чтобы лишних слов в фразе не было, чтобы каждая фраза совершенно точно и живо изображала читателю именно то, что вы хотите показать. Есть очень серьезная разница между умением показывать и рассказывать, разница эта для вас пока еще неуловима, и объяснить вам ее крайне трудно. Вы поймете ее тогда, когда накопите больше разнообразных впечатлений и необходимого для литераторов запаса слов».

Сентябрь, 1. Заключительная речь на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей. Намечая основные задачи союза, Горький указывает:

«Нам необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в жур-

налах центра, учитывать ее значение как организатора культуры».

Сентябрь. После окончания Всесоюзного съезда писателей А. М. пригласил к себе делегатов съезда от Западной и Восточной Сибири. Разговор шел о литературе в областях, о журнале «Сибирские огни».

— Вам надо увеличить объем журнала, — посоветовал Горький, — краевая литература — это большое культурное дело. В Москве многие этого еще не понимают. Надо подымать краевую литературу...

Октябрь. По инициативе Горького и под его редакцией выходит первый номер журнала «Колхозник». А. М. привлекает к сотрудничеству в журнале сибирских писателей, редактирует и печатает в «Колхознике» рассказы и очерки Н. Чертовой, А. Шугаева, М. Никитина и др.

1935

Март. Письмо краевому съезду колхозников-ударников:

«Большой привет съезду лучших колхозных хозяев сибирской земли! Великая это радость — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле. Особенно радостно строить счастливую жизнь вам, колхозникам-сибирякам. Была раньше Сибирь каторжная, необъятный край необъятного горя, край кандалов и смертей. Сейчас есть обновленная колхозная земля — Сибирь советская, край социалистического созидания. Хотел бы побывать у вас на съезде, поглядеть на вас, послушать ваши речи, пожать ваши руки. Но нет у меня сейчас такой возможности. Еще раз горячий привет, дорогие товарищи!»

Март, 7. Речь на пленуме правления Союза Советских писателей, в которой Горький дал высокую оценку романа И. Шухова «Ненависть» о коллективизации в сибирской казачьей станице.

«Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и остроту дискуссии, — и критики, и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслужить, — которые прошли незаметно... Говорили о двух основных произведениях

на тему колхоза, — о произведении Шолохова и о произведении Панферова. Конечно — это основные произведения, — кто это будет отрицать, но есть третье — Шухова «Ненависть», тоже очень значительное произведение».

Май, 15. Письмо авторам повести «Атаман Пузырь» — воспитанникам Томской трудовой коммуны НКВД Б. Иртышскому, Е. Дульневу, В. Корневу.

«Ребята! Книжку вашу получил, прочитал; за посвящение ее мне — спасибо, ребята. Книжка читается с большим интересом, но была бы еще интересней, если бы вы дали рукопись проредактировать какому-нибудь опытному литератору или же прислали ее мне... Материал ваш значителен своей новизной, оригинальностью... Он требует более заботливого отношения к нему, более яркого освещения... Очень советую вам, ребята, — не бросайте это дело, пишите, учитесь писать. Заведите-ка дневник и пишите изо дня в день все, что взволнует, поразит вас, о чем и как подумаете за день. Такой дневник поможет вам научиться писать более искусно и будет заготовкой материала впрок».

Горький знакомится с записями Дыренковой шорского фольклора. «Несмотря на чрезвычайную перегруженность, Алексей Максимович нашел возможным, — пишет Н. Дыренкова в предисловии к книге «Шорский фольклор», — ознакомиться с моими записями и сделать ряд ценнейших замечаний, которые с глубокой признательностью были мною использованы».

Август. Горький знакомится с переводами сибирского поэта В. Непомнящих ойротских народных песен, дает высокую оценку переводам, печатает цикл ойротских песен в восьмом номере «Колхозника».

Колхозник Дмитрий Васечко из Баевского района, Западно-Сибирского края, послал Горькому свои рассказы и вскоре же получил от него письмо, в котором А. М. разбирал присланные ему произведения.

Зима. Разговор с Вс. Ивановым о Сибирь. «У него только что побывал какой-то ученый сибиряк, не то из Томска, не то из Иркутска, — пишет в своих воспоминаниях Вс. Иванов, — и Горький был весь наполнен рассказами о Сибирь. Он очень любил эту страну».

«Народ дает удивительные определения, которые надо записать тут же; определения, которые нам, литераторам, и не придумать никогда. Если вы, например, поедете в Сибирь, побродить среди народа в тех местах, где жил Владимир Ильич и Иосиф Виссарионович, вы патокнетесь на необычайно меткие слова, характеризующие этих великодушнейших людей».

1936

Письмо учащимся Иркутской школы имени Максима Горького, в котором А. М. развертывает перед школьниками грандиозную и увлекательную картину «разнообразной, веселой работы по строительству первого подлинно культурного социалистического государства». «Эта работа ждет вас, и она требует широких научных знаний... Науку надо любить — у людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука».

Январь. Директор Томской научной библиотеки, дочь известного сибирского писателя Н. И. Наумова — В. Н. Наумова-Широких сообщила Горькому о имеющихся у нее семейных сибиреведческих материалах, которые могут быть мемуарно обработаны, и спрашивала его мнение о значимости этой работы. А. М. живо откликнулся на письмо Наумовой-Широких:

«Весьма заинтересован намеренном вашим написать мемуары. Это было бы крайне хорошо, ибо о Сибири, о ее общественной жизни «русские» мало знают. Да и знали мало, не смотря на то, что самодержавие обильно выгоняло в Сибирь людей грамотных. Но и они оказались «ленивы и не любопытны». Если решенно ваше обработать материалы отца — твердо, можно устроить вам, так называемый «творческий отпуск» и снабдить средствами для работы. Она была бы особенно ценной, если б, не ограничиваясь архивом Наумова, вы дали характеристику сепаративных настроений сибиряков, осветили фигуры Потанина, Головачева, Ядринцева и др. Ваш отец, кажется, переписывался с Омудевским,

Петропавловским-Карониным, знавал Щаплова? Может быть вы подумаете о предложении моем?»

Январь, 13. Письмо пионерам и школьникам Игарки.

«Хорошее письмо прислали вы. Богато светятся в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания вами путей к высочайшей цели жизни, путей к цели, которую поставили перед вами и перед всем трудовым народом мира ваши отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же условиях природы, в каких вы живете; едва ли где-нибудь возможны дети такие как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли столь же гордыми смельчаками».

«Вы пишете: «живем сейчас, когда нам не светит солнце, только три часа мы видим дневной свет, остальное время полярная ночь, морозы, пурга». Но, вот, и во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума, силой которого уничтожена цыгга, еще недавно обычная болезнь дальнего севера, силой разума на земле, окованной вечной мерзлотой, обильно рождаются овощи, развернуто скотоводство. Все это было бы невозможно до Ленинской революции, в ту пору, когда право на широкую грамотность, на развитие разума было во власти класса помещиков, фабрикантов, лавочников».

А. М. горячо одобрил желание игарских пионеров написать книгу о пионерах Заполярья. «В работе над этой книжкой вы кое-чему научитесь, а если книжка будет удачна — научите и других. Действуйте смелее, помня, что Пушкин, Лермонтов, Некрасов начинали писать стихи в вашем возрасте».

Далее А. М. набросал план книги и дал ребятам ряд ценных указаний.

Книга «Мы из Игарки» вышла в 1938 г., после смерти Горького. Авторы посвятили свой труд «Памяти великого писателя, нашего учителя и друга Алексея Максимовича Горького».

Составил С. Кожевников

ПИСЬМА ГОРЬКОГО ИВАНУ ШУХОВУ

ИВАНУ ШУХОВУ

Вы написали очень хорошую книгу, это — неоспоримо. Читая «Горькую линию», получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы, для того, чтоб изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими. Вам — 25 лет, пишете вы о том, что видели когда вам было 12 и, разумеется, вы не могли видеть всего, что изображается вами. Но когда читаешь вашу книгу — чувствуешь, что вы — как будто — были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых вами, что вы — как бы — подслушали все мысли, поняли все чувствования всех ваших героев. Вот это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова. Пишете вы — на мой взгляд — в достаточной мере технически умело, фраза у вас простая, четкая и все слова почти всегда стоят на своем месте, не мешая читателю понимать и даже видеть все то, что вы изображаете.

«Почти всегда» — говорю я, это значит, что — не всегда. Порою, в поисках наибольшей яркости, а может быть и по небрежности, вы допускаете кое-какие промахи и даже нелепости: на 1-й стр. «искрящийся свист», — не говоря о том, что слова эти, поставленные рядом, звучат плохо, они дают и неверное представление: свист — не смех, он не «искрится», это звук непрерывный, режущий ухо, металлический, он пронизывает воздух как длинная острейшая игла. «Облако, похожее на беркута» — напоминает слова Треплева, одного из героев «Чайки» Чехова. «Полыхали заревом глаза озер» — это возможно видеть только с огромной высоты. «Ноздреватым яром в легком пля-

се кружились вихрастые, раскосые землянки» — это чепуха, непонятный набор слов. «Костистый творог» — тоже нелепица, такая же как крупчатое молоко, или рассыпчатое масло. «Колокольные кресты» — что это значит? Сказали бы проще и точнее — кресты колоколен. «Оприколенные кони» — это тоже очень плохо.

В чистом и широком потоке вашего языка такие обмолвки и фокусы выделяются крайне резко и раздражают своей неуместностью, фальшью. Я рассматриваю ваше дело, вашу работу не с точки зрения мещанского, рафинированного эстетизма, а под углом той законной эстетики, в основе которой лежит биологическое стремление живого организма к совершенству формы, а язык есть — живой организм. Чем более экономно, точно, ярко вы образите словами явления социальной жизни — тем более убедительной будет социальная педагогика вашей книги. Цель у вас — отличная, формулируете вы ее совершенно правильно: «показать рост классовой дифференциации — расслоения — в казачестве, показать, как национальная борьба перешла в классовую, социально-революционную» — это не легкое и строгое дело! Судя по началу, по первой книге «Горькой линии» вы должны бы достигнуть вашей цели с полным успехом. А поэтому — долой все словесные ухищрения, фокусы, затейливые красоты! Пишите строже, проще, вы это умеете.

«Садвокас отбросил повод и, растопырив руки крыльями, выпорхнул из седла. Конь всхрипнул, осел на задние ноги и попятился». Это я, читатель, вижу. Но, литератор — я не сказал бы «растопырив руки», растопыривать — медленное движение, я бы сказал: взмахнул, точно крыльями. Затем: если конь осел на задние ноги, так он уже едва ли мог попятиться в тот

же момент, когда вся тяжесть его тела опиралась на эти задние ноги.

Следите за собой, за своим пером; иногда бывает, что оно пишет механически. Ну, вот, я наговорил вам достаточно. Пришли лекаря лечить меня. Хотелось бы повидаваться с вами. Телефон мой 3-17-09. Позвоните, если хочется, и стоворимся о часе свидания.

Жму руку

М. Горький.

И. ШУХОВУ

Очень хотелось бы помочь вам и, разумеется, буду искать квартиру, но не надеюсь, что это удастся скоро. Странно поступил Оргком по отношению к вам, я этим «дельцем» займусь. В равном с вами положении находится добрый десяток литераторов, тоже заслуживающих серьезнейшего внимания и летом совершенно необходимо построить дом для вас, о чем уже хлопочу.

Начал читать «Поединок», по началу — весьма нравится: густо, просто, ясно.

Приветствую

А. Пешков.

Товарищ Шухов —

я прочитал вашу рукопись и вот какво мое впечатление:

вы можете писать очень хорошо; разумеется об этом я знал уже по «Горькой линии», по «Ненависти».

«Поединок» убеждает меня, что этой книгой вы могли бы сделать весьма крупный шаг вперед от первых двух книг, «перекрывать» их. Могли бы, но — не сделали.

Посмотрите, как хорошо, уверенно и крепко сделаны вами: начало «Поединка», опубликованная в «Переломе» сцена Дыбина и близнецов, как ярко даны Любка, гармонист, Азаров, Шмурыгин и еще многое.

Но сцена Дыбина — близнецов повторена в сцене Боброва — Канахина, беседа человека с собакой тоже повторена —

а это признак невнимания к материалу или усталости и небрежности. Повторений — много, еще больше ненужных длиннот: длинна беседа Боброва — Татарникова, речь Тургаева, заседание и т. д., а вообще чувствуется торопливость, которая портит повесть. Портит ее и то, что вы постоянно прерываете последовательность развития событий описаниями, — при этом многословными, — фактов прошлого времени. Все время читатель, сделав шаг вперед, принуждается вами возвращаться за версту назад. Этим вы разрушаете сложившееся впечатление читателя.

Обратите внимание на стр. 70, 129—130, 160 и последние стр. рукописи, все это требует сокращений, переработки, раз-работки.

Если вы напечатаете повесть в том виде, какова она есть, — вы ее погубите, а переработав — дадите ценную книгу, — в последнем я убежден.

Очень советую: не торопитесь печатать. Если вам нужны деньги — возьмите у меня. Я немедленно начну хлопотать о квартире для вас.

Вам следует работать над собой много и серьезно, у вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить.

Кармацкая — шаблонна, ей следует придать еще какие-то черты своеобразия. Некоторые фигуры, — напр. Катюша, — являются неожиданно, неопределенно, некоторым, — напр. Тузику, — отведено слишком много места. Сцена Тузика — Термогена повторяет сцену Боброва — Татарникова. Вообще повесть хаотична, и ясно видишь, что автор не разобрался в материале, недостаточно внимательно и логично распределил его.

Извините непрощенную критику и примите искреннее пожелание успеха в работе над повестью.

Жму руку

5.III.34

М. Горький.

Первое и второе письма Горького Ивану Шухову не датированы. Роман „Горькая линия“, о котором идет речь в первом письме, вышел первым изданием в 1931 году. Кроме романа „Горькая линия“ Алексей Максимович высоко ценил роман Шухова „Ненависть“, о коллективизации в сибирской казачьей станице. В речи на пленуме правления Союза советских писателей (7 марта 1935 г.) Горький говорил: „Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и остроту дискуссии, — и критики, и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслужить, — которые прошли незаметно... Говорили о двух основных произведениях на тему колхоза, — о произведении Шолохова и о произведении Панфёрова. Конечно — это основные произведения, — кто это будет отрицать, но есть третье — Шухова „Ненависть“, тоже очень значительное произведение“.

„РАБОТАЙТЕ УСЕРДНО И СМЕЛО“

В 30-м году я написала Горькому в Сорренто из Ворошилова — Уссурийского, где я тогда жила. Очень скоро, а именно через месяц с несколькими днями, — тогда из Москвы на Дальний Восток письма приходили на 18-й день, — я получила ответ.

Всего я получила от Алексея Максимовича два письма (второе в сентябре того же года) и правленный им мой рассказ «Хлеб», который я ему посылала. Очень много нужного мне было сказано в этих письмах.

«Вы хотите «серьезно заняться литературой», — писал Горький, — и спрашиваете: думаю ли я, что вы можете это сделать? Человек старый, я люблю ворчать и обязан указать, что вопрос вы поставили неправильно; надо было спросить: есть ли у вас способности к этой не легкой и ответственной работе?»

...«Вы пишете: «Я много бываю в казарме», было бы точнее, если бы вы сказали: часто, и определили время. Такие, вот, мелочи — не пустяки, поверьте мне! Язык должен быть прост и точен, это придает ему силу, рельефность, красочность. Очень советую вам заняться теорией прозы и обогащением лексикона, т. е. — накоплением слов».

В том же первом письме Алексей Максимович писал: «Вам необходимо кое-чему поучиться», предлагал выслать книги и советовал работать «ежедневно понемногу, хотя бы, напишите 5—10 строк и то хорошо».

Я стала думать: почему мне хочется писать, откуда это идет и действительно ли это мне необходимо? Выходило, при проверке себя, не совсем утешительно: вокруг совершается много необыкновенно значительного, интересного; я имею возможность по своей работе, близкой к при-

роде, видеть нашу страну в таких далеких ее углах, куда и заехать нелегко, и в таких условиях роста, которые многим не видны, но очень интересны всем. Кроме того, я люблю многих превосходных людей — авторов книг, которые показывают мне жизнь так, как я сама не могла бы ее разглядеть. В то время к числу любимых мною авторов я прибавила двух, показавших мне Дальний Восток, каждый по-своему, но оба — так по-настоящему хорошо, что к краю, в котором я только что начала работать, я уже чувствовала любовь. Это были Фадеев и Арсеньев.

Вот так после письма Алексея Максимовича я, не очень хорошо зная как «заниматься теорией прозы», как он советовал, стала додумываться прямо по книгам, любимым мною, почему и чем они хороши. И все больше убеждалась, как легковесен был мой вопрос Алексею Максимовичу: «Могу ли я серьезно заняться литературой?»

Подумав еще над письмом Горького, я решила, что в самом его серьезном тоне уже чувствуется ободрение.

Алексей Максимович писал, чтобы я послала ему очерк «Заманщина», о котором я упомянула в своем письме, но не решилась послать его. Я приложила к большой рукописи «Заманщины» небольшой рассказ «Хлеб» и в августе 30 года отправила их в Сорренто. ...«Хлеб» — набросок, сделанный небрежно, да и «содержания» в нем маловато. Вам следовало бы против уходящего из жизни Син-Лин-Гана поставить какого-нибудь молоденького Сам-Пью-Чай. А также надо бы подчеркнуть, что умирающий китаец с его неверием в людей мало отличается от такого же раба земли, как любой Калужский, Тамбовский. Над этой штучкой советую вам посидеть часа два — три, углубить ее зна-

чение. Жаль, что ваш старик молчит, это же совсем обычно, старики любят учить и было бы естественнее, правдивей, чтоб Син-Лин обучал — немножко — молодых китайцев неверию в то новое, что они видят. Старики, умирая, боятся, что с ними умрет вся «мудрость жизни», весь их уже «мертвый» опыт. Так-то, писательница!»

Вот это: «так-то, писательница» давало почувствовать, что я еще не доросла до настоящего понимания вещей и, вместе с тем, приближало меня к такому пониманию: Алексей Максимович разобрал очень слабый мой рассказ, значит он был уверен, что от этого будет польза мне, а то он мог бы просто сказать, что рассказ нехорош.

Я представила себе, что Алексей Максимович сел напротив меня, положил руки на подлокотники кресла, взглянул насмешливо, все понял и, желая, чтобы и я поняла правильно, сказал: «так-то, писательница. Подумайте над тем, что я вам сказал».

Я увидела, что рассказ слаб, но на нем можно было научить человека видеть вещи. И Горький сделал на полях несколько примечаний.

«Вы пишете «лампочка тухнет». Лучше было бы сказать: гаснет. Тухнет мясо, вареная курица, яйца. Огонь заслуживает повышенного отношения к нему».

В этом примечании я почувствовала укор поверхностному, уменьшительному отношению человека к массе прекрасных больших вещей. Это могло относиться к музыке, к слову, к героическому поступку, которые надо правильно понимать. Горький напоминал, какая страшная штука равнодушие и опошление и как надо научиться отличать то, что «заслуживает повышенного отношения».

Остальные поправки относились к лишним словам, которые только утяжеляли фразу, и без которых она вовсе не теряла смысла, к перестановке слов во фразе, даже к расстановке знаков препинания. Совет: тщательно работать над мыслью, над ее выражением, — вот какое было впечатление от этой части письма.

Дальше Алексей Максимович писал, что «Заманщина» перегружена словами. Этого я очень долго не понимала, хотя дальше шло и пояснение: — «Пишите гу-

ще. Красота это — простота, четкость, ясность».

Но я еще не чувствовала необходимости писать проще; я думала, что это будет слишком уж просто, если я напишу: «человек идет по лесу». Мне не хотелось писать: «наступает апрель». Вместо этого я придумывала: «По Сибири апрель идет еще с зимним пососчком». И мне это нравилось. Иногда кое-что в этом роде я просто была не в силах вычеркнуть, хотя ощущение лишнего, ненужного и бывало у меня.

Удивило меня, что Алексей Максимович заметил то место, за которое я и сама чувствовала себя в ответе. «Бабу — преда сельсовета — вы тоже смазали, а баба эта — героиня наших дней и — дорогого стоит. Так что против нее вы тоже согрешили...» В моем рассказе, действительно, совсем бледным вышел этот женский образ. А председатель Вершино-Рыбинского сельсовета на меня произвела впечатление прелестного соединения легкого юмора, хитровой смекалки и женской нежности с крепким умением добиться своего, провести свою, очень правильную политическую линию. Про нее ямщик говорил:

— Разумная она, да не все ее, однако, одобряют. — Время было такое, что ее и действительно не все одобряли в селе, был 29-й год.

Но увидеть, что моя ошибка замечена Горьким очень легко, значило убедиться в своей слабости, как художника, и, кроме того, понять, что литература такое дело, в котором поделелки, недоработки сейчас же скажутся...

И вот уже много собралось такого, над чем надо было думать, а оба письма — невелики. Значит — в этом-то и дело! Так, как советует Алексей Максимович: «пишите гуще», — так именно он пишет и сам.

Трудно передать весь тогдашний ряд мыслей, я стараюсь восстановить их как можно точнее, чтобы понятно было, как много могут дать человеку серьезные, умные, товарищески-прямые замечания Алексея Максимовича. И вот, когда все обдумаешь и уже на самом деле поймешь, что та работа, за которую так легко хотела было я взяться — не легкая и ответственная работа, тут-то и ободрят и обрадуют заключительные слова второго письма: «Всего доброго. Работайте усердно и смело».

М. ГОРЬКИЙ И „БАЗА КУРНОСЫХ“

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

4 октября 1933 года в одном из классов Иркутской шестой школы собрался литературный кружок. Ребята были переполнены радостными впечатлениями и событиями недавней лагерной жизни. Еще издали было слышно, как они шумели и смеялись.

Когда я вошел в класс — тридцать пионерских галстуков взметнулись вверх, а через минуту я оказался в крепком кольце моих маленьких и одновременно больших друзей.

Я читал мою первую детскую книжку «Милая картошка», написанную на очень животрепещущем материале о том, как сибирские пионеры охраняют колхозный урожай. Я гнался тогда за фотографической точностью и поэтому сохранил даже подлинное имя и фамилию моего героя. В книге было много недостатков. Ребята со всей резкостью и непримиримостью двенадцатилетних критиков взялись за ее разбор. Особенно досталось рисункам.

Слово попросила худенькая пионерка Соня Животовская. Быстро и взволнованно она заговорила:

— Ребята, у нас так много интересного, а годы идут, так и вся жизнь пройдет. (В двенадцать лет это звучало некоторым преувеличением, но тем не менее было убедительно). Вы ведь нам поможете? — обратилась Соня ко мне.

Я согласился, и весь кружок единогласно решил:

— Будем писать книгу.

В тот вечер ребята были настроены приподнято: не было недостатка в криках «ура», в аплодисментах.

Мы начали работать.

Каждую шестидневку собирался кружок. Сначала обсуждали план, потом на-

мечали авторов, а затем началась читка первых произведений. И до создания кружка ребята увлекались сочинительством стихов и рассказов, но теперь нужно было писать о том, что пережито и перечувствовано. Первые же главы книги показали, что ребятам удалось схватить самое главное и волнующее.

На первых порах к нашей работе многие относились с недоверием. Некоторые говорили: баловство. Наиболее трезво настроенные люди решали: ничего не выйдет. Однако, они ошиблись. Вышло.

Книга была еще в производстве, до выхода ее еще было далеко, а о «Базе курносых» узнали уже в других городах Сибири. Из Томской колонии «Чекист» прислали письмо и сообщили, что они тоже начали писать книгу по нашему примеру и назвали ее «Атаман Пузырь».

Когда «База курносых» вышла в свет, авторы дружно решили — первый экземпляр послать Алексею Максимовичу Горькому. Письмо писали на берегах Ольховки, куда ежегодно выезжали в лагерь. Потом обсуждали письмо у костра. Каждому хотелось сказать любимому Горькому самые лучшие слова.

Письмо и книжку отправили, а сами купались и загорали, бродили по тайге, карабкались по крутым склонам гор, пели песни и вели душевные беседы у большого лагерного костра, а костер был отменный. Языки пламени плясали, поднимались высоко, чуть ли не до самого неба. Нередко выходили всеми отрядами на помощь колхозу: то плотину поправить, то прополку произвести. Мало ли пользы могут принести ребята, когда захотят работать по-пионерски.

В один из особенно ярких солнечных

дней ребятам объявили, что пятнадцать авторов «Базы курносых» Обком партии и Обком комсомола премировали экскурсией в Москву.

Через несколько дней — вслед за книжкой — поехали в Москву и авторы. Дорога была длинная. Выпускали стенную газету «База курносых на колесах». На ст. Боготол вагон отцепили для ремонта и тогда появился номер стенной газеты «База курносых на трех колесах». На всех станциях ребята бегали покупать малину и газеты. На ст. Ишим принесли в вагон «Правду» и «Известия». Развернули. В середине листа был портрет М. Горького и статья «Мальчики и девочки». Кто-то из ребят заметил знакомый рисунок.

— Быть не может! Да ведь это «Дашка и Ешка».

— И верно. Откуда?

— Как?

— Почему?

Галя воскликнула:

— Ребята, сюда скорее! Горький — про нас! И «Дашка» с «Ешкой» нарисованы.

Трудно рассказать, как велика была радость ребят. Газета переходила из рук в руки, с полки на полку. Время полетело быстрее. Станция Ишим стала вдруг приветливой станцией. Да и как могло быть иначе, если ласковые слова М. Горького встретили иркутских пионеров на полпути!

В Москве ребят ожидала новая радость — письмо Алексея Максимовича пионерскому литкружку 6 ФЗД в Иркутске. Оно было напечатано во всех газетах.

Самое ценное в нем — строгость и душевная внимательность.

«Я говорю с вами так серьезно и требовательно, как со взрослыми. Я ведь тоже начал писать лет двенадцати, но я жил в других условиях, учить меня некому было. Писал я много прозы, стихов. Понял, что литература мое дело тогда, когда мне было почти 30 лет».

Горький прямо указал, что хотя книжка очень интересная, но «разумеется это еще не литература, а только приближение к ней, приближение очень издалека».

По первым рисункам Ары Манжелес Алексей Максимович определил, что «у нее хорошая способность к этой работе».

М. Горький писал о значении того, что делают ребята: «Вы будете жить легко, счастливо. Страна Союза Социалистических Советов изумительно урожайна на талантливых людей, потому что всем людям

труда дана свобода развития их талантов. Там, где труд свободен, он должен быть честным, превратиться в искусство».

Десятки раз перечитывались эти строки. Ребята дивились, как много сказано в одном письме. Некоторые фантазировали — о чем и как стал бы говорить Горький при встрече с «Базой курносых».

И все с чувством особого уважения, трепета и любви к Горькому мечтательно говорили:

— Хотя бы одним глазком посмотреть на него!

**

По улицам Москвы двигалась маленькая цепочка пионеров во главе с вожатой Галей. Были все они принаряжены, внешне подчеркнуто спокойны и внутренне взволнованы.

Мы встретились у входа в Дом Союзов. Неотразимое впечатление произвела на ребят беломраморная лестница. Заседание первого съезда советских писателей еще не открывалось. Сразу же началось знакомство с писателями.

Безыменский спросил:

— Ребята, вы из какой школы?

— Из шестой.

— Ну, а район...

— Мы из Сибири, из Иркутска, — с достоинством сообщил Рафа и замолчал.

На выручку пришел Гриня:

— Мы — «База курносых».

Вскоре нас куда-то позвали. Пошли Галя Кожевина, Алла Каншина и я. Галя и Алла несколько нахмурились. Ребята с писателями знакомятся, а ты — иди, заполняй анкеты. Но оказалось не так. Приветливый человек с ромбами в петлицах показал дорогу:

— Вот сюда.

Открылась дверь в комнату, пронизанную струйками синеватого дыма. В комнате было много людей и все они быстро поднялись, когда наш провожатый сказал:

— Вот они, курносые...

Из кресла поднялся высокий, широкоплечий человек. Из-под густых, нахмуренных бровей зорко, молодо и ласково глядели чистые голубые глаза.

Алла и Галя застыли от изумления. Да ведь это Горький! Да, Горький, такой же, как на портретах, но только — живой.

Алексей Максимович кашлянул, постукал мундштуком о край пепельницы, шагнул вперед и засмеялся.

Пионеры «База курносых» в гостях у А. М. Горького.

— Ах, вы, черти полосатые. Ах, вы, чертенята.

Он крепко пожал всем руки и пригласил к столу.

— Ну, показывайте, показывайте, что привезли.

У нас с собой оказалось несколько экземпляров книжки — «База курносых», и мы принялись показывать их присутствующим.

Вскоре к нам подошел А. А. Жданов и стал шутливо увещевать:

— Да вы даром-то не раздавайте книги. Алексей Максимович поспорил с Аллой о малой «курносости» носов «Базы курносых», затем перекинулся словом с работником ЦК о необходимости издать нашу книгу в Москве.

Завязалась общая беседа. Говорили о Павлике Морозове, о пионерах-героях.

Мы решили выступить на съезде. Алексей Максимович сказал:

— Обязательно. Выступайте. Кто у вас будет говорить?

— Алла Каншина.

— Так это ты Алла?

— Да, это я.

Когда выходили из комнаты, Алла задумчиво проговорила:

— Какие у него глаза. Добрые, добрые, как у папы... А я — боялась... Зря боялась.

***

«Предупредительные» распорядители отвели пионерам места в последних рядах колонного зала. Алексей Максимович долго искал взглядом по рядам. Он озабоченно прикидывал выпрямленную ладонь чуть выше бровей и снова смотрел в зал. Потом позвал какого-то человека — и через несколько минут «Базу курносых» попросили пройти в первый ряд. Алексей Максимович увидел «курносых» и приветливо заулыбался.

В перерыв вышли в фойе.

Скоро выступать. Алла была спокойна. Вдруг в анфиладе комнат показался Алексей Максимович. Куда это он? Оказалось, к нам.

— Вот вы хорошо сейчас говорили о Павлике Морозове и правильно надумали вызвать съезд писателей помочь поставить памятник мальчику-герою. Я вспомнил, что нигде в мире таких памятников

нет. Только во Флоренции был поставлен на площади голый парнишка из мрамора, да и то на него во время войны мундир одели. А наш памятник другой: он будет призывать к героизму.

Горький посмотрел внимательно на нашего оратора и сказал:

— Решил вам рассказать об этом факте, может, и пригодится.

Мы поблагодарили Алексея Максимовича.

В этот день участники «Базы курносых» познакомились с многими писателями, которых знали только по портретам. А самое главное — с Горьким.

Вот он сидит в президиуме съезда и периодически разглядывает ребят, рассеявшихся в первом ряду. Каждому кажется, что именно ему Алексей Максимович улыбается — приветливо и ласково. А Горький поглядывает по сторонам, жмурится от назойливого света «Юпитеров» и обиженно хмурится, когда его имя упоминается в сопровождении возвеличивающих эпитетов.

Маленькая Алла взбирается на трибуну. Весь съезд внимательно слушает ее речь. Но особенно внимательно слушает Горький. Неожиданно у нашего оратора происходит неувязка со знаками препинания и в тиши огромного колонного зала раздаются слова:

— Товарищи взрослые писатели, ребята...

Дружный смех и долгие аплодисменты новых «ребят» помогают сохранить спокойствие Алле Каншиной.

Весело смеется Горький, когда она заканчивает речь словами:

— Помогите нам, будет время и мы вам поможем!

Объявлен перерыв. Революционные писатели мира обступают участников «Базы курносых», с удивлением рассматривают необыкновенных «писателей» и просят подарить свою книгу на память.

К Алексею Максимовичу трудно подступиться. Делегации просят сняться с ними любимого и дорогого писателя. Неугомонные фото-репортеры под слепящими лучами искусственных солнц наводят десятки аппаратов.

Алексей Максимович зовет «Базу курносых» к столу президиума. Сейчас уже все ее участники знакомятся с классиком пролетарской литературы. Маленькие ладошки ребят долго сжимают крепкую руку Алексея Максимовича. Алла на правах старой знакомой уселась рядом, Ара поло-

жила руки ему на плечи. Гриня и Рафа заспорили о праве обладания рукой Горького. Пришлось Алексею Максимовичу поделить свои пальцы между двумя малышами.

Завязался разговор. Оказалось, что самым большим писателем Советского Союза разговаривать легко и просто. Одна беда: все время подходили люди, мешали разговаривать.

Алексей Максимович нахмурился и сказал:

— Знаете, тут нам не дадут поговорить. Приходите ко мне чай пить. Там мне груши и яблоки прислали из теплых стран.

**

Еще с вечера тапочки были начищены мелом, а на веревках висели влажные белые майки ребят. Вся эта подготовка предшествовала еще одному радостному для нас событию. Событие это потом мы описали в нашей второй книге «В гостях у Горького».

Сначала время двигалось медленно, а затем стрелка начала кружиться с молниеносной быстротой. Но вот трамвай стали останавливаться на каждом перекрестке. Ребят охватило беспокойство.

— Дядя Ваня, а мы не опоздаем?

Я успокаивал их, но сам волновался.

Пушкинский бульвар остался позади. На углу Малой Никитской цепочка пионеров грянула боевую Дальневосточную.

Вот и дом, где живет Горький. Двор, залитый асфальтом, гараж, сад. Терраса. Волнение нарастает. Сердца так сильно стучат, что даже не слышно, как хрустит гравий под ногами.

Алексей Максимович вышел гостям навстречу.

В уютной столовой накрыт огромный стол. Гостей много. Кроме «Базы курносых» — Маршак, Ильин и Кассиль.

Алексей Максимович называет ребят по именам. Ребята расцветают от радости.

Женя Безуглова рассказала, как ехали:

— В Боготле вагон у нас заболел. Пришли рабочие. Один молодой шутиливо сказал: «Это вы все виноваты, прыгаете, вот и сломали вагон». А пожилой рабочий серьезно заметил: «Нет, ошибаешься, сынок, эти не ломать, а строить будут».

— Хорошо сказал, — убежденно заметил Горький. — Это все описать надо. Да, вот еще. Стариков не забывайте. Народ у вас все там особенный, крепкий. Пережил гражданскую войну. Беседуйте с ними. Возьмитесь записывать песни, частушки.

Записи эти все годятся. Стариков вам надо «обобрать».

— Мы еще хотим книгу писать, Алексей Максимович, — сказал кто-то из ребят.

— Хорошее дело, только вы носы не задирайте. Надо много и хорошо работать, много учиться.

— Еще как будем! — отвечают чуть не хором гости, занятые увлекательной беседой и чаем, который разносит в больших чашках бесшумно ступающая девушка в белом переднике.

— Да вы ведь и стихи, наверно, пишете? — лукаво улыбаясь, спрашивает Алексей Максимович.

— Ну, факт... — по привычке протяжно говорит вожатая Галя и краснеет.

На помощь приходит черноглазый, краснощекий, черноволосый Рафа Буйглишвили.

— Алексей Максимович, я прочту.

— Читай, читай... Ах ты, курносый.

Рафа давно начал писать это стихотворение. Голос от волнения слегка дрожит. Лицо краснеет еще больше. Черные глаза сверкают.

— Вам, дорогой товарищ Горький, Я посвящаю этот стих.

Вам, кто бичует умно их,

Кто сильно строить нам мешает Социализм и коммунизм.

Вам, видевшему в жизни все невзгоды

И пережившему их с бодростью везде,

Вам, пришедшему и очень даже скоро

К литературной, общей нам звезде.

Ребятам знакомо это стихотворение. Они указывали на его недостатки, а Рафа не согласился.

Он продолжает читать:

И вы нашли ее. Перо ваше — смелый вестник —

Оповестил о ней,

И вот тогда взлетел

Высоко смелый Буревестник

И вы с пером свободы навсегда.

Ребята не выдержали и засмеялись. Рассмеялись беззлобно и весело. Рафа смутился и чуть не заплакал. Алексей Максимович привлек его к себе и стал утешать.

Алла прочла первое стихотворение, которое появилось в литературном кружке. Называлось оно: «Ой... ой... ой»...

У Зимнего дворца происходил бой.

Временное правительство закричало: ой!

И давай скорее разбегаться.

Шура Ростовщикова в звонких стихах бежала с ветром вперегонки. Ара Манжелес, приглядив непокорные пряди, читала о Днепрострое. Галя Кожевина, избавив-

шись от напускной строгости вожатого, по-ребячьи радостно рассказывала о лагерном утре на берегу сибирской речонки Ольховки:

Вдоль по берегу, точно ромашки,

Забелели ребячьи рубашки.

А с горы наблюдала тайга...

Читали стихи Соня, Аня, Гриня.

— О, да вы все поэты, — улыбаясь, заметил Горький. — Учиться надо, учиться...

— Будем, Алексей Максимович, — ответили ребята и стали просить что-нибудь рассказать.

— Рассказывать я не умею, да и про все написал.

— Что написано, то мы прочли, а вы еще много всего знаете, — убежденно заявил Персиков.

— Не могу, — пытался еще отказать Горький.

Выход из положения нашел Гриня Ляуфман.

— Алексей Максимович, а вы сделайте так: водите пальцем по столу, а сами рассказываете. Вот так! — и Гриня показал измазанным в чернилах пальцем — как.

Алексей Максимович с притворным сокрушением вздохнул.

— Ну и курносые! Ну и чертенята!

На мгновенье задумался.

— В свое время я был маленьким. Жил в Нижнем, жил на горе. Вьезды у нас длинные и везде фонари. Мы с приятелем наберем в карман камешков — и по фонарям, а они треньк — и готово. Только раз почувствовали, что подлетаем вверх, а потом — раз и уже на земле сидим. Оказывается, подошел один человек, взял нас за шивороты, приподнял и посадил, а сам в середине сел. Идем мы, что будет, а сердца скают. А человек молчит. Мы ждем, ругаться будет, а он нам: «Вы, говорит, стекла бьете, а я их вставляю. Бить-то, говорит, их быстрее, чем делать», и начал рассказывать, как люди стекло делают. Как бродят полуголые люди в полутемном помещении, как берут они стеклянную трубку и, сылюю легких, выдувают раскаленную хольяву. Страшно было слушать про этот ад...

Алексей Максимович, помолчав, добавил:

— Больше мы стекол не били. А время было темное. Кругом враги были. Городовой — враг, поп — враг, хозяин — враг. А теперь не то, в хорошее время живете, ребята.

Ребята слушали, не спуская глаз с Горького, вспоминали страницы его «Детства»

и «В людях». И, казалось, думали: как много перенес Горький и как радостно, что все это прошло.

— А кто из вас Ара Манжелес? — вдруг спросил Алексей Максимович.

— Вот она, Ара Манжелес, сидит красная, как рак, и грущу уничтожает.

Алексей Максимович попросил Надежду Алексеевну заняться с Арой, показать ей работы художников.

— Надо учиться дома, готовиться, а потом в академию пошлем.

Ара вслыхнула. Как это он узнал ее загадочную мечту?

Горький хитро сощурил глаза и сказал:

— А хорошо быть писателем. Вон мне пионеры аэроплан подарили, а колхозные ребята мешок репы послали.

Мы весело смеемся и с нами вместе смеется Горький.

Алексей Максимович попросил «курносых» спеть.

«База курносых» затинула боевую Дальневосточную. Голоса зазвучали вразнобой. Эх, тут, видно, не на берегах Ольховки.

Горький, деликатно скрывая улыбку, заметил:

— А вот поете-то вы плохо, учиться тоже надо. В песне большая сила.

Уже несколько часов длилась беседа. Солнце пошло на закат. Пора уходить, а уходить не хочется.

Алексей Максимович обратился ко мне:

— Хороший у вас коллектив, очень хороший. Сохраняйте и дальше вашу крепкую дружбу, это очень важно для учебы, для роста.

Я не менее ребят смущаюсь. Но глаза Горького смотрят так ласково, приветливо, что я начинаю говорить. Впрочем мне хочется больше молчать, чтобы больше услышать, чтобы больше запомнить. Как жаль, что нельзя разложить на столе блокнот и записывать каждое слово Горького, каждое замечание!

Неожиданно для нас перед Горьким появляется стопочка книг в синевато-сером переплете.

— Самое последнее издание «В людях».

Остро отточенный фиолетовый карандаш выводит на каждой книжке имена ребят.

— Вы Союю не забудьте, — встревоженно напоминает Алла. — К ней папа приехал и она опоздала.

— Нет, ни за что не забуду, — отвечает Горький.

Последняя книга подписана мне.

Хочется прочесть тут же. Но я удерживаю себя от искушения.

Впрочем за меня читают ребята:

Дяде Ване.

Молчанову-Сибирскому.

Хорошее дело делаете, дядя.

М. Горький.

19 августа 1934 года.

Я вслыхиваю. Ребята взглядами поздравляют меня.

Начинаем прощаться. Горький велит сложить все фрукты и сладости.

— Это для Сони, — говорит он.

Ара Манжелес подошла к нему и сказала:

— Алексей Максимович, разрешите вас поблагодарить.

— За что? — Он поднял брови.

Ара всхлинула и засунула кончик галстука в рот.

Он снова спросил:

— За что? — и тоже прослезился.

И сквозь слезы с шутливой свирепостью, проговорил:

— У, рыжая!..

А когда мы шли по дорожкам сада, Алексей Максимович махал рукой и кричал:

— А этой рыжей задайте, как следует, чтобы не плакала, когда не надо.

Мы шли по Пушкинскому бульвару, взволнованные и преисполненные счастьем и радостью. В пламени заката еще рельефнее выделялся памятник Пушкину.

Я никогда еще не видел ребят в таком состоянии. Они шли, никого не замечая. Это был самый счастливый день в их жизни.

**

Через несколько дней он повторился. Несколько машин подхватили «курносых» и пионеров с шарикоподшипникового завода и увезли их в Горки к Горькому.

На этот раз ребята рассказывали Горькому о Сибири, о Байкале, об Ангаре.

Алексей Максимович посоветовал написать книгу об одном дне. Пятнадцать пионеров, пятнадцать дней, пятнадцать жизней.

Последний раз я видел Горького во время посещения с писателями-сибиряками. Он меня не узнал сначала и сказал:

— В прошлый раз вы были по-другому одеты.

Алексей Максимович снова восхищался ребятами из «Базы курносых».

— Вот московские пионеры слабее, а ваши крепче, у них кровь лучше.

**

*

«База курносых» вернулась в Иркутск. Требования к себе у них возросли. Каждая страница новой книги вызвала ожесточенные возражения. Нельзя так писать. Не забывайте требования Алексея Максимова: «так писать, чтобы каждое слово пело и светилось». Это было очень трудно. Но мы работали упорно и настойчиво.

В июне я поплыл с экспедицией на пароходе «Капитан Ульянов» вниз по Ангаре к Братским порогам — наблюдать полное солнечное затмение.

18 июня перепуганная радистка позвала меня в рубку. Закрывая лицо руками, она едва проговорила:

— Послушайте. Не могу поверить. Умер... Горький.

Вспоминались встречи. Сердце сжималось. Я долго крепился, чтобы не заплакать. Горький умер. В то время мы еще не знали, что он не умер, а убит. Убит предательски бандитами, которые ополчились на коммунизм и его борцов.

Через два дня радиоприемник передавал:

— Траурный митинг на Красной площади...

Но все еще не верялось, что Горький умер. — Солнце его таланта не померкло. Оно сияет и горит вечно.

Вл. Рудман

ТУВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Если на карте Азиатского материка, следуя 52° широты и 96° долготы, прочертить две перпендикулярные линии, они пересекутся в центре высокогорной котловины, по дну которой, спотыкаясь о пороги, рвется сквозь каменные теснины голубой Енисей. Эта котловина, расположенная в самом центре Азии, прозывалась некогда Урянхайским краем. Двадцать лет назад она была объявлена самостоятельным государством, затем народным государством, а 24 числа 11 луны 6 года (24 ноября 1926 г.) получила гордое имя Тувинской народной республики.

Эмблемой молодого государства стал герб, на котором изображен сверкающий в лучах солнца земной шар, увенчанный серпом и граблями, окруженный венцом из колосьев.

Тувинская народная республика, как и старшая ее сестра — Монгольская народная республика, возникла в пламени национально-освободительной борьбы трудящихся масс скотоводов, звероловов и земледельцев. Советский народ не только помог тувинскому народу одолеть врагов и сбить с себя вековые цепи колониального рабства. Он неизменно содействует строительству его новой жизни. При поддержке СССР тувинский народ создал государство нового типа — народно-революционную, буржуазно-демократическую, противимпериалистическую и антифеодалную республику, задача которой заключается в решительном выкорчевывании остатков феодализма, в организации некапиталистической системы хозяйства.

Тувинская национальная революция 1921 года, буржуазно-демократическая по своему содержанию, должна была политически объединить веками раздробленную страну, ликвидировать феодальную собственность на скот и землю, лишить фео-

далов и связанные с ними ламаистские монастыри привилегированного положения, вырвать народ из жадных лап чужеземного торгово-ростовщического капитала и открыть дорогу революционной культуре. Революция свое задание выполнила, и тогда возник вопрос о преобразовании всего хозяйства и всей жизни страны на новых началах, которые могли бы создать предпосылки для постепенного перехода Тувы к социализму, минуя капитализм с его системой социального неравенства, эксплуатации человека человеком, системой гнета, произвола, насилия.

Успехами революционной борьбы и строительства новой жизни тувинский народ, обреченный в прошлом своими угнетателями и чужестранными порабощателями на голод, нищету и вымирание, обязан победоносной Октябрьской социалистической революции в России. В 1916 году на весь мир прогремели пророческие слова Ленина:

«Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться... Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь»... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму».¹

Еще ярче и отчетливее Ленин развил эту мысль в 1920 году, выступая на II конгрессе Коминтерна.

«Не может быть никаких споров о том, — говорил он, — что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам, и что развитые отсталые страны могут выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат Советских республик протя-

¹ Ленин, том XIX, стр. 228.

нет руку этим массам и сможет оказать им поддержку»...

«С помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».¹

Тува была отсталой колониальной страной. Окончательный распад первобытной родовой общины произошел в ней сравнительно недавно и оставил после себя все еще многочисленные и прочные родовые пережитки. Удельный вес национальной буржуазии, по крайней мере до революции 1921 года, был ничтожным. Катанов, побывавший здесь в конце прошлого века, констатировал, что на одного зажиточного тувинца приходилось 99 бедняков.²

Тувой, что станет ясным из нашего дальнейшего изложения, никто не управлял, о ее экономическом благосостоянии никто не заботился. Китайские чиновники и монгольские князья рассматривали эту страну, как собственную вотчину и источник личного обогащения. Они занимались не управлением, а выколачиванием налогов. Китайские и русские купцы и промышленники не торговали с тувинцами, а попросту грабили их среди бела дня.

Тувинская народная республика, по примеру Монгольской народной республики, при братской помощи и поддержке самого передового пролетариата самой передовой страны — СССР, вступила на путь некапиталистического развития. Развивая свои производительные силы, она руководствуется только революционными принципами, переделывая и перестраивая свое хозяйство, свой быт, свою культуру.

Ленин, беседуя в 1920 и 1921 гг. в Москве с двумя монгольскими делегациями, дал точную характеристику сущности некапиталистического развития. Высказывания вожда мировой революции, посвященные МНР, целиком применимы, конечно, и к ТНР.

«Единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны, — сказал товарищ Ленин, — является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами

РСФСР. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских арат является условием успешности их борьбы... Товарищ Ленин широко развил нашей делегации идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система в аратской Монголии».¹

Тувинская народная республика располагает для своего строительства прекрасными естественно-географическими условиями и богатейшими экономическими ресурсами. Они еще почти нетронуты, но они принесут обильные плоды, когда трудолюбивая человеческая рука коснется их с любовью, заботой и планомерным усердием.

Территория Тувинской народной республики определяется цифрой около 200 тыс. кв. км. На ее площадь свободно вместились бы четыре европейских государства: Швейцария, Бельгия, Голландия и Португалия. Вот количеством жителей Тувинская народная республика похвалиться не может: население ее едва достигает 86400 чел., 86% из них — тувинцы, остальные — русские. 92% населения живет в селах и лишь 8% — в городах.

Географический чертёж Тувы очень живописен и напоминает грушу, узкий конец которой вытянут на запад. Енисейская котловина заключена в крепкий каменный мешок. Западную ее границу образует хребет Сайлюгем (водораздел верхних частей бассейнов двух сибирских рек: Оби и Енисея). На севере Туву отделяют от великой Сибирской низменности могучие хребты Саяна, с одетыми тайгой склонами и сверкающими на солнце снеговыми вер-

¹ Ленин, том XXV, стр. 354.

² «Письма Катанова из Сибири и Восточного Туркестана». (Приложение к XXIII тому «Записок имп. академии наук», 1893 г. № 8).

¹ Политический отчет ЦК Монгольской народно-революционной партии IX съезду партии. Цитируем по книге Б. Перлина «Монгольская народная республика», стр. 27.

пинами. На востоке она замкнута Восточным Саяном, пролагающим границу между Тувинской народной республикой и Бурят-Монгольской АССР. Здесь находится, воспетая в бурят-монгольских песнях, величественная пирамидальная вершина Муку-Сардык, по красноватым крутизнам которой сползают лиственные леса. Ее ледяная шапка, вознесенная на высоту 3490 метров, отражается в лазурных водах озера Косогол. На юге Тувы тянется хребет Танну-Ола, а за ним стелются бескрайние, выжженные солнцем пески Монгольской народной республики. Бесчисленные отроги гор загромаждают Енисейскую котловину, прорезанную местами речными долинами. Тува — высокогорная страна, служащая террасой от Сибирской низменности к Монгольскому плоскогорью. В самой низкой своей части бассейн Енисея поднимается на 505 метров над уровнем моря, тогда как Сибирь неподалеку от северных хребтов возвышается лишь на 274 метра.

Три тропы были проложены из России в Урянхайский край.

Первая тропа — западная. Змеясь по коврам нежно-окрашенных мхов, она взвигается на крутые склоны Саянов, одетые мрачной тайгой, и, наконец, падает в долину Хемчика. Поэтому и прозвана она Хемчикской тропой.

Хемчик — приток Енисея — одна из самых больших рек Тувы, питающая своей благодатной кровью обширные пашни. Район Хемчика — богатейшая житница Тувы, где сосредоточено больше половины туземного населения.

Вторую тропу, ныне заброшенную, проложили бежавшие за Саяны староверы-раскольники. Эти беспоповцы, «братья-странники», искатели «вольной страны Беловодья», семьями потянулись в начале XIX столетия в Урянхай и свили там свои гнезда.

Третья (восточная) тропа протоптана русскими промышленниками — охотниками за соболями, за золотом и другой богатой поживой, ремеслом которых было золотискательство и разграбление туземцев.

Преобладающие в Туве горные ландшафты иногда чередуются со сглаженными формами рельефа и широкими равнинами, устланными степной зеленью. От Утинского края до Хемчикских гор на протяжении 200 км и от Танну-Ола до Саянов на 100—150 км тянутся пространства сероватой полынной степи, взволнованной пригорками и холмами. Степь, переходящая

на южных окраинах в полупустыню, покрывает 56% площади Тувы. Остальные 44% приходится на леса, господствующие в восточной и западной частях страны.

Восточная часть бассейна Верхнего Енисея густо поросла хвойной тайгой (кедр, пихта, ель). Долина речек — живописные парки лиственницы. Леса тянутся сплошными массивами, изредка расступаясь перед зелеными пастбищами, по которым бродят дикие олени. Многочисленны здесь озера и болота. В большинстве случаев озера наполнены чистой прозрачной водой. Но встречаются и крепко соленые озера, как, например, Джедырское, около которого ныне расположен пока единственный в Туве и, кстати, очень хорошо оборудованный курорт.

Западная часть бассейна Верхнего Енисея тоже загромаждена горами, поросшими хвойным лесом, преимущественно лиственницей. Здесь леса, расположенные рощами, чередуются с полями, зеленеющими сочными травами и разнообразными кустарниками. Над лесной зоной низкорослые кустарники образуют целые заросли, а еще выше господствуют альпийские степи и луга. На высоте 2300—2500 метров песчаную или щебневую почву пятнами кроют лишайниковые мхи, а над ними в безмолвии и бесплодии возносятся к солнцу голые камни.

Богаты и обильны недра, воды и леса Тувинской земли, дающие широкий простор для экономического развития страны.

Под почвой схоронено много золота, меди, каменного угля, иридия, графита, магнетита. Есть мрамор, есть и самоцветные камни. Из-под земли бьют целебные углекислые источники и сернистые горячие ключи. Встречаются целые озера с горячей минеральной водой. До самого последнего времени эти богатства почти не использовались. Только теперь Тувинская народно-революционная партия и правительство приступают к планомерной эксплуатации недр.

Бассейны рек и озер кишат рыбой (ленок, хариус, таймень, щука, налим, окунь и др.). Раньше употребление рыбы в пищу считалось среди тувинцев недопустимым, но эти времена прошли. Сейчас в Туве немало людей занимаются рыболовством. Существуют и специальные артели рыбаков.

В глубине тувинских лесов водятся великоленные соболи, карабкаются по каменистым высокогорьям зоркие рыси; свер-

кая белоснежным мехом, носятся грациозные горностаи; у берегов рек нежатся на солнце медлительные выдры и строят свои замысловатые жилища трудолюбивые бобры. Глухая гористая тайга оглашается по осени трубным «ревом» изюбрей. Богата Тувинская земля и белкой, и чернобурой росوماхой, и диким северным оленем, и медведем, и лосем, и волком, и горным козлом.

Звероловство издавна было одним из главных занятий тувинцев и теперь приносит республике немалую прибыль.

Какие же люди населяют эту страну?

В этнографическом паспорте тувинцев много вопросительных знаков и мало заполненных граф.

Имя «урянхайцы» происходит, как полагают некоторые авторы, от «улянка» — клички (и будто даже презрительной), данной тувинцам китайцами. В монгольском языке это слово звучит «урянхай» (вернее «уранха»).

Сами тувинцы именуют себя «туба». Это — название одного из скотоводческих племен, входившего некогда в политические соединения киргизов и кочевавшего по берегам реки Тубы, правого притока Енисея. Подчинив себе охотничьи племена предгорьев Саянов и Алтая, это племя распространило свое имя и на них.

Русские присвоили тувинцам имя сойоты, под которым они вошли в старую этнографическую литературу.

О происхождении сойотов никаких определенных данных нет. Высказывались предположения, что произошли они от самоедского корня. Однако, исследователи не обнаружили в языке сойотов сколько-нибудь заметных самоедских следов, да и физический сойотский тип весьма далек от самоедского. Ныне тувинцы говорят исключительно по-тюркски, сходно с карагаами.

Большинство тувинцев ведет кочевой образ жизни. Русское население обитает в поселках.

До начала XX ст. никаких городов в Туве не существовало. В 1913 г. русское правительство начало строить город Белодарск. Он расположился у левого берега Улукема, среди плоской пепельно-зеленой степи, на стыке дорог, ведущих из России в Туву и из Тувы в Монголию. Здесь несколько больших домов перемешались с деревянными хатами без крыш, землянками и войлочными юртами. Революционная

власть переименовала Белодарск в Кызыл (Красный), и под именем Кызыл-хото («хото» — монгольское слово, обозначающее город, селение, стену) он стал столицей Тувинской народной республики. Тувинцы называют свою столицу также Хем Бельдыр (т. е. слияние рек), потому что река Улукем, на берегу которой расположен город, образуется из слияния Бей-кема и Ха-кема.

Основное занятие тувинцев — скотоводство. Спецификой тувинского стада являются олени, животные в хозяйственном отношении очень рентабельные. Важенка (оленья самка) дает, правда, немного молока (не более $\frac{1}{2}$ литра в сутки), но ее молоко по жирности в 4—5 раз выше коровьего.

Тувинец проводит жизнь в постоянных перемещениях. Зимой он кочует по горным склонам, где из-под сдуваемого ветрами снега обнажаются сухие травы, весной спускается в речные долины, чтобы привести в порядок оросительные сооружения и посеять хлеб, ибо он обычно сочетает скотоводство с земледелием.

До середины XVIII столетия Тува управлялась монгольскими князьями, известными под именем Алтын-ханов, а затем была завоевана Китаем, став далекой окраиной Дайцинской империи. После Буринского договора, подписанного представителями России и Китая 20 августа 1727 года, принадлежность Урянхайского края сделалась неясной. Бассейны рек, текущих на север, закреплялись этим договором за Россией. Но русские, говорят, по причине плохого знания географии будто бы не разобрали, что верхнеенисейская котловина принадлежит им и расставили свои караулы по Саянам, вместо того, чтобы разместить их по хребтам Танну-Ола. Таким образом, Тува оказалась «ничьей» землей. Это обстоятельство не повергло, впрочем, в изумление ни ту, ни другую сторону. Русские чиновники относились тогда к Урянхайскому краю с полным равнодушием, а китайские старались выказать тувинцам презрение, уверяя себя в том, что «дикий народ только и возможно оставить на произвол судьбы, а не обуздать законами». В этом ядовитом замечании сквозит крепкая неапатия. У китайцев с тувинцами давние счеты. Китайцы не могли забыть, как во время своих военных набегов на Туву они бывали крепко биты «звероподобными урянхами». Помнили ки-

тайские чиновники и о том, что, когда неистовый Чингис-хан громил Поднебесную империю, его отборные дружины состояли именно из урянхайцев. Тувинцы входили в чингисову гвардию. Знаменитый сподвижник Чингис-хана Субудай и полководец Хубилай-хана Урянктай родились в Урянхайской земле.¹

Завоевание Урянхайского края китайцами ускорило в нем разложение первобытной общины, державшейся на кровном родстве и углубило пропасть между непосредственным производителем и господствующим классом. Централизованный манчжурский феодализм, восторжествовавший в Китае, наложил на Туву мертвую печать. Дробление крупных удельных княжеств способствовало выделению класса нойонов (служилых людей). Нойоны пользовались безграничной властью над имуществом и жизнью туземного населения.

Китайское правительство учредило в Урянхае очень сложную бюрократическую систему управления, все рычаги которого находились в руках китайцев. Урянхай был подчинен китайскому военному губернатору (цзянцзюню), живущему в Улясутае (город Внешней Монголии). Официальным правителем края являлся амбань-нойон, облаченный наследственной властью.

Урянхайская земля делилась на восемь хошунов.² Четыре из них, управляемые наследственными правителями с титулом «огузда», подчинялись амбань-нойону фактически, а остальные, входившие в состав монгольских княжеств, — лишь номинально. При амбань-нойоне состоял многочисленный штат управления из чиновников, ведавших административными, судебными

делами и сборами налогов, секретарей, писарей и пр.

Тувинский народ, содержа эту жадную ораву тунеядцев, взяточников и казнокрадов, сам голодал и нищенствовал. Пищета тувинцев вошла в монгольские пословицы и поговорки, а «урянхайской шубой» («дебел урянхай») называли одежду, от которой остались одни лохмотья.

Военно-феодалная диктатура нойонов держала тувинцев в тяжелой крепостной зависимости. Основная ее забота была направлена на взимание албана — государственного налога пушниной. Албан лишал туземца более, чем трети годового дохода. Но кроме албана существовали многочисленные хошунные сборы. Были еще различные повинности, среди которых главную роль играл так называемый ундурюг — особый сбор на одаривание улясутайских чиновников, принимавших пошлину. Что же касается «явлений» улясутайских властей тувинскому народу, то они становились подлинными народными бедствиями. Едва заслышав о приезде китайских или монгольских чиновников, тувинцы свертывали юрты и без оглядки устремлялись в горы, чтобы избежать встречи с вымогателями.

Достойными соратниками нойонов и китайских чиновников по грабежу аратов¹ были высшие представители ламаистского духовенства. Ламаизм, правда, не играл в Туву роли государственной религии, как в Монголии и Тибете. Он был принят тувинцами формально и его учение мирно уживалось с шаманизмом — древними верованиями в грозные силы одухотворенной природы. Ламы и шаманы поддерживали между собой самые добрососедские отношения. Над заболевшими ламами шаманы нередко совершали камлание, а некоторые шаманки охотно становились сожительницами лам.

Но если буддийское духовенство и не сумело целиком завладеть умами тувинцев, оно все-таки успешно обирало их. Монастыри являлись крупнейшими феодальными собственниками. Комбинируя торговлю с ростовщичеством, они обрастали товарными складами, обзаводились стадами, поддерживали живую связь с китайскими фирмами и монгольскими монасты-

¹ Представители тувинского народа оказали в свое время немало боевых услуг и нашей родине. Известно, что волжские калмыки (западная ветвь монголов) принимали самое деятельное участие в Отечественной войне. Их кавалерия доблестно сражалась с наполеоновскими войсками. Небольсин (см. «Очерки быта калмыков хошутовского улуса» в «Библиотеке чтения», 1852 г., стр. 42) указывает, что среди волжских калмыков существовало поколение «урянхус», отличавшееся изумительной храбростью. Во время Отечественной войны оно выказало чудеса героизма, защищая русскую землю от чужестранных захватчиков.

² Хошун (монгольское слово, обозначающее княжество) — административно-хозяйственная единица самоуправления в дореволюционной Монголии; удел, возглавляющийся родовым наследственным цзасаком (князем).

¹ Арат — монгольское слово, означающее «народ». В Монгольской народной республике и в Туву так называют трудящихся (скотоводов или земледельцев), не прибегающих к эксплуатации.

рями, служили базой, на которую в большой степени опирался монголо-китайский и свой феодализм и иностранный торговый капитал.

Постройку, ремонт, процветание монастырей оплачивали арагты. Хошун собирал с населения необходимые для этого суммы, приумножая монастырское благополучие.

Население содержало и отдельных лам, платя за молитвы о здравии, за «лечение» волшебными заклинаниями и снадобьями тибетской медицины, за погребальные церемонии.

Китай, таким образом, не управлял Урянхаем, а просто грабил его. Россия же «явочным порядком» колонизировала «ничью» землю. Урянхайский край заполняли русские купцы и скотопромышленники, строили здесь фактории по типу сибирских заимок, завозили товары и едва успевали подсчитывать барыши. Торговля была меновой. За пачку иголок тувинец платил две белки и столько же за восьмушку махорки. Ружье, стоявшее 3—5 руб., обменивалось на соболя, цена которого была 15—20 руб. «Салбак» (квадрат ширины) бязи «продавался» за 3—4 белки и т. д.

Русские купцы торговали «с подходом», используя для этого старинный обычай гостеприимства. Эффект получался блестящий. «Угости сойота на гривенник, а оборгуй на полтину — он ничего не скажет», — посмеивались русские купцы. И драгоценное пушное золото из рук протодушных сойотов переходило в купеческие амбары. Впрочем, туземцы скоро раскусили купцов. Они выразили свое мнение о них в известной пословице — «дай русскому палец, он возьмет целую руку», и прозвали русских нехорошим словом «нугульдук отыстор» (т. е. люди без чести и совести, способные на любую подлость). Однако, торговля продолжалась в том же духе, ибо выбора у тувинцев все равно не было.

Посредством остроумных ростовщических махинаций русские купцы наложили руку не только на пушнину, но и на тувинский скот.

Вслед за русскими купцами на Туву обрушились китайские торгаша. С помощью живодерства и ростовщичества они опутали паутиной вечной кабалы целые хошуну. Огурда получал от них деньги в кредит, а хошунное население несло за него полную ответственность, выплачивая

и долг, и проценты. Просрочка платежа грозила потерей всего имущества.

Так выкачивали живую кровь тувинского народа чужеземные и доморожденные хищники. А народ все более разорался и хирел, выражая скорбь и муки в песнях свонх.

В начале XX столетия царская Россия, желая упрочить свой восточный тыл, утвердиться на позициях, оставшихся ей после русско-японской войны, и развязать себе руки на Западе, начинает готовить захват Урянхайского края и усилению его колонизирует. С каждым годом все шире разливаются по Тувинской земле волны русских переселенцев. Сначала это были раскольники «искатели Беловодья» — чудесной страны, отгороженной от всего живого мира непроходимыми горами и дремучими лесами. За ними потянулись крестьяне из Енисейского края и минусинские инородцы (хакасы, татары и т. д.). Потомки этих переселенцев ныне образуют в Тувинской народной республике русскую колонию. Большинство из них помогают братьям-тувинцам строить новую жизнь. Но сохранились в Туве и раскольники, тупые и косные, враждебные или совершенно равнодушные к современности, представляющие себе мир таким, каким он был четыре века назад.

В 1914 году правительство царской России объявило над Тувой протекторат, но тувинцы, под влиянием освободительных идей китайской революции 1911 года, уже пришли в движение и царизму вскоре пришлось гасить вспышки народного гнева против русских колонистов, останавливать вооруженной рукой перекочевки тувинцев в Западную Монголию.

Февральская революция ничего не изменила. Временное правительство, стоявшее на страже интересов русского капитала, фактически продолжало в Урянхайском крае политику царизма. Лишь Октябрьская социалистическая революция зажгла над вершинами Саянских гор зарю освобождения. Против окопавшейся в Туве реакции Минусинский совет весной 1918 г. направил военную экспедицию. Когда экспедиция прибыла в Белоцарск, здесь был созван краевой съезд, избравший Совет рабочих и крестьянских депутатов. Но вскоре Енисейская котловина запылала в пламени гражданской войны.

По тувинским степям и нагорьям рыскали казаки колчаковского комиссара Тур-

чанинова. Казачья нагайка гуляла по спинам тувинцев, грубые казачьи сапоги топтали изнасилованных женщин, казачья рука громила и жгла мирные жилища. Западную часть Тувы оккупировал своим отрядом комиссар китайского правительства Ян-Шицао, в центре и на востоке свирепствовала монгольская кавалерия. Ее предводитель неистовый Хатон-Батар-ван неплохо инсценировал в Туве времена Чингис-хана.

Затем в Туве появились отступающие из Сибири белогвардейцы. Они объединялись с местными кулаками и контрреволюционерами, организовывали банды, терроризировали русское и тувинское население. Доблестно дрались на Тувинской земле с врагами советской власти и тувинского народа красные партизаны под командованием Щетинкина и Кравченко.

Наконец и сами тувинцы выступили против своих угнетателей. В марте 1921 года они полностью истребили отряд Ян-Шицао и активно помогли красным войскам, которые должны были перейти границу Тувы, чтобы покончить с бандитскими гнездами.

Если раньше тувинцы относились ко всем русским враждебно, то теперь они научились различать русских белых (ак-улус) и русских красных (кызыл-улус). Они поняли, что ак-улус, из которых состояли унгерновские банды, устремившиеся из Монголии в Туву, — их враги, и в знаменитом бою на реке Тарлакшине, плечом к плечу с партизанами Кочетова, наголову разбили белогвардейцев. Они изгнали с Хемчика банду Казанцева, вторично явившуюся сюда из Улакома, чтобы предпринять новый поход против русских поселков.

16 августа 1921 года, когда в ряде районов еще вспыхивали зарницы гражданской войны, собрался учредительный съезд тувинского народа, объединивший все хошуны. Он объявил Туву самостоятельным государством, избрал правительство, восстановил взаимоотношения с русской колонией на основании договора 1918 г., предусматривавшего образование в ней советской власти и воспрещавшего новое переселение русских в страну. Съезд вынес решение изъять из официальной переписки с другими странами такие слова, как «урянь» «уряньхаец», «сойот», изобретенные угнетателями тувинского народа и потому оскорбительные для него.

9 августа того же года РСФСР отказался от протектората, установленного над Тувой царской Россией, а 12 декабря Великий хурал (Всенародное собрание) провозгласил Туву народным государством, принял конституцию и аннулировал все долговые обязательства населения до 1921 года, т. е. раз и навсегда вырвал тувинский народ из кабалы китайских торговых.

Старый Урянхай, гнездо ярых хищников, неугомимых в грабежах и насилии, проклятый мир нищеты, мрака и произвола, сторел в пламени революционной войны. Возникла свободная Тува, государство трудящихся скотоводов, земледельцев и звероловов.

«Республика Танну-Тувы является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах самоуправлением танну-тувинского народа, — провозгласила временная конституция 1921 года. — Все граждане Танну-Тувы равны перед законом, издаваемым с согласия всего народа. Республика заботится о просвещении народа и поднятии его культурного уровня. Гражданам Танну-Тувинской республики предоставляется право исповедывать по своему усмотрению какую угодно религию... Республика ведет в союзе с Советской Россией решительную борьбу с белыми и другими империалистами, стремящимися превратить территорию Танну-Тувинской республики в колонию иностранного капитала».

Эта решительная декларация знающего себе цену, уверенного в своих силах и способностях свободного государства, возникшего в стране рабства, невежества и нищеты, для многих явилась неожиданной. Злопыхатели и ненавистники разразились гомерическим хохотом. Лица, занявшие позицию наблюдателей, не удержались от мрачных пророчеств. Одни усмотрели в конституции проявление злой воли, другие — явного безумия, которое неминуемо приведет страну к гибели.

Молодая республика действительно очутилась перед лицом трудностей, казавшихся в то время непреодолимыми. Нойоны сидели на своих местах. Они владели землями, пользовались всеми преимуществами своего положения. Ламы и шаманы властвовали над сознанием скотоводов. Правительство для управления страной нуждалось в грамотных людях, но грамотными были только светские и духовные

князя, нойоны, высшие чиновники. Кроме того, в тувинских кочевьях и русских поселках еще тлели очаги белого бандитизма. Республика находилась в состоянии разрухи: стада и табуны поредели, мосты были разрушены, многие поселки сожжены. Тувинская народно-революционная партия поставила перед собой подлинно героическую задачу: при существующих условиях, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, вывести аратские массы на путь преобразования своей страны, создать государство, имеющее промышленность, банковскую систему, внутреннюю и внешнюю торговлю, армию и всевозможные культурные учреждения. У народно-революционной партии не было для этого ни опыта, ни знаний, ни кадров. В ней самой окопались ее же ненавистники и предатели, а вокруг бушевала враждебная стихия. Но революционный дух, вера в торжество своего дела, великая любовь к народу и могучая страсть к созиданию победили все и всяческие трудности.

6 июля 1923 года были изданы первые законы о труде, разделе земли, уничтожении старых привилегий. Однако, урезав политические права светской и церковной феодальной знати, республика не могла сразу сломить их экономическую мощь. Началась длительная и упорная борьба.

Весной 1924 года феодалы и ламы пошли на открытое восстание против правительства с целью вернуть себе власть над народом. Феодалы же и старые чиновники, проникшие в государственный аппарат, вкупе с ламами и кулаками, пытались тем временем всеми средствами дискредитировать в глазах аратов идею национальной независимости. Они желали, восстановив в стране старые порядки, расправиться с аратской революцией. Для этого им нужно было объединиться с феодально-теократическими монгольскими кругами, подготовлявшими расправу над монгольской революцией. Решив действовать совместно, они прежде всего поставили своей целью превратить Туву в один из северных аймаков Монголии и принялись осаждать правительство монголофильскими петициями.

24 ноября 1926 г. 4-ый Великий хурал присвоил Туве имя Народной республики, но враги трудящихся старались обратить его в пустой титул. ЦК Тувинской народно-революционной партии находился тогда в руках правых элементов, которые заботились прежде всего о том, чтобы не обидеть феодалов и лам, а главное — напри-

вить страну на путь капиталистического развития, взрастить национальную буржуазию. Они не только у себя на родине, но и за рубежом пытались представить дело так, что в Туве, собственно, почти нет эксплуатации, что богачи — совсем не угнетатели, а просто добрые люди, оказывающие беднякам посильную помощь.

В интересах быв. феодалов, лам и зажиточного населения враги аратов вносили извращения и произвол в налоговую политику, придавали работе кооперации, банка и местных управлений уродливые формы.

Левая оппозиция, окрыленная возмущением партийных масс против правого руководства, решила дать ему бой. Она разоблачала его на IV съезде Тувинского революционного союза молодежи, а затем на II пленуме ЦК ТНРП. Съезд осудил деятельность правого руководства, а пленум принял резолюцию, целиком изменившую внутреннюю политику партии и правительства. Курс, взятый II пленумом, получил уточнение и был закреплен на VIII съезде ТНРП, который разработал ряд серьезных мероприятий, направленных к подлинному обновлению социально-экономического строя республики. Это случилось на рубеже 1927 и 1928 гг. и ознаменовало собой перелом, имевший огромное значение для страны. В 1931 году правительство конфисковало имущество быв. феодалов, окончательно лишив их возможности эксплуатировать трудящиеся массы. Затем такая же участь постигла и монастыри. Они были закрыты и монашество стало исчезать.

Республика позаботилась прежде всего о нуждах бедняцких хозяйств. Беднякам была передана часть скота, конфискованного у светских и духовных феодалов. Кроме того, произошли значительные перемены в самом распределении скотоводческого фонда по социальным группам. Ныне основная стада и табунов находится в руках бедняков, на долю же наиболее зажиточных слоев населения приходится лишь 10—12% скота.

Начиная с 1933 года правительство пошло на снижение и упрощение сельхозналога. По новой налоговой системе арат за одну голову взрослого крупного рогатого скота платит 20 коп., за лошадь — 30 коп., за овцу или козу старше 6 месяцев — всего 5 коп. Посев облагается в размере 1 руб. с гектара орошаемой площади и 50 коп. с гектара богарной (неполивной).

Около 40% населения от уплаты налогов освобождено вовсе.

Сплотив вокруг себя широкие аратские массы, партия и правительство быстро добились решающих успехов на всех фронтах хозяйственного и культурного строительства, что дало право премьер-министру Чурмит Тапин доложить в 1935 году Великому хуралу следующее:

«В стране не найдется уже феодально-эксплуататорских хозяйств, а также не осталось почти аратов, имеющих в своем хозяйстве менее пяти бодо.¹ Теперь не встретится нищенствующего арата, редко можно увидеть аратов, которые бы непосредственно на тело надевали кожаную одежду, как это было раньше. Большинство одевается в белье из добротной ткани. Несомненно мы имеем также большой культурный рост страны».²

В результате этих мероприятий, заложивших прочные основы для перехода страны на путь некапиталистического развития, 11-й Великий хурал, собравшийся в ноябре 1939 года, смог записать в своих протоколах новое решение об «успешном развитии Тувинской народной республики по некапиталистическому пути».

Тува окончательно оформилась и стабилизировалась, как демократическое государство особого типа, характеризующееся господством аратских масс и идущее «через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Конституция Тувинской народной республики, состоящая из 6 глав и 61 статьи, последняя редакция которой принята на 7-м Великом хурале в 1930 году, предоставляет избирательные права всем гражданам, достигшим 18-летнего возраста, за исключением бывших феодалов.

Верховным органом власти является Великий хурал, выделяющий из своей среды Малый хурал в составе 25—30 человек, сессии которого происходят не менее двух раз в год. Между сессиями Малого хурала высшим органом власти становится его президиум и избираемое им правительство. В совет министров входят: министры иностранных дел, животноводства и земледелия, финансов, культуры, внут-

ренних дел, торговли и промышленности. При президиуме Малого хурала действует Верховный суд и республиканская прокуратура.

Страна делится на 9 хошунов. Хошуны слагаются из сомонов, сомоны — из баквов. Первичная административная единица — арбапа (десятидворка).

Успехи, которых добилась Тува при республиканском строе, трудно перечислить. Республика создала по существу совершенно новую страну.

Данные о тувинском скотоводстве, благодаря несовершенству туземной статистики, весьма скудны, но все же достаточно красноречивы. Всегувинская сельскохозяйственная перепись 1931 года определяла животноводческий фонд страны в 1 108 625 голов. По сведениям, относящимся к 1939 году, Тува насчитывает 1 401 100 голов скота, т. е. в два раза больше, чем имела она в 1916 году. Рост поголовья способствовало проведение коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств.

Значительно увеличилась за последние годы и посевная площадь. В 1927 г. было засеяно 13 574 га, в 1936 г. — 28 202 га, а в 1938 г. — уже 33 600 га. Возникло несколько десятков сельхозкооперативов и 4 крупных государственных сельхозпредприятия. На полях работают десятки тракторов, сотни простых и сложных машин. Старая «кормилица» Тувы деревянная мотыга почилла от дел творения.

Тувинские урожаи, несмотря на недостатки почвы и неудобства рельефа, баснословны. Яровая пшеница, например, дает 160—200 пудов с десятины. Однако раньше, даже в урожайные годы, туземцы нередко жили впроголодь, что, между прочим, объяснялось неумением хранить зерно. Тувинцы сыпали его в ямы и к весне у них ничего не оставалось.

Колхозное движение, охватившее широкие аратские массы, дало решительный толчок к перестройке всей работы земледельца. Ныне тувинцы предпочитают зерно свозить в колхозные амбары, сеять не просо и ячмень, как делали прежде, а пшеницу, не ковырять землю самодельной сохой, а обрабатывать ее плугом. Вместо земляных ям для ягнят они строят теперь хлев и заготовляют корм для скота, что устраняет надобность трудных и мучительных зимних перекочевков.

¹ Бодо — платежная единица при учете скота, равная взрослому быку.

² Цитируем по статье доцента Ф. Шепетова «Танну-Тувинская народная республика» («Советское краеведение», № 11, 1936 г., стр. 80).

Тувинцы отлично сознают, что кочевой быт тормозит культурное развитие страны и начинают переходить на оседлость.

Республиканское правительство проявляет к этим новым требованиям населения самую чуткую заботу, увеличивая с каждым годом кредитование бедняцких и середняцких хозяйств.

Большими событиями в жизни республики явились организация банка и введение твердого бюджета. Тувбанк создан в сентябре 1925 г., а в 1927—28 г. он уже имел прибыль. До 1926 г. правительство строило свои планы на основе случайных поступлений средств. Первый твердый бюджет был составлен только в 1927—28 году. Бюджет 1928—29 г., благодаря хорошему выходу белки, развернувшейся внешней торговле (которая является государственной монополией) и строгому режиму экономики, позволил отпустить весьма крупные ассигнования на жилищное строительство, разработку природных богатств, организацию мастерских и заводов, школ, больниц, телеграфа, телефона и пр. С этого времени госбюджет неуклонно растет. Составленный первоначально в сумме 635000, в 1939 году он достиг 5752000.

Отсутствие национальной валюты вредило торговле, сводя ее к простому товарообмену. И вот в 1936 г. Тува получила свою валюту. Денежной единицей стала акша, равная 1 р. 30 к.

Республика создала собственную промышленность. Добывается золото, асбест, уголь, соль, работают овчинно-шубные, пимокатные, кожевенные, лесопильные и кирпичные заводы, крутятся жернова мельниц, электростанции посылают в юрты и дома свет и тепло, тяжело дышат типографские машины, выбрасывая шуршащий поток бумаги.

Промпредприятия, как и все крупные единицы тувинской экономики, — собственность государства. Предприятия кустарного типа принадлежат промкооперации. В 1938 г. Тувинская промкооперация насчитывала 25 артелей.

По степям и горам Тувы грохочут теперь тяжелые автомашины, связывающие хошунные центры между собой и со столицей республики и перевозящие товары из СССР в Туву и обратно. По Енисею плавают советские и тувинские пароходы.

С удивительной быстротой возникают новые города. Еще каких-нибудь десять лет назад на месте нынешнего города Ча-

дана, Чун-хемчикского хошуна, стоял монастырь, а вокруг было разбросано несколько жалких кочевых юрт. Теперь здесь выросли деревянные дома, в которых расположились школа с интернатом, аптека, банк, клуб, ветеринарный пункт, почта, электростанция, телефон и т. д. Хошунные центры, как общее правило, электрифицированы и радиофицированы. В каждом из них можно встретить и школу, и больницу, и клуб.

Столица Тувинской народной республики — Кызыл-хото — отлично распланированный город с безукоризненно-прямыми улицами. Последние годы столица Тувы принимает все более солидный и культурный облик. Вдоль главной улицы тянется бульвар. На берегу Енисея раскинулся тенистый сад. В центре столицы — большой универсальный магазин, магазин книжный, гастрономический, посудно-хозяйственный, банк, театр, кино, клубы, несколько школ и среди них — краса и гордость Кызыла — учебный комбинат, первое трехэтажное здание в стране. На улицах столицы — оживленный гул голосов, конский топот, шуршание шин автобусов, легковых «ЗИС» и «М-1». В зданиях современного типа и древних юртах расположились учреждения партии и правительства Тувинской народной республики и органы советской власти русской колонии. Юрты и дома не противостоят друг другу, как это было во времена Белоцарска, а дополняют друг друга. В них кипит совместная работа, совместно строится государство трудящихся. А на горе близ Кызыла сверкает под лучами солнца выложенное белыми камнями имя Ленина — символ великой и нерушимой дружбы советского и тувинского народов.

Расширяются и крепнут торговые связи страны Советов с Тувинской республикой.

Тувинская народно-революционная партия, преобразуя хозяйство страны, занята и перековкой бытового уклада народа.

Верными помощниками партии и проводниками ее идей в аратских массах являются ревсомольцы. Они — застрельщики всех и всяческих новшеств. Старики иногда ворчат на молодежь за ее неприязнь к освященным веками традициям, но делают это скорее «порядка ради». Что может спокойная старость возразить мятежной юности? Защищать ей нечего. Ведь «доброе старого времени» в Туве никогда не существовало: старое время

это — мучительные и страшные годы нищеты, рабства и отчаяния.

Тувинские ревсомолы — настойчивый и смелый народ. Под их сильными руками трещат и рушатся устои древнего кочевого быта, каленым железом они выжимают «родимые пятна» феодализма.

А пятаи этих немало еще на теле Тувинской республики. Взять хотя бы обычай подвешивания роженец подмышки или варварский ритуал «выжимания», заключающийся в том, что муж роженницы, упираясь коленом ей в ягодицы, изо всей силы давит руками на живот. В некоторых местах практикуется общность жен, основанная на принципе: «никто не должен брезговать женой брата».

Сифилис и трахома — основные болезни Тувы. В прошлом «лечением» сифилиса за три рубля занимались ламы, а трахома «излечивалась» собственными средствами: через длинную трубку (ганзу) в глаз больного вдвудали слюну — вот и все «лечение»!

С 1913 г. в Туву ежегодно командировались русские врачи, но они обслуживали лишь русское население и туземцами интересовались мало. Первым медпунктам, организованным республиканским правительством, пришлось работать день и ночь. Толпы сифилитиков осаждали их. Одни больные приезжали сами, других доставляли на носилках. Вокруг медпунктов возникали целые поселения, на место выздоравливавших вновь и вновь появлялись больные.

К 1935 году в Туву насчитывалось 9 больниц и столько же амбулаторий. Теперь страна имеет 12 больниц, 22 амбулатории, несколько аптек и хорошо оборудованный курорт. Сифилис за последние годы пошел на убыль, однако до полной его ликвидации еще далеко.

Многое уже сделано. Культура обогрдила быт. Санитарно-просветительная работа дала отличные результаты. Некоторые варварские обычаи, служившие источником эпидемий, отошли в область преданий. Раньше тувинцы нередко питались трунами павших от болезней животных. Теперь этого нет. В Туву, как и в Монголии, испокон веков существовал обычай выбрасывания мертвецов в степь, на растерзание голодным собакам, хищным зверям и птицам. Лама за соответствующую мзду указывал «место, угодное богу». Покойника волокли туда, и чем скорее труп разрывали собаки или волки, тем лучше:

значит, покойник «угодил богу». Ныне этот дикий обычай исчезает. В юртах стало чище и опрятней. Население участвует широко пользоваться водой для мытья посуды, стирки белья, купанья.

Оздоровление бытовых условий и медицинская помощь снизили процент смертности. Особенно велика была в прошлом смертность среди детей. Кроме того, дети нередко рождались мертвыми. Нежная любовь к детям — типичная черта тувинского характера. Еще ни одна тувинка не обращалась по личной инициативе в больницу для добровольного аборта. Тувинцы всегда берегли детей и заботились о них, как могли и как умели. Но дикие нравы, беспросветное невежество и горькая нищета косили малышей. Сразу же после рождения, ребенка, согласно обычаю, обертывали плохонькой шкуркой, укладывали в особую зыбку-санки (бижик) и плотно стягивали ремнями. В таком положении, окруженный мазями и лишенный возможности двигаться, малыш оставался долгое время. Подрастающие дети лето и зиму бегали нагишом, забираясь от холода под овчину. Теперь во многих тувинских семьях от этих обычаев не осталось и следа. Детей не привязывают ремнями к зыбке, а малышам, умеющим ходить, шьют белье и платица.

«Женщина не должна погружаться в воду, чтобы не загрязнить ее», — вещает старотувинский закон.

Ныне среди молодежи это мрачное «табу» вызывает веселый смех. Девушки-тувинки не только погружаются в воду, но и берут призы по плаванию и даже заботятся об удобствах и изяществе купального костюма. Многие из них носят европейские платья и никак не верят рассказам своих матерей о том, что те в свои молодые годы не знали зачем существует мыло, не видывали зубных щеток, не нашивали белья, не имели представления о полотенцах.

Прекрасным оружием борьбы с уродствами древнего быта и тонким инструментом новой культуры явился тувинский латинизированный алфавит, завезенный летом 1930 года студентами КУТВ из Москвы. До этого времени тувинский народ не знал национальной письменности и грамотных среди аратов не встречалось. Официальная ведомственная переписка велась на монгольском языке, а монгольской грамотой владели лишь ламы, нойоны и чиновники.

Потребность в национальной письмен-

ности оказалась настолько острой, что на латинизированный алфавит сразу же кинулась вся страна. Через месяц после его введения ревсомольцы хором твердили буквы. Букварей не хватало и они переписывались от руки. Особенно усердствовали в учебе девушки, но не отставали от них женщины зрелых лет и даже старухи. Маслов в одном сомоне встретил весной 1931 года тувинку Токнуй, которая, несмотря на свои 60 лет, принялась за учебу, как только в ее арбане появилась азбука. Выучившись сама, Токнуй стала учить других. Она ездила по кочевьям, собирая вокруг себя детей и подростков.

Плоды усердной учебы сказались быстро. Через какие-нибудь 5—6 лет после введения национального алфавита 50% тувинцев были приобщены к грамоте. Сейчас 95% населения Тувинской народной республики умеет читать и писать. Вместе с ростом числа грамотных растут и требования, предъявляемые к печатному слову.

С 1930 года в Кызыле начало свою деятельность Тувинское национальное издательство и за десять лет выпустило на родном языке более двухсот названий книг. В столице республики выходят три газеты: «Шин», «Реване шин» и «Хостух арат», общий тираж которых равняется 12 тыс. экз., и два журнала. Все они издаются на тувинском языке.

В 1941 году появился новый литературно-художественный журнал, названный «Революцион херели» («Заря революции»). Первый его номер открывает портреты Ленина, Сталина и генерального секретаря ЦК Тувинской народно-революционной партии Тока. Тока не только политический деятель, но и крупнейший национальный писатель, один из основоположников тувинской литературы и драматургии. Его литературной работе и заслугам на поприще отечественного революционного искусства посвящена переводная статья. Крупнейший тувинский поэт Пюрбю выступил в журнале со своей новой поэмой «Чеччек», написанной, между прочим, под сильным влиянием средне-азиатского фольклора. Много места уделено переводам на тувинский язык стихов Пушкина; Пушкин представлен своими творениями: «Памятник», «Деревня», «Ода Вольности». Специальная статья освещает значение гениального поэта и особо подчеркивает влияние, которое он оказал на тувинскую

поэзию. Наличие в журнале большого количества литературно-критических статей свидетельствует о высоком подъеме национальной культуры.

Первейшую роль в этом подъеме сыграло народное образование, являющееся предметом неустанной заботы партии и правительства. До революции в Урянхайском крае не существовало ни одной школы. К 1935 году Тувинская народная республика насчитывала уже 19 постоянных и 15 сезонных (летних) школ, а в 1939 году количество постоянных школ возросло до 58, а летних — до 40. Значительно увеличилось и число учащихся. В 1934 году школами было охвачено 13% тувинских детей, в 1936 — 22%, а теперь — свыше 50%. Центром учебной и научной жизни страны является Кызылхото. Там за последние годы создано несколько специальных учебных заведений, и среди них: педагогический техникум, центральная партийная школа, ветеринарно-зоотехническая, медицинская и театральная школы. С каждым годом все шире разворачивается политико-просветительная работа. Десятки юрт-читален и кинопередвижек, появляясь в разных концах республики, несут тувинскому народу новую революционную культуру.

И с этой стороны горы,
И с той стороны горы...
Живем мы между ними,
И не знает нас никто —

жаловалась старая урянхайская песня.

Времена, когда разносился по унылой Тувинской земле этот грустный напев, ушли безвозвратно. Тувинскую народную республику знает весь мир. Она — самостоятельное, полноправное государство. Ее границы стережет собственная Народно-революционная армия, волю ее народа выполняет народом избранное правительство. Внутренней и внешней политикой руководит Народно-революционная партия — авангард аратских масс.

Страна Советов — верный и испытанный друг тувинского народа. Она помогает ему словом и делом, а если понадобится — защитит его своим оружием, как защитила Монгольскую народную республику в грозный час, когда на рубежи ее кинулись империалистические хищники.

**

Мы заглянули в зловещий мрак, царивший над проклятым Урянхайским краем, увидели Туву в солнечном свете сегодняш-

него дня. Какой же она предстанет перед нашими глазами завтра?

Густы и богаты зверем тувинские леса, быстры реки, обильны сокровища недр. Когда начнется разработка лесов и разовьется охота — неудержимым потоком потечет на внешние рынки древесное и пушное золото Тувы. На реках уже сейчас в ряде пунктов ведутся гидротехнические работы. Когда воды будут скованы плотинами — в оросительные каналы на жаждущие земледельческие поля устремится живительная влага, которая даст стране бесчисленные тонны высококачественной пшеницы. Излишки хлеба пойдут за рубежи обмениваться на валюту. За мясо, шерсть и молоко своего скота Тува

получит много машин, тканей и недостающих ей продуктов питания. Наконец, на Тувинской земле загудит и загрохочет собственная индустрия. Раскроются недра Тувы и свободный тувинский народ, подлинный хозяин сокровищ своей земли, станет полными пригоршнями черпать золото, добывать медь, рубать в шахтах каменный уголь. На эти богатства он устроит свою жизнь так, как захочет. Он придет в «коммунистическое далеко» не по дороге ужасов и бед, проложенной через ад капитализма, а широким и светлым путем, указанным Лениным, и поможет другим, еще угнетенным и отсталым народам строить новую жизнь своими знаниями, своим мудрым опытом.

ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРСКОГО ЦАРСТВА

360-летие похода Ермака

У великого русского народа много любимых песен о своих героях и богатырях. Не только на берегах Иртыша и Оби, на сопках Забайкалья и Приморья, у Тихого океана, но и на берегах Балтики и под южным крымским солнцем поет русский народ любимую песню о замечательном богатыре, человеке с блестящими военными способностями, атамане вольных казаков — Ермаке Тимофеевиче.

Ревела буря, дождь шумел;
во мраке молнии блистали,
бесперерывно гром гремел
и ветры в дебрях бушевали...

Ко славе страстию дыша,
в стране суровой и угрюмой,
на диком бреге Иртыша
сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
побед и громозвучной славы,
среди раскинутых шатров
бесечно спали близ дубравы.

«О, спите, спите, — мнил герой, —
друзья, под бурейо ревушей!
С рассветом глас раздастся мой,
на славу, иль на смерть зовущий!»

Эту хорошо известную песню написал поэт-декабрист Кондратий Федорович Рылев.

История великого русского народа полна героических страниц. Много славных дат помнит русский народ, ибо эти даты — его национальная гордость, историческое свидетельство его героизма, мужества и силы. Среди этих дат 1581 год — начало похода Ермака за Урал, в Западную Сибирь — имеет немалое значение.

Слава о подвигах Ермака прогремела по всей Руси, русский народ сложил о Ермаке и его дружине много песен и былин.

В одной из песен поется:

«Ой вы гой еси, атаманы!
Эй вы, делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладывайте бабайчики сосновые:
Мы пойдемте, братцы, с божьей

помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх
по Волге-реме,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоюем мы царство Сибирское.»

В народной былине рассказывается:

Во славном понизовом городе

Астрахани,
Против пристани матки Волги-реки,
Сходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славные атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
и Анофрий Степанович;

И стали они во единый круг,
Как думати думушку за единое.
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы казачие!
Некорыстна у нас шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыствовались;
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик итти — переход велик,
В Казань итти — грозен царь стоит,
Грозен царь осударь Иван Васильевич;
В Москву итти — перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным; —
Пойдемте мы в устье ко Строгановым,
К тому Григорию Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым —
Возьмем мы много свинцу, пороху и запасу
хлебного.»

**

Известно, что дед Ермака — Афанасий Григорьевич Аленин — был уроженцем города Суздаля и занимался извозом. Был

он незаурядным человеком, принимал активное участие в борьбе горожан против бояр, за что был посажен в тюрьму. Из тюрьмы ему удалось бежать, и с своими сыновьями — Семеном и Тимофеем — он ушел на Каму. Там у Тимофея родился сын Ермолай, а сокращенно — Ермак.

Свои молодые годы Ермак провел на Каме. Он работал батраком, бурлачил, сплавлял лес. Ермак обладал огромной физической силой, умел очень хорошо говорить, был смелым и сметливым человеком. Ермак не мог не видеть, каким насилием и несправедливостям подвергается трудовой народ со стороны бояр и купцов. Он собирает вокруг себя артель из батраков, беглых и вольных людей — казаков — и начинает борьбу против угнетателей народа.

Ермак был смелым, храбрым атаманом. Недаром былины, народные песни и летописи прославляют его доблесть и отвагу. В «Сибирских летописях» указывается, что Ермак «Ве бо велми мужественен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск, плечист».

Вместе со своими товарищами — казачьей гольгтыбой — Ермак совершал набеги на ногайцев на Волге и на Каспийском море, нападал на купеческие речные караваны, нападал на московских бояр, — и большую часть отобранного у богачей добра отдавал бедноте. Росла среди обездоленного люда слава Ермака, донского казака.

В середине и конце XVI века московским царем был Иван Грозный. Он 24 года воевал, чтобы захватить Прибалтийские земли и иметь удобный морской путь для торговли с Заграницей. Против московского государства тогда воевали немецкие рыцари и шведы, захватившие Балтийское побережье, поляки и литовцы, забравшие белорусские земли. А с юга непрерывно нападал на Русь крымский хан Давлет-Гирей.

Войны, проводившиеся Иваном Грозным, требовали много железа и пороха. Эти военные материалы частично изготовлялись на Урале, а также ввозились из Персии (Ирана) по Каспийскому морю и Волге. Волжский же водный путь был под ударом казаков, которые нападали на купеческие караваны и затрудняли доставку военных материалов в Москву. В 1576—1577 году сообщение по Волге почти совсем прекратилось. К тому же казаки убили нескольких персидских послов и купцов, что

грозило разрывом торговли между Московским государством и Персией.

Иван IV вынужден был перебросить с фронта значительные военные силы против казаков. Против них был послан в октябре 1577 года стольник воевода Иван Мурашкин с большим войском. Ему удалось довольно быстро разгромить казачьи отряды, воспользовавшись разрозненными действиями атаманов. Лишь немногие казачьи артели отошли за Волгу, в числе их был и Ермак.

Умный и горячо любящий свою родину, Ермак понял, что своими нападениями на волжские караваны он наносит вред не столько отдельным купцам и боярам, сколько России, на которую в то время нападали враги с запада и с юга.

На восточных границах Московского государства также было неспокойно. Из-за Урала на русские пограничные районы совершал набеги татарский хан Кучум. Он грабил русское население, сжигал все населенные пункты, убивал жителей, а женщин и детей уводил в плен.

**

Сибирское татарское царство, судя по летописям, было основано татаро-монголами в XIII веке, во время походов Чингисхана.

В Архангельской летописи под 1483 годом упоминается Тюмень (обширное татарское ханство). Летопись гласит: «послать... да и в Югру на Обь, реку великую... пошли мимо Тюмень в Сибирскую землю».

Сибирские татары уже во второй половине пятнадцатого века были организованы в могущественное ханство, имели города (Чинги-Тура, Явлу-Тура и другие), вели торговлю с государствами Средней Азии. Подтверждается это археологическими находками. По сообщению директора тюменского музея тов. Россомахина, в музее были два серебряных сосуда, с надписями на древнем арабском языке. Время изготовления сосудов можно было отнести к XI—XII веку нашей эры. Найдены были сосуды у устья реки Иксы, притока реки Тавды, на городище. В настоящее время сосуды эти находятся в Государственном Эрмитаже. В Тюмени были найдены две медные чашечки иранской работы с орнаментом, относящимся также к XI—XII векам.

Повидимому, к началу XVI века Сибирское царство занимало обширную территорию в бассейне рек Тавды, Туры, Тобо-

ла, Ишима и Иртыша. Так, Герберштейн, в начале XVI века приезжавший в Москву, в своих «Записках о Московии», основываясь на расспросах населения, писал: «За Вяткою и Казанью, в соседстве с Пермью, обитают татары, называющиеся Тюменскими, Шейбинскими и Кайсацкими»...

Во второй половине XVI века, при Кучуме, Сибирское царство достигло наибольшего развития. Очевидно, его южные границы находились в Барабинских степях, западные — проходили по западным склонам Уральского хребта, северные — шли узкой полосой по берегам Иртыша на север, врезываясь в земли, населенные ханты (остяками) и манси (вогулами). На обский север татарам продвинуться не удалось. Правда, обдорские князья иногда платили сибирскому хану дань, но это не носило систематического характера.

Проф. С. В. Бахрушин в примечаниях к «Истории Сибири» Миллера (том I, изд. Академии наук СССР) пишет, что «власть сибирских ханов распространялась за пределы земель с татарами и отатарившимся населением. Сибирские ханы собирали ясак (дань) «со многих низовых язык», т. е. с живших по нижнему течению Оби... В другом направлении власть Кучума распространялась на вогульские племена, жившие вдоль пути Турою за Урал на Каму, даже на европейской стороне Уральских гор».

При татарском хане Махмете, сыне хана Адера, центр Сибирского царства из Чинги-Тура был перенесен в Кашлык или Искер; русские называли этот город Сибирь. Махмету удалось освободить свое ханство от зависимости Казанскому царству. В Ремезовской летописи сообщается, что «Махмет-царь казанского царя Алима победил и на усть речки Сибири град Кашлык učinил, царство в Сибири распространив и поддани učinил. А оттоле нача славнее зватися Сибирь».

Географическое положение Искера, ставшего центром Сибирского царства, было более выгодным, чем Чинги-Тура (Чимга). Искер находился в центре территории, населенной тобольскими татарами. Искер был связан водными путями — Иртышом, Ишимом, Вагаем, Тоболом, Омью — с далеким Китаем, Бухарой, Барабой, Казахской, Киргизской и Ногайской ордами. Все это способствовало развитию торговых и политических отношений. По Иртышу создается укрепленная сеть городков — Се-

узгун — Тура, Бицик — Тура, городок на Чувашском мысе, городок Мурзы Аттика, Ебалак.

В царствование внуков хана Махмета — Едигера и Бекбулата Сибирь вступает в юридические отношения с Московией. Татарские ханы, после завоевания Иваном IV Казани (1552 год), реально оценив соотношение сил, на некоторое время добровольно признали свою вассальную зависимость от Московского государства.

Вести о могуществе московского царя, о падении Казанского и Астраханского царств тревожили сибирских ханов. Они начали заискивать перед Московией, посылая туда знатных послов с подарками. Так, в январе 1555 года хан Едигер отправил к московскому царю Ивану Васильевичу послов, которые били челом «чтобы государь князя их (Едигера) и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятностей заступил, дань на них свою наложил и человека своего прислал, кому дань собирать».

Иван IV принял Сибирь «под высокую свою руку» и отправил туда посла Дмитрия Курова. Историк Миллер, на основании русских летописей, сообщает, что «в 7065 (1556) году в ноябре месяце возвратился в Москву некий Митька Куров, который послан был в Сибирь. С ним прибыл посол сибирского князя Едигера, по имени Боянда, который привез царю дань в 700 соболей».

Очевидно, Дмитрий Куров был первым послом от Москвы в Сибирское царство и первым русским человеком, посетившим Искер — стольный град Сибири.

Во второй раз Иван Грозный получил от Едигера дань — 1000 соболей, дорожную пошлину — 169 соболей и «шертную» грамоту, то есть грамоту с присягой, в которой Едигер признавал себя подданным московского царя, его холопом (слугой).

Мирное царствование братьев Едигера и Бекбулата было нарушено грубой силой и окончилось для них трагично. Из казахских степей в 1556 году в пределы Сибирского царства вторгся хан Кучум. Он завладел Сибирским царством и убил Едигера и брата его — Бекбулата.

Об этом событии в Есиповской летописи записано так: «Приде же степью из Казачьи орды царь, зовомый Кучюм, Муртазеев сын, со многими воинскими людьми и доиде до града Сибири и град взя и князей Едигера и Бекбулаха уби и про-

звался Сибирский царь, и многи языци тое Сибирской земли повинные себе сотвори».

По свидетельству хараймского писателя Абулгази, Кучум происходил из рода Чингис-хана по колену внука его Шейбани, бухарского хана. Историк Сибири П. А. Слопцов предполагает, что Кучум был вольным человеком, простым узбеком.

В первое время по завоевании Сибирского царства Кучум поддерживал с Московским государством мирные, добрососедские отношения. Иван IV, ведя длительную войну с Ливонией, Польшей и Швецией, также стремился сохранить мирные отношения с сибирским ханом. Кучум через своих послов в 1571 году обещался платить московскому царю дань — 1000 соболей и 1000 белок ежегодно.

В 1573 году Кучум прервал вассальные отношения с Москвой, прекратил уплату дани и запретил подвластным сибирскому хану народам платить дань Москве. Летом того же года войска Кучума напали на Пермские земли Строгановых и разорили их, а также на ханты и манси, плативших русским ясак.

Начались систематические набеги отрядов Кучума на восточные границы Московского государства, в том числе и на русское население, жившее на реках Кама и Чусовой, на землях Строгановых.

В политическом отношении царство Кучума было раздроблено и власть хана была не прочна. В феодальной зависимости от Кучума находились многочисленные князьки, владельцы мелких улусов. Все эти князьки, мурзы и карачи (царские советники) враждовали между собой. Отношения между ними осложнялись тем, что каждый из них стремился стать большим ханом.

Улусные князья обязаны были помогать Кучуму войсками. Улусы платили хану ясак, состоявший из мехов, рыбы, охотничьих птиц и тому подобного.

Кучум раздавал земли и угодья своим родственникам, многочисленным женам и приближенным. Город, расположенный недалеко от Искера, на правом берегу Иртыша, Кучум отдал своему близкому советнику — караче. Город этот и получил название — «Карачин». Выше устья Вагая находился городок, которым владел князь Бегинш. Городок Тунус и волость Урус принадлежали мурзе Чангуле. Выше Тюмени, среди вогульских юрт, находился город, принадлежавший брату Ку-

чума. Выше устья реки Тавды стоял городок кучумова есаула Алышай.

С целью укрепить свою власть, Кучум поддерживал деятельность мусульманских миссионеров, приезжавших из Бухары и Ургенча. По некоторым сведениям, Кучум насильственно распространял ислам среди своих подданных.

Если связь Кучума со своими феодальными князьями не отличалась особенной прочностью, то она была еще слабее с мансийскими и хантыйскими князьками, которые при первых же неудачах Кучума покинули его.

Хищническое ограбление Кучумом покоренных народностей, вызывавшее частые волнения среди них, бесправие и эксплуатация основной массы татар немногочисленной военно-феодальной знатью и общая экономическая отсталость вызвали молниеносное падение Сибирского царства Кучума, распавшегося на свои составные части после первого же поражения кучумова войска Ермаком.

**

До завоевания Сибири Ермаком об этом крае ходили фантастические сведения. Передавали известия о сказочных богатствах народов, живших за «Каменным поясом» — за Уралом.

Ватаги предприимчивых новгородцев, соблазненные слухами о богатствах югорских племен, еще в XI веке предпринимали смелые вылазки за Урал. В русских летописях под 1032 и 1096 годами делаются упоминания об Югре. Гурьята Рогович в 1096 году послал своего «отрока» (слугу) в Печорский край. Племена, жившие в бассейне Печоры, платили тогда дань Великому Новгороду. С Печоры «отрок» Гурьята Роговича пробрался через Урал в Югру. В рассказе «отрока» так описывается югорский народ: «Юрга же людьє есть язык нем (то есть говорят на непонятном для русских языке) и соседят с самоядью на полунощных странах».

В XII веке не раз новгородская волинка предпринимала походы в Зауральскую Югру. Некоторые походы оканчивались неудачами. Ханты и манси храбро защищались и действовали хитростью. С 1265 года Югра формально считалась Новгородской волостью.

Только в конце XV века московский царь Иван III покорил земли Пермскую и Югорскую, вплоть до Оби, включив их в состав Московского государства. В период

же укрепления царства сибирских татар, распространявших свои владения по Иртышу и Оби, связь Московского государства с Зауральем прекратилась.

Обстановка изменилась при Иване IV. После завоевания Казанского ханства в 1552 году, для русской колонизации открылся новый обширный район — бассейн реки Камы. Крупные сольвычегодские промышленники Строгановы в 1558 году выхлопотали у Ивана IV жалованную грамоту с разрешением обосноваться на землях по Каме ниже Соликамска.

В руках у Строгановых оказались значительные территории. В жалованной Григорию Строганову грамоте говорилось: «...И ож будет так, как нам Григорей бьет челом и пермяк Кодаул сказывал... и яз царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси Григорья Анжеева сына Строганова пожаловал, велел есми ему на том дустом месте... на черных лесех городок поставити, где бы было крепко и усторожливо, и на городе пушки и пиццали учинити, и пушкарей и пиццалников и воротников велел есми ему устроити собою, для береженья от Погайских людей и от иных орд, и около б того городка ему по рекам и по озерам и до вершин лес сечи и пашни около того городка распахивати, и дворы ставити, и людей ему в тот городок непшменных и нетяглых называти... А где в том месте росол найдут и ему тут варницы ставити и соль варити, и по рекам и по озерам в тех местах рыба ловити безоброчно...».

Строгановы, получив обширные земли с лесами, получив двадцатилетнюю льготу от платежа податей, оброков и земских повинностей, оборудовали соляные варницы, рыболовные промыслы, завели пашни, призывали на свои земли крестьян, построили ряд городков-крепостей для защиты от набегов беспокойных соседей из-за Урала. В 1579 году во владениях Строгановых был один городок, 39 деревень и починков с 203 дворами и один монастырь.

Купцы Строгановы вели оживленную торговлю с сибирскими народами, выменивая у них ценную «мягкую рухлядь» — меха. Захватывая новые земли, охотничьи и рыбные угодья, вырубая леса, Строгановы чинили прощизвол в отношении местного населения — манси, мари и других, которые нападали на строгановских крестьян, захватывали их в плен с женами и детьми, угоняли скот, разоряли де-

ревни. «В отдельных случаях крестьяне сами соединялись с вогулами для борьбы с общими угнетателями. В борьбе против Строгановых вогулов поддерживали их зауральские соплеменники, пельымские вогулы, которые производили набеги в русские пределы» («История СССР», том I, стр. 396-397).

Летом 1573 года Махмет-Кул, племянник сибирского хана Кучума, воспользовавшись восстанием вогулов и марийцев, живших на Каме, произвел набег на Великую Пермь. Татарское войско побило много ханты, плативших дань московскому царю, жен и детей их увело в плен за «Каменный пояс», убило царского посла Третьяка Чебунова. До строгановских городков Махмет-Кул не дошел пяти верст, ибо узнал, что там находятся русские ратные люди.

Помочь Строгановым обезопасить их владения и прийти на помощь пермским жителям, страдавшим от татарских набегов, московское правительство не могло. Оно в это время было занято длительной и тяжелой Ливонской войной.

Строгановы хлопотали в Москве, чтобы им разрешили строить укрепленные городки, нанимать для их защиты «охочих людей» и заводить артиллерию. Строгановы писали царю: «Там, за Каменным поясом, живет недруг твой, салтан сибирский, дозволь нам, государь, в том краю, на усторожливом месте крепости ставити, людей ратных наймовать и огненный народ держать собою, также пашни пахать, железо плавить и всякими угодьями владеть».

Просьба Строгановых была удовлетворена. Им поручена была оборона восточных границ Московского государства от набегов Кучума и его ставленников — князей ханты и манси.

В 1574 году Строгановы получили от царя Ивана IV грамоту, разрешавшую им строить городки «в Сибирской стороне за Югорским камнем... на Тоболе реке и на Иртыше и на Оби и на других реках».

Строгановы занялись вербовкой «охочих» людей в свой отряд, послав на Волгу своих вербовщиков с подарками для найма войска.

Заботы Строгановых об обороне своей вотчины совпадали со стремлением Московского государства к централизации и имели тогда прогрессивное значение. Товарищ Сталин указывает, что в то время в таких странах, как Россия, Австрия и

Венгрия, «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» (Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1939, стр. 87). А одним из условий образования централизованного многонационального государства было наличие одной более развитой в политическом отношении народности, вокруг которой сплачивались остальные. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы...» (Там же, стр. 17).

**
*

К купцам — Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым и поступил на службу Ермак со своими товарищами, слезными своей храбростью атаманами — Иваном Кольцо, Василием Мещеряком, Никитой Пан и Яковом Михайловым.

Ермак два года доблестно защищал восточные границы своей родины от внешних врагов, от дерзких шаек Кучума. Защищая свое отечество, Ермак понял, что одними оборонительными действиями не удастся по-настоящему обезопасить восточную границу. Ермак проявил инициативу, предложив Строгановым перенести борьбу против Кучума на территорию противника, с тем, чтобы отогнать шайки Кучума настолько далеко, чтобы сделать впредь набеги на Урал невозможными.

Купцы Строгановы согласились с предложением Ермака и 1 сентября 1581 года, триста шестьдесят лет тому назад, Ермак с дружиной в 840 человек, снабженный ручным огнестрельным оружием и двумя маленькими пушечками, двинулся в Сибирь против могущественного сибирского хана Кучума.

Дружина Ермака сильно уступала войску Кучума в численности. Против горстки храброев Кучум мог легко выставить до 20—30 тысяч пеших и конных воинов.

У русских было огнестрельное оружие — пищали и дробовые ружья, но тогдашние ружья стреляли всего на 120—150 шагов, на зарядание и выстрел из ружья требовалось полторы — две минуты. Стрела же из татарского лука летела на расстояние 90—100 шагов и пробивала дюймовую доску; пока в течение двух минут заряжалось ружье, за это время из лука выпускалось до 12—15

стрел. Правда, пушки Ермака били на 300—350 шагов.

Строгановы выдали на каждого воина по 3 фунта пороха, по 3 фунта свинца, по 3 пуда ржаной муки, по 2 пуда крупы и толокна, по пуду сухарей, по пуду соли, по безмену (2,5 фунта) масла коровьего на двоих и по половине соленой свиной туши.

Поход Ермака был организован предусмотрительно как в хозяйственном, так и в военном отношении. В дружине Ермака была боевой порядок и твердая дисциплина. Дружина была поделена на десятки с десятниками во главе, десятки объединялись в полусотни, сотни в атаманства.

В 1581 году храбрая дружина, возглавляемая человеком выдающихся военных способностей, поплыла на стругах по рекам Чусовой и Серебрянке в глубь страны. Затем Ермак и его дружина «волоком», на руках, перетаскили струги через Уральский хребет на восточные склоны Урала. На эту трудную операцию Ермак затратил 9 месяцев.

Только в мае 1582 года Ермак смог двинуться дальше по рекам, впадавшим в Обь. Родственник Кучума, князь Епонта встретил флотилию Ермака у Тюмени. Здесь 10 августа 1582 года произошел первый бой.

На картине знаменитого русского художника Сурикова, сибиряка по рождению, изображено, как татарское войско засыпает с берега тучами стрел дружину Ермака. Казаки обстреляли нападавших из ружей и атаковали татар. Татары не выдержали стремительного нападения казаков и обратились в бегство.

Вскоре Ермак недалеко от Тюмени разбил войско мурзы Таузак, придворного Кучума. Таузак был взят в плен, но Ермак отпустил его и тот сообщил Кучуму о приближении Ермака.

Племянник Кучума Маметкул с десяти тысячным войском непрерывно нападал на дружину Ермака. Казаки отстреливались, их ружья и пушки вызывали у татар панику. Но постепенно татарские воины привыкли к выстрелам и перестали их бояться, бои приняли более упорный характер.

У теперешнего Караульного Яра, на реке Тоболе, воины Маметкула перегородили реку деревьями, крепко связанными между собой и утяжеленными грузом камней. В этом месте река Тобол простреливалась татарами с обоих берегов. Ермак попал в весьма затруднительное положение, ибо

разобрать препятствие и высадить десант не было никакой возможности. При всяком движении на казаков летел дождь стрел.

Наконец, Ермак на третьи сутки прибегнул к военной хитрости. Ночью он изготовил чучела, одел их в казачьи одежды и оставил в стругах; там же он оставил двести воинов, а сам с остальной дружиной вплавь переправился на берег и зашел глубоко в тыл главным силам Маметкула. Затем Ермак неожиданно и стремительно атаковал татар, в то время как оставшиеся на стругах его воины подняли пальбу из ружей и пушек. Воины Маметкула не выдержали атаки и в панике бежали. Снова Ермак двинулся дальше.

Сильное сражение произошло у селения Бабасан. Здесь Ермак высадил свою дружину на берег и перешел в смелое наступление. Татары начали медленно отступать, переходя почти ежеминутно в контратаки. Ермак сообразил, что Маметкул, очевидно, задумал какой-то маневр, намереваясь увлечь Ермака подальше от реки. Ермак послал на свои фланги разведку, которая вскоре ему сообщила, что у Маметкула впереди сосредоточен многотысячный отряд конницы.

Отбить атаку нескольких тысяч всадников ружейным огнем, стреляя из ружей через две минуты, было невозможно, так же, как невозможно было устоять против 6000 всадников в рукопашном бою.

Однако, Ермака это не смутило, он не растерялся. С частью своих казаков продолжал преследовать татар, а другой, большей части своих воинов велел вырыть окоп. Когда окоп был готов, Ермак прекратил преследование и собрал свою дружину впереди окопа.

Вскоре казаки заметили приближающуюся конницу Маметкула. Она быстро двигалась вперед, казаки же продолжали стоять неподвижно у окопа. Татарам казалась близка победа, они в карьер пустили своих коней на русских. Вот-вот дружина Ермака будет смята и опрокинута лавиной конницы.

Но раздалась команда, все дружинники быстро вскочили в окоп и, дав залп по коннице, сели на дно. Залп вывел из строя свыше четырехсот коней, а остальные кони и всадники не в силах были остановиться и по инерции перескочили через окоп. Тем временем, не теряя ни минуты, дружина вновь зарядила ружья и в тыл всадникам грянул второй залп.

Сражение Ермаком было выиграно. Конница Маметкула бежала, оставив на поле боя сотни убитых и раненых.

Ермак нанес татарам еще несколько поражений и в конце концов, сокрушив в кровопролитном бою у деревни Мурзы Атики главные силы Кучума, занял 26 октября 1582 года столицу Сибири — Искер, тем самым утвердил власть Московского государства от Уральского хребта до Иртыша.

Хан Кучум, разбитый Ермаком, бежал в теперешний район Петропавловска. Северо-Казахстанской области, где несколько лет возбуждал местных татар и башкир против русских.

Захватив Сибирское царство, Ермак освободил народы Сибири от притеснений, которые были при хане Кучуме. Было отменено насильно введенное ханом мусульманство, каждому народу предоставили молиться так, как он считал нужным. Ермак отменил тяжелые налоги и обеспечил населению возможность заниматься мирным трудом. За обиду дружинником мирного населения Ермак виновного карал смертью. За гуманное отношение к мирным жителям Ермак пользовался среди народов Сибири и в том числе среди татар большим уважением.

В 1583 году Ермак отправил к Ивану Грозному атамана Ивана Кольцо с посольством — «бить челом Сибирью», то есть принес Сибирь в дар царю. Грозный встретил Ивана Кольцо с почестями, наградил Ермака дорогим панцирем, серебряным ковшом с позолотой, шубой с своего плеча и ста рублями. Все казаки Ермака были награждены богатыми подарками.

На помощь Ермаку был отправлен отряд ратных людей, под начальством воеводы Болховского, так как от недостатка запасов и продолжительности тяжелых военных походов войско Ермака находилось в затруднительном положении. Тяжелым положением Ермака решил воспользоваться хан Кучум.

Узнав, что в Москву Ермак снаряжает большой караван с товарами, Кучум решил его захватить. Ермак, который очень заботился о развитии торговли в Сибири, узнав, что караван купцов не пропускают шайки Кучума, с пятьюдесятью дружинниками двинулся к устью реки Вагая для защиты каравана.

В ночь с 5 на 6 августа 1585 года на стае казаков, расположившийся на одном

из островов на Иртыше, внезапно напал Кучум с тремя тысячами воинов.

С вождем покой в объятах сна
дружина храбрая вкушала.
С Кучумом буря лишь одна
на их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
прокрался тайно тропой
татар толпами окруженный..

Мечи сверкнули в их руках —
и окровавилась долина,
и пала грозная в боях,
не обнажив мечей, дружина.

С мечом в руке, Ермак, отбиваясь от окружавших его татар, добрался до реки и, бросившись впасть к своему стругу, который ветром отбросило от причала, утонул в бурном Иртыше.

...Народная фантазия нередко наделяет своих любимых героев бессмертием. Так, в старой России возникли легенды о бессмертии Степана Разина, о том, что нет ему смерти, что бродит он по лесам и городам и помогает беглым и беспаспортным.

Сибирские сказочники наделили бессмертием Ермака. В селах Западной Сибири складывали сказки, стихи, пели песни в честь казачьего атамана Ермака Тимофеевича. В деревнях Омской области, особенно в Тобольском округе, рассказывают старые сказочники красивые предания о смелом и храбром Ермаке, русском богатыре.

Приведем одну небольшую легенду, опубликованную в дореволюционном «Сборнике русской и иностранной литературы» № 11 за 1915 год.

Эта легенда была записана сотрудником газеты «Утро Сибири» со слов лодочника после переправы в бурную погоду через Иртыш.

«От старых людей, — рассказывал лодочник, — слышал, что давным-давно в Сибири жили татары и пришел с ними воевать Ермак Тимофеевич. Роста он был богатырского, силищи несметной и с ним дружина храбрая. Перевалили они через горы Урал, подошли к Иртышу-реке и встретились с татарскими полчищами.

Перерубили всех. Стали казаки отдыхать. Уснули крепко, потому — не опасались. Татары заметили это и напали на них враждебно. Перекололи многих и за Ермака-атамана взялись.

Видит Тимофеевич дело плохо: дружина перебита, спасенья нет. Как был в тяжелых золотых доспехах рыцарских, так и бултых в реку. Плывет, из сил выби-

вается, а берега еще не видно. И говорит ему Иртыш-река:

— Жалко мне тебя, храброго богатыря, нагонит тебя стрела казенная и убьет. Давай схороню тебя на своем глубоком дне в камышах и песке.

— Согласен, — сказал Ермак и погрузился на дно и там лежит посейчас.

Отлежит один бок, на другой перевернется, и вся река всколыхнется и пойдут по ней гулять волны. Плохо будет тому, кто в это время плывет, того и гляди валом захлестнет. Вот и мы с тобой чуть-чуть не попали».

Это только одна из тех сотен замечательных легенд, которые распространены в устном творчестве многочисленных национальностей, населяющих Сибирь.

В галлерее исторических личностей Ермаку принадлежит особое место. Его личность, как выдающегося выходца из народа, окружена ореолом всевозможных подвигов и легендарных сказаний.

**

Оставшиеся в Искере после гибели Ермака казаки и вновь пришедшие стрельцы Болховского оказались в исключительно тяжелом положении. Русские, после осады Искера татарами, вынуждены были покинуть город. Сев на струги, казаки поплыли вниз по Иртышу, затем по Оби. Поднявшись рекою Обью до Северного Урала, они перевалили через него и спустились к Печоре.

После ухода русских Искер был занят Али, сыном Кучума. Но вскоре его прогнал оттуда сын убитого Кучумом Бекбулата — Сеид-Ахмат.

Неудачный поход в Сибирь в 1586 году воеводы Мансурова вынудил московское правительство впредь действовать в Сибири уже планомерно. Отправленные затем в Сибирь царем Федором Ивановичем воеводы — Василий Сукин и Иван Мясной должны были прежде всего закрепить главный путь из Руси в Сибирь постройкой на Туре города, который мог бы стать опорным пунктом для дальнейшего наступления. Воевода Сукин поставил в 1586 году город на развалинах татарской Тюмени и дал ему то же название. 29 июля текущего года исполняется 355 лет со дня основания русскими Тюмени.

Письменный голова Данило Чудков ставит в 1587 году острожек на Тоболе — Тобольск — в ближайшем соседстве с

Искером. Летом 1588 года Чулков заманил к себе в острожек Сеид-Ахмата и захватил его в плен. Население Искера, узнав о пленении хана, бежало из города. Старый город Искер опустел.

Беспокойный же Кучум все еще продолжал делать опустошительные набеги на новые русские владения. С целью защиты новой границы, на реке Таре, притоке Иртыша, в 1594 году русские построили город Тару, откуда тарские воеводы в последующие годы производили походы в Барабинские степи. В 1598 году тарские воеводы окончательно разбили Кучума. Кучум бежал в Среднюю Азию и там погиб. Так был ликвидирован воинственный сибирский царь Кучум, наводивший своими страшными набегами ужас на население восточной окраины Московского государства и опустошавший русские пограничные владения.

**

С точки зрения исторического прогресса завоевание Сибири Ермаком имело для народов Сибири положительное значение,

ибо за Урал вместе с русскими пришла более высокая культура, чем тот уровень культуры, который был при сибирском хане Кучуме.

Последующая русская колонизация принесла в Сибирь более высокие формы хозяйства, более совершенные орудия промысла, мастерства и ремесла, ранее неизвестные в Сибири, принесла более культурный бытовой уклад. Все это усваивалось у русских колонистов народами Сибири и содействовало объединению их под главенством великого русского народа.

Прогрессивную историческую миссию России на востоке подчеркивал Ф. Энгельс. В письме к К. Марксу 23 мая 1851 г. он писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» (Собр. соч., т. XXI, стр. 211).

В XVII веке власть Московского государства распространилась не только на Западную, но и на Восточную Сибирь.

Московское государство в результате завоевания Казани, Астрахани и Сибири стало одним из крупнейших государств в мире.

НА СЛУЖБЕ ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

(Об очерках Н. Емельяновой)

Когда читаешь очерки Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге» невольно приходит на память книга В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Книга В. К. Арсеньева написана двадцать лет тому назад, книга Н. Емельяновой — произведение наших дней. Само время, разделяющее эти книги, дает возможность противопоставить их одну другой, — за двадцать советских лет в Уссурийской тайге произошли огромные изменения.

А. М. Горький писал о книге В. К. Арсеньева: «Книгу вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренно поздравляю вас». И далее: — «прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну». Несомненно, познавательная ценность книги Арсеньева велика. Девственная природа Уссурийской тайги, ее примечательные особенности, гольд Дерсу Узала — человек тайги, великолепно приспособленный к ее первобытности, — все это художественно изображено Арсеньевым и несет с собою притягательную прелесть романтики. Основное же, что отличает книгу Арсеньева, состоит в том, что природа у него главенствует, она подчиняет своим «законам» человека. Дерсу Узала — этот «следопыт» Уссурийской тайги, когда попадает в город, становится совершенно беспомощным. Он — «хозяин» тайги, но в то же время она довлеет над ним. Книга Арсеньева являлась и является одной из тех полезных книг, о которых А. М. Горький писал, что они «рассказывают нам, как огромна страна Союза Советов, как она мало исследована, как много надо эти неисследованные места изучать».

В очерках Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге» даны современные советские люди. Они пришли в тайгу затем, чтобы не только ее исследовать, но и преобразовать, доставить все богатства таежной природы на службу социалистическому строительству. Причем особую ценность очерков составляет то, что в них на первый план выдвигается не простое, обычное для многих очерков, описание различ-

ных мероприятий, осуществляемых советскими людьми, но прежде всего сами люди, процесс становления, процесс превращения их в сознательных подлинных хозяев тайги. В первую очередь это относится к геологу — основной героине произведения — автору «Записок геолога» (такой подзаголовок имеют очерки «В Уссурийской тайге»).

Героиня пришла в тайгу с определенной задачей, ограниченной профессиональными рамками работы геолога. «Мое дело было понять работу многочисленных сил природы, преобразующих эту землю и двигавших ее жизнь до тех пор, пока этим не занялся человек». Геолог работает на строительстве заповедника, который должен стать центром преобразования природы и использования ее богатств на научных началах.

Строительство, в частности обеспечение рабочих заповедника жилищами, велось неорганизованно. Директор строительства, как казалось геологу, увлекся малопрактичными проектами. Можно ли оставаться равнодушным в таком случае, можно ли ограничиться кругом дел, вытекающих из задачи «понять работу многочисленных сил природы, преобразующих эту землю»? Советскому человеку, пришедшему в тайгу для социалистического ее преобразования, пройти мимо этого нельзя.

«Я пошла к директору, — читаем мы в «Записках геолога». — Разговор у нас велся внешне вежливый, но настоящий смысл был тот, что меня просили не соваться не в свое дело. Директор ответил, что не может тратить рабочие дни на починку гнилья, что советские граждане должны жить в культурных домах, которые он и построит всем к зиме. Я отвечала, что тогда следует начать с домов для рабочих, а не с оранжереи и фотолaborатории, свай для которых, именуемые, впрочем, фундаментом, были уже забиты, и не с японского павильона, в котором вот уже второй месяц занято восемь человек».

Разговор с директором был, как говорится, крупным, хотя и не дал никаких результатов. «С этого дня пошла трещина, растущая с каждым днем. Я уже не могла не присматриваться к жизни рабочих, хотя... сама больше не поднимала речи о бытовых... условиях. Однажды рабочие составили заметку и переслали ее в местную газету, но ответа на нее не получили. Про-

изводственных совещаний не было ни одного, местком совершенно не работал. Я стала ходить в дождливые дни в бараки, чтобы читать вслух редкие на строительстве журналы и газеты. Вот это-то чтение и было второй причиной, сблизившей меня с рабочими».

Так возрастало вдумчивое отношение героини ко всему строительству в целом и к людям, пришедшим строить заповедник. Начинается сложный процесс роста человека — работника не в узкой сфере своей профессии, а хозяина, деятеля не на короткое время, а с широкой перспективой.

Освоение тайги происходило и раньше, задолго до советской власти, но это было хаотическое освоение пришедшими сюда переселенцами. Они, чтобы расчистить землю для посевов, жгли тайгу. Тайга отступала, звери уходили дальше, но часто с оголенных сопок весенними и летними ливнями смывало почву и вместе с нею сносило посевы. Егеря заповедника Моисеенко, один из таких давних переселенцев, рассказывает: «Мы ведь вовсе из бедняков. Приехали, к хорошим землям опоздали. А у нас тоже руки на работу чешутся. Где и попалили тайгу, не жалели». Моисеенко скептически, недоверчиво настроен к заповеднику. Он не верит в его практическую пользу, он весь живет старыми представлениями об отношении человека к тайге. «Я поняла, что для окрестных крестьян, из которых были и Моисеенко, и Петр Тимофеевич, строительство в заповеднике и особенно разговоры «ученых» людей о том, как они научат крестьян хозяйствовать в тайге, показались пустым, непонятым делом. Они были уверены, что знакомая им крестьянская работа, хотя и трудная, но зато настоящая, только им известная и понятная работа. А тут люди ходят по тайге, получают легкое жалование и толкуют об освоении горных склонов. А пусти любого из них с плугом — откажется». Таков Моисеенко со своими взглядами крестьянина-единоличника и собственника, обходившегося в своем хозяйстве без науки, полагаясь лишь на свои силы да на удачу. «И без заповедника жили. Захотели люди легкой жизни».

Моисеенко нужно было переубедить, а для этого требовались не слова, а дела — весомые, реальные, доказательные. На строительстве Моисеенко, человеку практическому, приходилось наблюдать нередко такие дела, как постройка нелепых стандартных домов по проектам директора Ставрогского. Для Моисеенко это была затея досужих людей, ничего в жизни не смыслящих. В вопросе о стандартных домах Моисеенко и геолог имеют общее: «Когда я вдумываюсь в поступки директора... то, несмотря на различное с Моисеенко отношение к компасу и карте, я нахожу в себе общее с ним противодействие директору». Однако эта общность только кажущаяся. Егеря Моисеенко чувствовал себя в заповеднике человеком «наемным» — приказывают, значит, надо делать, а что делать — безразлично. Строительство для него было делом чужим.

Не таково, конечно, отношение к стройке геолога: «Для многих из нас, и для меня в частности, выросших в условиях радостного труда и живых замыслов, было невозможно принять этот безрадостный, наемный труд. Нет, не простое освоение тайги велось в заповеднике, а борьба за правильное ее освоение с природой и людьми — такова была сущность дела». Так геолог приходит к выводу, что освоение тайги — борьба не только за освоение природы, но за перевоспитание, переделку людей, пришедших на строительство заповедника.

Среди строителей были люди разные, с самыми разнообразными отличительными чертами и представлениями о жизни, о труде, о природе, о социалистическом строительстве. Вот егеря Покорни. Он был безукоризненно честен и никогда не позволил бы себе нарушить правила заповедника, что легко мог сделать Моисеенко. Но Покорни — человек равнодушный, он даже не осуждал, подобно Моисеенко, беспорядки на строительстве, — ему было все безразлично. «Он, на мой взгляд, не знал, что такое увлечение делом, потому что один из всех он не работал, объясняя это неудобством житья в палатке... как он утратил за четыре месяца жизни в заповеднике не поинтересоваться его расположением, не сделать обход по окружающей просеке, не сходить на солонцы?! Это можно было объяснить только отсутствием любви к своему делу».

На строительстве заповедника геолог встречает немало людей, которых нельзя упрекнуть в отсутствии любви к делу. Но и они, как, например, пасечник Иван Тимофеевич (брат Петра Тимофеевича) имеют «родимые пятна» старых представлений о жизни и об отношении людей. Иван Тимофеевич много работал за свои шестьдесят лет, немало он положил своего крестьянского труда, чтобы укрепиться в тайге с своим хозяйством, хотя и не нажил богатства. «Не повернулось ко мне счастье. Наводнения губили два раза, а то бы и я заиграл». Вот и этого человека нужно было «осваивать», воспитывать, поднимать выше, соединять в нем любовь к работе, привитую долгой трудовой жизнью, с сознательным отношением к новому делу, не своему личному, а общественному, государственному.

Или вот старый таежник Дегтярев. Он еще не работает в заповеднике, но весь его жизненный опыт охотника подсказывает ему, что строительство заповедника — дело нужное, полезное. Дегтярев говорит Моисеенко: «— Поле — полем, тайга — тайгой. Все справедливо, на месте. А вот ты, не знаю, чего ты в егерях наделаешь. Так думаю, что не уберешься от тебя тут зверь, сколько его ни заповедай. Один человек о будущем думает, как бы детям сохранить, а другой — как бы ему самому прожить... Аль я в егеря не годен? Аль я хуже его? — он ткнул пальцем в Моисеенко. — На старости лет послужил бы и я тайге». В последующем Дегтярев становится хорошим работником заповедника.

Среди научных работников привлекают внимание две девушки-ботанички. Они «любили свое дело, обе дружили... обе были богаты горячим и честным отношением к науке и жизни». Как-то одна из них — Зина с Кривого Ключа — ехала в город с ломощником химика Кольмом. Кольм спросил Зину: «—Как это вы можете жить постоянно на этом Кривом? Всегда в лесу и одна.— Зина промолчала. Он снова спросил: — И сколько вы получаете? Наверно, гроши.— Ну, что вы! — горячо ответила Зина. — Если бы мне и еще меньше платили, я все равно работала бы. Все дело в том... — А, понимаю, — сказал Кольм, — все дело в снабжении! — Зина отодвинулась от него». Кольм оскорбил Зину этим своим пошло-житейским предположением, что ботаничка работает в этом глухом углу из-за хорошего снабжения. Для Зины работа в заповеднике была «простым и естественным делом», но творимым с большой убежденностью и энтузиазмом, три которых меркантильные соображения просто невозможны, — они становятся противны сознанию человека.

Так рождается наш новый человек, чувствующий себя хозяином природы и своей жизни, человеком, призванным своей деятельностью, работой разрешать задачи, не ограниченные узкими рамками интересов и потребностей текущего дня, все делать и строить, сознавая, что он строитель и настоящего и будущего. Новый советский человек, — как говорил А. М. Горький, — это — «деятель на века», это — сознательный строитель социализма.

Н. Емельянова рассказывает, как люди через ряд дел и событий поднимаются на более высокий уровень сознательности, растут в своей активности. А в заповеднике дела и события развертываются не только на самом строительстве. В тайге появилась банда. Строители заповедника участвуют в розысках бандитов. Пасечник Швед с помощью рабочих леспромхоза задерживает сына известного в прошлом богача, не почитавшийся с тем, что бандит доводился ему племянником.

Люди кровно связывают себя с заповедником, с тем новым, что создается ими. Геологу приходится уйти со строительства «по сокращению штатов». Расставаться с заповедником было очень тяжело, но сознание, что «все оставленное должно было снова ожить и зацвести с новой и ясной человеческой весной», вера во всеобъемлющую творческую силу коллектива, в то разумное начало, которое руководит им — это ободряло, давало силы в тяжелые, трудные минуты. Становятся понятными и те чувства автора записок, когда, возвратясь через некоторое время на заповедник, она нашла все свои геологические образцы перепутанными, и прежняя ее работа по сути дела была разрушена. «...Ощущение потери сделанной работы было очень сильно, и, пожалуй, только тогда, когда она потерялась, я по-настоящему поняла, как она мне дорога». Однако, важно не только то, что она еще сильнее почувствовала значимость своей работы, кото-

рую теперь приходилось восстанавливать, но особенно то, что человек не утратил веры в строительство, в людей, в конечный успех. «И вот я не знаю, как назвать — прямого успеха, за которым я шла в заповедник, не произошло; тетради и карты своей я не нашла. А все же — все было хорошо. Хорошим стал самый уклад жизни в заповеднике и заповедник стал самим собой... Приход в тайгу в таких условиях был, как бы возвращением в свою семью, когда бросаешься от одной встречи к другой». Автор даже немного излишне поддается этому настроению и пытается пересмотреть свое отношение к бывшему директору, по вине которого была утрачена работа геолога. «Похоже, что Ставровский, талантливый фантазер, своенравный человек, иногда нелепый упрямец, нашел, наконец, работу по себе», — пишет автор. Директор заповедника, немало вообще помешавший строительству своей неорганизованностью и оторванностью от людей, теперь работал в леспромхозе и получил премию за свои складные дома, совершенно непригодные в условиях заповедника. Что ж, хорошо, что человек нашел свое место и приносит пользу, но что в его работе на строительстве было плохо, то при всех условиях остается плохим.

Хочется сделать еще одно замечание. О директоре Ставровском геолог имела возможность посоветоваться со случайным своим спутником. «Мой спутник очень привлекал меня серьезностью и простотой — это был партийный человек, которого нам не доставало на строительстве. Когда я смотрела на его лицо рабочего и на то, как он, сняв сапоги, связав их ушками и перекинув через плечо, бредет по широко, но мелко разлившемуся Кабаньему ключу, я вспоминала сказку о Гарун-аль-Рашиде, который ходил среди людей, переодевшись в простое платье, и восстанавливал справедливость. Вот, имея в виду это значение партийности — восстанавливать справедливость, я очень хотела, чтоб он разобрался в наших недостатках». Желание посоветоваться с партийным человеком, к тому же имеющим опыт революционной работы, вполне закономерное желание. Даже больше того, это жизненная необходимость, особенно подчеркиваемая тем, что на строительстве не было партийных товарищей. Но у геолога в то же время возникает сомнение, что «допустить осуждение Ставровского кем-то со стороны невозможно, а нужен нам такой партийный человек в самое дело, где он не со слуха, а сам бы все понял и помог директору».

Однако, кроме партийных большевиков есть и непартийные большевики, и спутник геолога вполне основательно спрашивает: «Скажите, вы пробовали ему помогать?» Этот вопрос попал в точку, геолог вынуждена задуматься: «вот мы работаем в одном деле, а никакой товарищеской связи у нас нет. Почему?» После этой встречи с партийным человеком и состоялся цитированный выше разговор геолога с директором.

Н. Емельянова не впервые выступает в

литературе. За ее плечами более чем десятилетняя работа писательницы. В 1931 году в журнале «Сибирские огни» были напечатаны ее очерки «Заманщина». Они получили положительный отзыв А. М. Горького, выразившего желание напечатать «Заманщину» в журнале «Наши достижения».

«Заманщина» — тоже записки геолога о своей работе, о встречах с людьми. Однако, очерки «Заманщина» еще не имели той строгой законченности и продуманности, которыми отличаются «Записки геолога». А. М. Горький отметил в «Заманщине» богатый лексикон писательницы и в то же время перегрузку лишними словами, описанием малосущественных фактов. «Записки геолога» написаны более сжато, с большей экономией слов в изображении пейзажа, предметов, людей. Приведем для примера несколько строчек, чтобы показать, как скупно на слова, но как выразительно Н. Емельянова изображает обстановку, окружающую ее в тайге. Вот начало очерков:

«Из-за откинутого края палатки видно длинное, блестящее от дождя бревно. Оно лежит поперек входа, в двух шагах от палатки. На нем забытая деревянная ложка, полная дождевой воды. Она покачивается от падающих в нее тяжелых капель и выплескивает через край воду. За бревном — черный залитый костер. Вокруг него воткнуто в землю несколько высоких кольев. Это сушили одежду во время недолгого перерыва между дождями.

Дожди идут уже двадцатый день...»

Особенно следует подчеркнуть, что Н. Емельянова в «Записках геолога» глубже, вдумчивее, чем в «Заманщине», проникает в сущность, в значение отдельных наблюдаемых ею фактов. А. М. Горький упрекал Н. Емельянову, что в «Заманщине» она совершенно стерла значение того факта, что крестьяне скрывают месторождения каменного угля. «Что прячут? Источник энергии, способный облегчить труд, обогатить жизнь. Ради чего прячут? Ради того, что заставляет американских и других промышленников не пускать в жизнь машины новой конструкции» — пояснял значение этого факта А. М. Горький.

Н. Емельянова в «Заманщине» недостаточно внимательно вглядывалась в новых людей, рождаемых социалистическим стро-

ительством и за это также получила упрек от А. М. Горького: «Бабу — преда сельсовета — вы тоже смазали, а баба эта — героиня наших дней и — дорогого стоит. Так что против нее вы тоже согрешили, писательница!»

В недостатке внимания к людям в новых очерках — «В Уссурийской тайге» — упрекать писательницу не приходится. Люди в этих очерках на первом плане. Людей изображено много и даже, может быть, с некоторым излишком в количестве за счет большего сосредоточения внимания на главных фигурах. Однако ценно то, что Н. Емельянова в «Записках геолога», по сравнению с «Заманщиной», глубже проникает в сущность отдельных фактов, отдельных людей. Люди проходят перед читателем не как единицы, зарегистрированные очеркистом, а как члены одного коллектива, каждый из них показан наполненным собственными ему качествами. Причем, писательница правильно сделала упор на то, чтобы проследить, как те или иные качества человека мешают или помогают делу строительства, как, наконец, само участие этих людей в строительстве формирует в них новые качества, новое сознание, новые принципы своих действий. В очерках Н. Емельянова рисует людей все более и более приходящими к сознанию, что единственно правильным принципом жизни и труда человека является социалистический принцип — «все за одного и один за всех».

Очерки Н. Емельяновой отличным образом служат той цели, которую ставил А. М. Горький перед этой формой литературы: «Изображение разнообразного и повсеместного процесса культурно-революционного строительства».

Если в книге В. К. Арсеньева изображалась изумительно разнообразная и богатая природа Уссурийской тайги, если его книга говорила о необходимости знать этот край, изучать его, то книга Н. Емельяновой служит новой более сложной задаче — делу познания жизни, так как в наши дни в Уссурийской тайге советский человек, как и всюду в нашей стране, совершает замечательные дела социалистического преобразования жизни, «приветствуя весну природы и человека».

А. Высоцкий.

105 ДНЕЙ

(О книге «Бои в Финляндии»)

Ратный подвиг монаха-воина Осляби на Куликовом поле популяризовался в старой России столетиями: и в казармах, и в школах. Имя этого инока присваивалось и полосатым парусным фрегатам, и миноносцам с дизельмоторами.

Матрос Кошка, герой Севастопольской обороны, породил целую литературу: лубки для «простонародья»; увлекательные повести для детей; в крестьянских избах его прославляли и цветистые олеографии.

Популяризация боевых традиций — составная часть военного воспитания народа и армии.

Передача боевых традиций для того, чтобы они стали достоянием широких масс, увековечение подвигов наших героев должно быть важнейшим элементом в системе воспитания советского народа.

Положа руку на сердце, надо признать: в этом важнейшем деле мы непрестительно мешаем.

На экранах кино до последнего времени не было ни одной художественной картины о финской кампании.

Искусство и литература еще не показали народу во весь рост героев Карельского перешейка.

На эти мысли наводит замечательный двухтомник воспоминаний «Бои в Финляндии», недавно выпущенный в свет Военным издательством Народного Комиссариата Оборона Союза ССР.

Сборник открывается символической главой: красноармеец в белом маскировочном халате, с винтовкой и красным знаменем, исполненный какой-то невыразимо спокойной силы, стал твердой ногой на заснеженной укрепленной возвышенности. Вокруг — северные ели, опаленные орудийным огнем, и небо в клубах догорающего пожара. Это — потрясающий образ всей финской кампании, навсегда вошедший в сознание народа.

Но это — итог, завершение. Позади 105 дней боев, и каких боев! О них рассказывается в воспоминаниях 219 участников операций на Карельском перешейке.

Каждый из описанных эпизодов — сгусток неслыханного мужества и верности долгу.

Отсутствие всяких литературных красот, никакого намека на позу, изумительная скромность — основной тон книги, написанной героями.

Лев Толстой говорил о русском солдате, что он неспособен к фразерству. Он чужд «эффектов и воинственных трюков». В нем не заметите хвастовства, ухарства. Вспомнившись в солдатские лица на севастопольских бастионах, молодой Толстой прочел в них «сознание своего достоинства и высокой мысли и чувства». Не награды и «кресты» — двигающая ими высокая побудительная сила, а «чувство... лежащее в глубине каждого, — любовь к родине!»

На всех воспоминаниях в сборнике лежит печать особой храбрости, свойственной сынам нашего народа. Печать скромности, идущей рядом с самым высоким героизмом.

Преданность Народу, Партии, Сталину — вот боевой пароль этих людей.

Сборник «Бои в Финляндии» — книга деловая. Она рассказывает о большом и почетном опыте кампании.

Этот накопленный опыт и продуманные уроки положены сейчас в основу боевой подготовки Красной Армии.

Война с Финляндией во многих отношениях не имеет себе равной во всей прошлой истории русского оружия.

Выборгский феодальный замок брали натиском еще новгородские дружины, водили сюда стрелечье полки московские воеводы, раскусывал этот крепкий орешек Петр I. Но только эпоха железобетона, автоматического оружия и новых взрывчатых веществ позволила превратить Карельский перешеек в сплошную и неприступную крепость.

Карельский перешеек был плацдармом империалистических держав для похода на Ленинград.

К нашей границе была подтянута сеть стратегических дорог, рассчитанных исключительно на переброску войск.

Но одновременно Карельский перешеек представлял собой идеальный театр военных действий с точки зрения оборонительных боев.

В смысле трудностей для наступающей стороны он превосходил даже швейцарские кручи, по которым взбиралась суворовская старая гвардия.

Чтобы получить представление о пробивной силе Красной Армии, продемонстрированной в Финляндии, и правильно судить о мужестве наших бойцов, надо сперва познакомиться с характером и размерами белофинских укреплений.

С этого и начинается сборник: Герой Советского Союза, генерал-майор инженерных войск А. Хренов обстоятельно рассказывает о Линии Маннергейма.

Описание ее дополняется и детализируется в воспоминаниях других участников штурма. Наши инженерные войска и артиллеристы хорошо изучили и толщину ее стальных плит, и качество бетона.

Сборник «Бои в Финляндии» интересно построен. Сперва о какой-нибудь операции следует общий очерк начальника крупного войскового соединения: командира дивизии, танковой бригады, артиллерийского полка. Затем о том же рассказывают другие участники данного боя: командиры подразделений, красноармейцы, представители разных родов оружия.

Благодаря такому концентрическому построению, вы как бы видите бой с разных точек: глазами передового разведчика, изщели в танке, с наблюдательного артиллерийского пункта.

Общая панорама сражения переходит в «крупные планы» отдельных эпизодов.

...Так что же представляла собой белофинская крепость?

Полоса от Финского залива до Ладожского озера — это болота и скалы с крутыми склонами, заросли и чащи, крупные валуны размером в одноэтажный дом, густые лесные массивы, озера с необычайно изрезанной береговой линией.

Это — противотанковые барьеры высотой до пяти метров, широкие рвы, минные поля, многокилометровые линии надолб — мощные гранитные или бетонные глыбы, расставленные в шахматном порядке, завалы из многолетних деревьев, провололочные заграждения в 20 рядов, ловушки и заграды.

Волчьи ямы, замаскированные сеткой и запорошенные снегом.

Вырезанные во льду польны, прикрытые плотной бумагой и невидимые.

Камнеметы, выдолбленные наклонные ямы, на дне их до 100 килограммов мелинита и тола, а сверху груды камней и электрический провод — взрыватель.

Спуски и подъемы, специально политые водой и обледеневшие: по ним не двинуться ни повозкам, ни автомашинам, ни артиллерии.

Прибавьте сюда изощренную военную хитрость коварного врага, прибавьте 40-гра-

дусные морозы и глубокий снег — и вы получите некоторое представление о подступах — только о подступах — к Линии Маннергейма.

Так выглядело, говоря военным языком, предполье, оперативная полоса заграждений.

По мысли господ из Хельсинки (а также из Лондона и Парижа) эти препятствия должны были измотать и расстроить наши войска до подхода экспедиционных армий империалистических держав.

Наши войска в 15 дней прошли ее, эту адскую зону заграждений, где каждый шаг таил смертельную опасность, где каждый метр простреливался из 12 дотов и 845 дзотов (деревяно-земляных огневых точек), где каждое движение наших бойцов стерегли с деревьев финские снайперы — «кукушки», где каждая лядя земли была нашпигована минами (наши саперы изымали на отдельных участках по 800 мин!).

И когда они ее прошли, перед частями Красной Армии предстала главная оборонительная линия белофиннов.

Это была Линия Маннергейма.

Двадцать два узла сопротивления. Математически рассчитанная система флангового, косоприцельного и фронтального трехслойного огня. Ушедшие в землю стальные крепости с броневыми куполами, закрытыми «подушками» из песка и гранитных валунов. Колючая проволока в 45 рядов на металлических кольях, заделанных в бетон. Снайперские ячейки со специальной сигнализацией. Всего 194 железобетонных сооружений и 805 дерево-каменно-земляных огневых точек.

Это была Линия Маннергейма!

За ней — вторая оборонительная полоса. Опять доты и дзоты, пулеметные гнезда со стальными козырьками. Опять минированные подступы и фугасы, опять взаимовязанный огонь и всевозможные «сюрпризы».

За второй оборонительной полосой — Выборгская тыловая позиция.

Здесь огонь соединялся с ледяной водой: финны затопили местность при помощи плотины Саймаанского канала.

Бельгийский генерал Баду — технический советник Маннергейма — самодовольно писал, что «нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии». Он писал: даже двадцатипятитонные танки не могут преодолеть это грозное содружество бетона, гранита и кинжального огня.

Действительно, это было редкое сочетание передовой фортификационной техники и необычайных географических трудностей. Карельский перешеек представлял собой один из самых труднодоступных участков земного шара.

Ни одной армии в мире не приходилось еще прорывать такие капитальные позиции.

Чтобы взять их, требовалось высокое мужество бойцов, помноженное на самую передовую технику.

Основа — выучка и правильная организация войск.

Прочтя оба тома воспоминаний, вы остро и с особой полнотой почувствуете природу героизма советских людей, великую моральную силу воинов социализма.

Приведем только два рассказа: майора Ниловского и капитана Яковлева.

Надо было заставить замолчать один финский дот. Но чтобы раздолбить его, надо было кому-нибудь вышползти на просеку. Иначе нельзя было корректировать стрельбу нашей батареей.

Надо было пойти на верную смерть: просека находилась под шквальным огнем. Блестящий артиллерист лейтенант Булавский получил от Ниловского приказание вышползти на просеку. «Он взглянул на меня внимательными, чересчур спокойными глазами, лицо его потемнело. Даже одного шанса из тысячи на спасение у него не было».

Булавский выбросился на снег просеки, успев подать радисту нужную команду и, словно устав, положил голову на правую руку: он был уже мертв, пробитый пулями.

Величие и простота этой смерти не могут не потрясти.

Другой эпизод: командование решило поставить тяжелое орудие дальнего действия на несколько сот метров от дота и прямой наводкой разбить его. Расчет первого орудия 5-й батареи был в тревоге: задание может быть отдано кому-нибудь другому!

Был составлен рапорт в штаб части, подписанный всеми номерами расчета: «Доверьте это дело нам».

Когда этот изумительный документ мужества принесли в штаб, оказалось, что туда уже поступило двенадцать аналогичных рапортов.

Комиссар доверил это дело расчету первого орудия.

И вот оно — на открытой позиции, возле самого дота, под его сумасшедшим огнем.

Истекая кровью от многочисленных ран, номера расчета хладнокровно громят вражескую твердыню.

Задача была выполнена на «отлично».

Но самое главное не в этом.

Характерен состав расчета: слесарь, директор ресторана, кровельщик, два портовых грузчика, завхоз школы, тракторист-колхозник, литейщик, рабочий из обувной артели.

Горстка людей самых мирных профессий, она как бы представляла весь наш народ — носитель массового героизма!

Но одного героизма в современных войнах недостаточно.

На генеральный штурм наши войска ринулись заранее натренированными.

Недалеко от передовых линий был построен модельный укрепленный район. Он в точности воспроизводил белофинскую крепостную систему. Бойцы здесь практиковались обезвреживать и уничтожать доты, преодолевать надолбы и проволочные заграждения. Здесь сколачивались блокировочные штурмовые группы, которые потом врвались в самое логово врага, взбирались на броневые макушки дотов и взрывали их. Танкисты, саперы, пехота и артил-

лерия упражнялись здесь во взаимодействии всех родов оружия.

Не зная усталости, здесь изучали искусство победы.

Штурм Линии Маннергейма показал решающее значение боевой методической выучки армий в суровых условиях, воспроизводящих фронттовую обстановку.

Вечером 10 февраля 1940 года капитан Сорока обходил бойцов своего батальона и говорил им:

— Завтра штурм, товарищи. Только — выдержка, спокойствие, хладнокровие. Каждый должен выполнить свою задачу организованно, мастерски. На штурм во славу Родины!

— Есть на штурм во славу Родины! — отвечали стрелки, пулеметчики, саперы, отвечали артиллеристы, минометчики, танкисты. — Есть на штурм во славу Родины! — отвечали командиры и политработники.

«Была ночь, последняя ночь перед штурмом Линии Маннергейма».

Несмотря на всегдашнюю отсталость старой России, наш народ в грозные для страны дни неизменно обнаруживал свой военный талант.

Речь идет не только о бесстрашии и упорстве русского солдата, об этих его бесценных качествах.

Военный талант русского народа проявлялся во многом. Например, в том, что лучшие люди армии порой опережали военную мысль своей эпохи. В том, что тактические методы Суворова предвосхитили новое слово в военном искусстве, сказанное французской революционной армией. В том, что в 1812 году русская артиллерия не уступала наполеоновской. В том, что севастопольские военные инженеры-подрывники превосходили своих англо-французских коллег.

Не лишне вспомнить, что впервые мины в морской войне были применены нами, что впервые беспроволочный телеграф для военных целей был использован нашим ученым Поповым, что впервые мертвую петлю сделал наш авиатор Нестеров.

«Брусилевский прорыв» на австрийском фронте вошел в учебники военных знаний как непревзойденный образец умелого применения массивированного артиллерийского огня.

И это, повторяем, на фоне вековой отсталости и рутинности.

Штурм Линии Маннергейма показал военный талант нашего народа на фоне мощной передовой техники социализма.

Здесь впервые в практике последних войн выкатили современные тяжелые орудия на кратчайшее расстояние от крепостных укреплений и прямой наводкой разбивали стальные доты.

Здесь остроумно применили противотанковые орудия-лилипуты для стрельбы в амбразуры вражеских броневых точек.

Здесь изобрели бронесани для пехоты, следовавшей за танками.

Здесь так заранее запланировали артиллерийский огонь, что он поверг финнов в полное смятение.

Порядок обстрела был разработан с точностью до минуты.

За коротким огневым налетом следовал методический огонь (15 минут), затем снова огневой налет (15 минут), далее ложный перенос в глубину (15 минут), потом снова огневой налет (10 минут), методический огонь (20 минут), снова ложный перенос огня и т. д.

Враг был дезорганизован этой тактикой. В 9 часов 40 минут 11 февраля 1940 года тысячи орудий от Ладожского озера до берегов Финского залива возвестили общим залпом начало штурма.

Туман, павший на Карельский перешеек, начал подниматься вверх.

Раздвинулся гигантский белый занавес, открыв поле сражения, какого еще не видывала история.

Не прошло и получаса с начала атаки, а над одним из самых мощных дотов-гигантов уже реяло знамя с портретами Ленина и Сталина.

Сверкнуло северное солнце и озарило этот боевой стяг.

Запоздавшее московское радио передавало в эту минуту вчерашнюю сводку: «На Карельском перешейке без перемен».

Боевые операции в Финляндии еще раз подтвердили неувядаемое значение пехоты.

И в эпоху грозных средств сокрушения она осталась, как и встарь, «царицей полей сражения».

Бои на Карельском перешейке показали еще одно: военная грамотность, осторожность и расчет — лучшая броня армии. Но они должны сопрягаться с боевой выдумкой, находчивостью и смелой инициативой.

Эпиграфом к последнему разделу сборника можно было бы поставить:

«Даешь Выборг!»

Яростные бои продолжались. «Но Линия Маннергейма была разгадана, узлы сопротивления изучены, и наши доблестные саперы упорно и настойчиво взрывали дот за дотом». Враг дрался отчаянно, но это была уже агония белофинского сопротивления.

Танки, пехота на лыжах и авиация тараном пробивали дорогу на Выборг.

Был произведен стремительный удар на материк. По морскому льду части Красной Армии вышли на северное побережье Финского залива, перерезав стратегическое шоссе Выборг — Хельсинки.

Белофинны отступают, предавая все огню. Они поджигают даже землянки, в которых вперемежку с трупами вповалку лежали их раненые солдаты.

Наши части бесстрашно атакуют последние подступы к Выборгу.

Воодушевление так велико, что в бой бросаются музыкантские команды во главе с капельмейстерами!

Воодушевление так велико, что комсомолец-тракторист Иван Сиволап берет с ходу на танке минные поля!

Эскадрилья Героя Советского Союза Нанейшилы в буран низвергает 500-килограммовые бомбы на укрепления, военные заводы и нефтесклады Выборга.

Враги не раз уже испытывали на себе силу удара этой эскадрильи. «Через час после того, как Владимир Вардэнович Нанейшвили провел своих воспитанников над крышами Хельсинки, финское правительство наскоро запаковало чемоданы и бежало в Вазу».

13 марта 1940 года. Последние схватки в предместьях Выборга.

Боец взбирается на самую высокую фабричную трубу и под огненным градом водружает на ней красное знамя.

Приказ командующего С. К. Тимошенко выполнен.

Товарищу Сталину посылают телеграмму: части Красной Армии вступили в Выборг.

В 12 часов дня 13 марта по приказу командования войска прекратили огонь.

Забравшись на обломки белофинской баррикады, красноармеец Корниенко открыл митинг.

Он сказал:

— Задание партии, правительства и лично товарища Сталина с честью выполнено Красной Армией. Город Выборг объявляю советским.

Великий мастер научного предвидения Фридрих Энгельс писал, что армия победившего пролетариата будет обладать неслыханно страшной силой, а воины ее будут «сильнее, ловчее и интеллигентнее» солдат буржуазных армий. Сбывшееся пророчество!

Сборник закрывается прекрасным «эпилогом»: панорама города-красавца на берегах Невы, города Ленина и Пушкина, Павлова и Репина, города путиловских рабочих и кировских традиций, и на этом величавом фоне — огромное красное знамя на острие штыка, знамя безопасности наших границ, знамя величия и могущества социалистической державы, знамя наших будущих побед.

Ар. Г.

КОНЕЦ „КОНЦА ЗЕМЛИ“

Писатель Мих. Большаков не случайный гость на севере. Он хорошо изучил ямальские тундры и их население, работая начальником научно-исследовательской экспедиции. «За время общения с ненцами, — пишет он в коротком предисловии к роману¹, — в чумах, на факториях, на промыслах и колхозных собраниях, при путешествиях на оленьих нартах, за работой, во время вынужденного безделья, вызванного свирепыми пургами, за дискуссиями, тянувшимися ночами, и чаепитиями, продолжавшимися сутками, — перед глазами автора проходила не одна только хозяйственная, но и вся внутренняя интимная жизнь ненцев, не укладывавшаяся ни в какие программы. Прошло много колоритных фигур: мужчин и женщин, рыбаков и природных кочевников-оленоводов, кулаков и батраков, колхозников и единоличников, людей новой жизни и людей старого мрачного быта».

И это детальное проникновение писателя в материал для будущего романа, повседневное общение с прототипами будущих героев, зоркость ученого-исследователя, сочетаемая с интересами художника и общественного деятеля, — помогли писателю написать правдивое яркое произведение о ямальских ненцах наших дней.

Полуостров Ямал, ограничивающий с востока «ледяной мешок» — Карское море — в переводе на русский язык значит «конец земли». Своеобразная горькая правда была заключена в этом названии. Там, где полуостров безжизненной тундрой, невысоким песчаным обрывом уходит в холодное море, там кончалась земля — жизнь наступало царство льдов, холода, смерти. Да и сам Ямал — вечная мерзлота, долгая зимняя ночь, пурги, снега, чахлые заросли

тундрового ерника — принадлежал к числу мест, о которых говаривали: «забыты они и богом и людьми». Это была страна таинственных Гога и Магога, арабских преданий, легендарное лукоморье новгородцев, вход в которое охраняла фантастическая «злата баба», страна полуночная, «где живет самаодь по пуп мохната и ядять сама себя». Недаром даже Мильтон посылает в IX песне изгнанного сатану на берег Оби. И только неслыханные, легендарные богатства этой страны, где по новгородским летописям белки и соболи валялись из туч, привлекали к себе охотников за наживой. Это была гиблая страна, подлинный конец земли, куда попадали люди или поневоле или гонимые властью золота... А коренное население — «самоодь, по пуп мохната»? Как она жила в этом преддверии смерти? Этим мало интересовались. Официально коренное население тундр было заклеймено презрительной кличкой — «инородцы», буржуазная наука ставила его на одну из самых низких ступеней человеческого общества, а герои наживы распоряжались им, следуя своей черной совести. Человек севера, житель этих «забытых богом и людьми» мест и его думы, чаяния, радости и горе, — все это оставалось неизвестным.

Советский писатель Мих. Большаков впервые показал в крупном эпическом художественном произведении человека тундры и не со стороны его этнографических особенностей, а изнутри, по-человечески, проникнув в его чувства и думы. В этом главная ценность романа. Он имеет поэтому прелесть новизны. Читатель сталкивается на его страницах с новыми героями, о которых он пока знал только по научным описаниям да из газетных заметок и очерков. Эти герои — ненцы, оленоводы, рыбаки, охотники. Они чувствуют и мыслят, трудятся, любят, страдают, радуются. Это

¹ Мих. Большаков. «В чаду костров».

живые полнокровные люди, совсем не похожие на стандартных кукол в экзотических национальных костюмах из произведений многих дореволюционных писателей о севере. В них заложено неуклонное стремление к лучшей жизни, к знанию, и, когда партия и правительство помогли им, то вековые традиции, державшие в плену народ тундры, рухнули очень быстро. Ямал — конец земли — становится советской землей, где жизнь идет так же стремительно и полно, движется теми же могучими импульсами, как и в Центральной России, и на Украине, и в солнечной Грузии, и в любом конце нашей родины.

В романе имеется глава «Петренко выпускает своих шайтанов», образно подтверждающая органическую связь Ямала и его коренных жителей со всей Советской землей, с теми великими революционными процессами, которые происходят в нашей стране. На тундровую факторию приехала кино-передвижка. Чайная, где должен демонстрироваться фильм, переполнена. Ненцы никогда еще не видели кино. Погас свет, яркий луч прорезал темноту и на белом экране появились украинские хаты и цветущие вишневые сады. Картина необычная для скудной тундровой природы, не совсем и понятная для зрителей. Но они зачарованно смотрят на экран — новый мир открывается им... Возникает другой кадр, смысл которого сразу понятен собравшимся, хотя действие происходит все в той же незнакомой обстановке.

«Высокий толстый человек, в бараньей шапке, из всей силы бьет палкой молодого парня. Парень закрыл руками голову, но палка бьет его по рукам.

— Зачем он бьет его, Ентома? — возбужденно шепчет Лаптай.

— Зачем бьешь? Эй, зачем бьешь? Не бей, сукин сын! — несутся к экрану негодующие крики.

Толстый человек не обращает внимания и продолжает остервенело бить парня...

— Кулак Гринчук бьет своего батрака Федора за пропавшую овцу, — поясняет из угла голос Петренко.

Аудитория рычит, как медведь, разбуженный среди зимы в своей берлоге. Савонэ с ненавистью глядит на лицо Гринчука и вдруг видит: на ее глазах оно начинает быстро меняться, из-под бараньей шапки на нее смотрит уже не Гринчук, а ее отец...

Зрители прекрасно поняли смысл событий и, застав дыхание, следят за картиной. И когда, в конце фильма, «красноармейцы схватили Гринчука и начали вязать его, тишина лопнула будто все «шайтаны» Пыэмбоя вырвались из черного ящика и наполнили чайную воем истошных голосов:

— Бери его, бей, бей!. Убей его!..»

Чувство классовой ненависти к угнетателям одинаково и у ненца-оленевода и у чабана-батрака с Украины. Оно роднит их, ставит перед ними общие цели, является основой понимания друг друга. И не только ненцы-бедняки так реагировали на кино-картину. «Кулак Тыюндом, отец Савонэ, тоже хорошо понял ее: «будто его,

Тыюндому, раздели до нага и вывели на показ всем этим людям. Это над ним ржали, это его улюлюкали, как песка в загоне»...

В центре романа стоит семья ненца Лаптая из оленного рода Яйтиков. Сам Лаптай, глава семьи, вырисован автором с большой любовью, живо, убедительно. Читатель ясно представляет этого маленького ненца, горячо любящего тундру, оленей, кочевья, — свою суровую и прекрасную родину. Он хороший охотник, превосходный оленевод, но сознание Лаптая сквано родовыми предрассудками.

Шаг за шагом, убедительно, без навязчивого авторского вмешательства в судьбу героя, Большаков показывает, как Лаптай постепенно освобождается от суеверий и от влияния родичей-кулаков. Сама окружающая жизнь, ветер нового, который забушевал на ямальских просторах, побуждают Лаптая к этому.

Последняя глава романа называется «Больше никто не будет бить Лаптая». Это слова самого героя. «Прекрасные человеческие слова. И здесь, в холодных тундрах, на «конец земли» зазвучало горькое «Человек — это звучит гордо!» Лаптай обрел свое человеческое достоинство, как только перед ним открыли двери в новую жизнь.

Вместе с Лаптаем живет его сын Ейтома. Судьба Ейтомы складывается несколько иначе. Если над Лаптаем в значительной степени тяготет прошлое, его традиции, то Ейтома — весь в будущем. Он мог бы стать героем нового, ненаписанного еще романа. Он легко убеждается в превосходстве нового над старым, становится преданным сторонником большевика Петренко, принимает сам активное участие в борьбе за советскую жизнь на Ямале. Ейтома — один из главных героев романа и его образ нельзя не оценить, как удачу автора.

Хороша в романе и Савонэ, возлюбленная Ейтомы, смелая ненецкая девушка, решительная в поступках и стойкая в своей любви.

Значительно менее удались Большакову организаторы новой жизни — большевик Петренко и председатель райисполкома ненец Хэнгали. Вот краткая характеристика Петренко, даваемая автором в романе: «До пятнадцати лет он пас волов у полтавских куркулей, потом бил с большевиками батьку Махно и Денижина, а дальше метался по всему Советскому Союзу, пока не попал на север инструктировать колхозы». Бледная, лишенная индивидуальности характеристика. Штампованными выглядят и черты подвижничества, которыми наделяет Большаков своего героя (отказ от невесты, от семейной жизни ради дела). Петренко присутствует в романе, но не действует. То же самое можно сказать и о Хэнгали. Хэнгали вернулся в родные тундры из Ленинграда, где он учился в Институте Народов Севера. Это представитель молодой ненецкой интеллигенции. Внутренний мир его несомненно богат, разносторонен. А в романе Хэнгали во много раз бледнее даже такого выписан-

ного одной черной краской персонажа, как богач-оленеvod Тайвузи. Большаков скупо сообщает, что Хэнгали научились в Ленинграде «хорошо говорить по-русски, усвоил культурный порядок жизни, раз в неделю ходил в баню и аккуратно менял белье». Нет слов, для рядового немца эти внешние признаки культуры может быть и явились бы уже большим достижением. Но Хэнгали не рядовой немец и читатель вправе требовать от автора романа более полной образной характеристики коммуниста Хэнгали, передового человека из своего народа.

Отдельные главы романа заметно выделяются по своему мастерству («Такочи ищет живую воду», «Петренко выпускает своих шайтанов», «На горизонте появились волки», «Пурга»), другие («Сабуров любит пельмени», «Петренко томится весенними настроениями») — значительно слабее, чем общий уровень романа. Хорошо в романе северный тундровый пейзаж. Вот короткое выразительное описание прихода большого оленьего стада в долину:

«Скрип нарт, топот бесчисленных оленьих ног, переключка человеческих голосов, лай оленегонных собак взорвали тишину. Несколько залегших в кустах зайцев опро-

метью бросились наутек вдоль берега Хадаты. Потревоженная сова взлетела с недалекого курганчика и скрылась в темноте. Жалобно пискнул лемминг, раздавленный копытом оленя. Спугнутая тишина отошла на окружающие высоты и смотрела оттуда пустыми глазами».

Автор обладает зорким глазом и чутким ухом. Тундра оживает под его пером и не кажется уже мертвой, безжизненной, а приобретает своеобразную суровую прелесть. Однако язык романа не везде хорош. Такие стертые выражения, как «брызнула смехом», «бурно поднимается грудь», «мучительные сомнения», «ужасающие признаки страшной смерти» и т. п. встречаются в романе не редко.

Несколько неудачно на наш взгляд и название романа: «В чаду костров», оно не отвечает теме и вызывает ассоциации, далекие от содержания.

Роман Большакова — первое большое полотно, рисующее жизнь и борьбу за социализм на далекой окраине нашей родины. Несмотря на ряд недостатков, о которых мы писали выше, Большакову удалось создать правдивое, интересное и нужное произведение.

В. Бурмин.

БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Литературная жизнь Сибири в прошлом до сих пор не изучена достаточно объективно и полно. Сведения о старых сибирских писателях рассеяны по различным, порой малодоступным для широкого круга читателей, источникам. Имена некоторых незаслуженно забыты. Творчество других не получило еще правильной оценки. Поэтому мы с вполне понятным интересом взяли в руки «Сибирский литературный календарь»,¹ выпущенный Иркутским издательством в 1940 году. Но уже при беглом просмотре его нас ожидало разочарование. В «Календарь» не вошли многие писатели, имевшие прямое отношение к Сибири. Мы не нашли в «Календаре» Антона Сорокина, Гребенщикова, Новоселова, Телешова, Драверта; из более ранних — В. Серошевского, Ад. Шиманского. Выпали из «Календаря» тобольские поэты 30-х годов — И. Нагибин, Черкасов, Речкин. В «Календаре» очень скупо упомянут А. С. Пушкин, а интерес великого поэта к Сибири и значение Пушкина для ее писателей несомненно заслуживают обстоятельной заметки в подобном издании. Нет в «Календаре» и Мамина-Сибиряка.

При чтении обнаруживаются и более серьезные недочеты. Прежде всего поражает, что в современном издании так много устарелых оценок литературных событий в Сибири и творчества отдельных писателей. Это главный порок «Календаря»,

сводящий почти на нет его немногие достоинства.

Первая справка в «Календаре» дана о тобольских журналах XVIII века «Иртыше, превращающемся в Ипокрену» и о «Библиотеке ученой, экономической...» и т. д. П. Словцов — историк Сибири — когда-то резко отрицательно оценивал эти издания, особенно первое. Он писал, что издатели «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» вместо полезного дела «пустились обезьяничать в словесности и поэзии пошлой». Ту же мысль по существу проводит в своей заметке и составитель «Календаря». Прав ли он, следуя оценке более чем столетней давности?

Словцов был далеко не свободен в своих суждениях о тобольских журналах конца XVIII столетия. Достаточно вспомнить, что в 1793 году, менее чем за год до закрытия «Библиотеки», Словцов, обвиненный в произнесении крамольной проповеди, был увезен с фельдбергерем к знаменитому Шешковскому и попал затем в Валаамов монастырь. Естественно, что не мог он после этого, вернувшись в Сибирь, высказывать иное суждение об изданиях, в которых печатались вольнодумные сатиры прокурора Бахтина или статьи, где говорилось, что природа произвела на свет всех людей вольными. Тобольские журналы совсем не были такими благонамеренными, как их расценивает составитель «Календаря». «Обезьяничание», о котором пишет Словцов, явилось по существу пропагандой, пускай крайне робкой, передовых по тому времени идей французской буржуазной

¹ Б. Жеребцов. «Сибирский литературный календарь», Иркутское областное издательство, 1940 г.

революции. Недаром в «Иртыше, превращающемся в Ипокрену» печатались многочисленные переводы с французского. И, конечно, не только «равнодушные читатели» послужило причиной закрытия первых в Сибири литературных журналов, — пусть это утверждение остается на совести составителя «Календаря». Только поверхностным, бездумным отношением к прошлому можно объяснить такое не критическое повторение идеологически тенденциозных оценок.

Оценивая творчество П. Слоцова, составитель опять идет на поводу — теперь у Потанина. То же самое мы видим и в оценке им П. П. Ершова. Ни автор «Конька-горбунка», ни П. Слоцов не являлись предтечами областничества, как это пытался в своих целях представить Потанин, а Б. Жеребцов механически повторил за ним.

Кстати о Ершове. В «Календаре» совсем не упомянуто об его прозе: рассказах «Осенние вечера», часть которых посвящена Сибири, Тобольску («Дедушкин колак», «Панин бугор», рассказы о муфтине Кучума); составитель забыл также и о драматургических опытах Ершова, с успехом шедших на тобольской сцене.

Заметка «Сибирь в творчестве Ф. М. Достоевского» полна противоречий и искажений. Начинается она с утверждения, что «в творчестве Ф. М. Достоевского Сибирь отразилась очень слабо». На следующей странице Б. Жеребцов пишет: «старая царская сибирская каторга запечатлена Достоевским с громадной художественной силой. Все писатели, описывавшие позже сибирскую каторгу, шли по стопам Достоевского». И, наконец, буквально рядом мы встречаем следующую фразу: «Но самой Сибири в «Записках из мертвого дома» нет». Вот и разберись во всем этом! Как голословное воспринимается и следующее замечание составителя: «В Сибири Достоевского не интересовали ни местный быт, ни нравы народов Сибири... Достоевский — зоркий художник и вот, что писал он своему сибирскому другу казаку Чокану Валиханову: «У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатать (помните, мы об этом говорили)... Не великая ли цель, не святое ли дело,

быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России... В Семипалатинске Достоевский живо интересовался среднеазиатскими делами. Интерес к ним и к Сибири не угас у Достоевского и по возвращении в Европейскую часть России, некоторые статьи из «Дневника писателя» прямо говорят нам об этом (суждение Достоевского о необходимости постройки железных дорог в Сибири и т. п.).

Можно было бы и дальше продолжать перечень искажений и неточностей, которые имеются в «Календаре». В частности, пестрит важными пробелами «Краткая памятка юбилейных лет». Автор пишет, что не установлены даты рождения и смерти Н. С. Шукина, даты смерти Милькеева, между тем это установлено и известно. В главе о Гончарове не указана «Поездка в Якутск», изданная отдельно. Автор утверждает, что Чижевскому принадлежит одна баллада, хотя известны две баллады Чижева, Библиографические указатели скудны, не указаны, в частности, новые работы о Слоцове.

Совершенно неудовлетворительно освещена литературная жизнь Сибири после революции. Из современных советских писателей в «Календарь» включены только В. Бахметьев, В. Иванов, А. Караваева, Л. Сейфуллина и Вяч. Шишков, которые, кстати сказать, давно уже отошли от сибирской тематики. В «Календаре» нет ни одной строчки о современных советских писателях, живущих в Сибири.

Новизной работы составителя нельзя оправдать все эти существенные недостатки. Они, в большинстве своем, касаются элементарных истин, известных и не специалисту историку-литературоведу. Причина их, на наш взгляд, кроется в безответственном отношении к изданию «Сибирского литературного календаря» как со стороны его автора-составителя, так и со стороны ответственного редактора И. Осипова. Не стоило выпускать в свет эту наспех слаженную, непродуманную книгу только за тем, чтобы подтвердить еще раз печальную истину о календарях, которые «все врут».

В. Бурман.

„ИСКУССТВО БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР“ 1

У бурят-монгольского народа есть что порассказать о своем тяжелом прошлом, радостном настоящем и лучезарном будущем. Немало вдохновенных легенд о подвигах отважных баторов, увлекательных фантастических сказаний создал он за свою жизнь, а его лирическим, бытовым и обрядовым песням нет числа. Нужно иметь неистощимую фантазию, чтобы сложить такие блестящие эпосы, как «Гессериада»,

насчитывающая 25000 стихотворных строк, улигер «Шоко-батор», такие шедевры эпоса, как «Аламжи Мэргэн», «Хулдай Мэргэн батор», «Алтан Шагай Хубун», «Ябган Жибженей Мэргэн», знаменитую историческую песню «Шилдей Занги», справедливо названные «устными летописями» бурятского народа.

Ламаизм, в течение веков безраздельно господствовавший над умами монголов и пытавшийся использовать таланты народа для вящей славы своих монастырей, делал все, чтобы заглушить светское искусство.

¹ «Искусство Бурят-Монгольской АССР», сборник статей, изд. «Искусство», 1940 г.

Ламаизм не мог, конечно, воспрепятствовать народу слагать песни, эпические поэмы и сказания, но он сумел на много столетий задержать возникновение светской литературы и особенно светского театра, который грозил отвлечь народ от религиозных мистерий (цамов), разыгрываемых ламами при монастырях в дни больших культовых праздников. Живопись ламы давно уже приспособили к своим нуждам и заставили бурят-монгольских художников на долгое время обслуживать только потребности монастырей. Монастыри являлись также очагами письменной бурят-монгольской литературы, а ламы — ее основоположниками и хранителями.

Первые зерна светской бурят-монгольской литературы дали ростки лишь на почве, разрыхленной революцией 1905 года, а настоящие побеги поднялись к солнцу после Октябрьской социалистической революции. Образование в 1923 году Бурят-Монгольской автономной республики способствовало быстрому подъему культуры и искусства. В 1925 году бурят-монгольские писатели, поэты и драматурги уже выступили на родном языке серию своих произведений. В них подводятся первые итоги успехов республики, воспевается жизнь освобожденного народа, гремят призывы к новым достижениям. В 1932 году создается бурят-монгольский национальный театр, сплотивший вокруг себя кадры молодых актеров, драматургов, композиторов. Через восемь лет театр с большим успехом демонстрирует в Москве на decade бурят-монгольского искусства свое юное, но уже окрепшее и вызревшее мастерство.

Пути национального театра, росту его кадров и посвящен рецензируемый сборник.

Книга открывается статьей Г. Бельгаева «Искусство бурят-монгольского народа», дающей общее представление об огромном подъеме культуры БМАССР.

Статья А. Георгиева «Бурят-монгольский государственный музыкально-драматический театр» рассказывает историю театра. Это, собственно, живо составленный, но весьма поверхностный отчет, излагающий отдельные факты и не задумывающийся над их объяснением и анализом.

Не так-то просто возник этот театр и не по такому уже гладкому и ровному пути пришел он к своим успехам. Театр имел предисторию, полную упорных исканий, смелых взлетов и тяжелых срывов. В те времена находилось немало «умников», которые ратовали за всемерное использование культового ламаистского искусства в новом ... революционном духе, советовали прививать народному театральному искусству навыки ламаистских религиозных представлений, рекомендовали «сделать все богатство искусства дацанов (монастырей) достоянием широких масс».

М. Эдель в статье «Актеры Бурят-Монголии» знакомит читателя с основоположниками и, так сказать, классиками национального театра — Гомбе Цыденжаповым и Намкилом Балдано (народными артистами БМАССР) и молодыми его талантами: Нормой Гармаевой, Надеждой Петровой и др.

Жаль, что автор не коснулся в своей статье стиля игры этих мастеров и ограничился только кратким изложением биографических данных.

Статья И. Болдогоева «Драматурги Бурят-Монголии» пытается дать анализ бурят-монгольской драматургии, знакомит читателя с творчеством драматургов и содержанием некоторых пьес. Но не похоже, что автор имеет солидную осведомленность в области истории бурятской драматургии. Он утверждает, например, что пьеса «Барьеры», которой, по его мнению, открыл свою работу национальный театр, — «первое драматическое произведение в истории бурят-монгольского искусства». Национальный театр организован в 1932 году. А известно ли автору, что Ч. Базарон еще в 1912 году, т. е. на целых 20 лет раньше, написал пьесу «Картежники», у которой куда больше оснований считаться «первым драматическим произведением»? Известно ли автору, что Бурятский ученый комитет, основанный во времена создания БМАССР, среди изданных им книг выпустил немало пьес? Если бы автор прочел к тому же статью академика Поппе, «Проблемы бурят-монгольского литературоведения», опубликованную в «Записках Института Востоковедения», он, к своему вящему удивлению, узнал бы, что многие бурятские писатели создавали драматические произведения задолго до 1932 года.

Очень странное впечатление производит статья художественного руководителя оркестра народных инструментов Исидора Рыка «Народные музыкальные инструменты Бурят-Монголии». Она пестрит ошибками, граничащими порой с полной музыкальной неграмотностью. Рык уверяет, что чанзы — инструмент монгольско-китайского происхождения. На самом деле родиной этого инструмента является только Китай, где, сначала под именем сяньтао, а затем — сяньцзы или саньсяня (трехструнки), он известен с незапамятных времен, а первые достоверные сведения о нем восходят ко II веку до н. э. Далее Рык фантазирует о том, что резонатор чанзы обтягивается кожей гремучей змеи Гремучие змеи водятся, как известно, только в Америке и ни китайцы, ни монголы, три всей своей любви к музыке, не стали бы импортировать столь необычный продукт. Они превосходно обходились собственными средствами и употребляли для покрытия резонатора кожу удава или китайской змеи «хуэй». «Лимба, — пишет Рык, — духовой инструмент, форма и звуки которого напоминают флейту». Почему такая неуверенность? Лимба не напоминает флейту, а сама флейта несложной конструкции. Звукоряд старой лимбы, вопреки утверждению Рыка, не диатонического, а почти хроматического типа. Все дело в том, кто играет на этом инструменте. Опытный исполнитель, пользуясь различными способами аппликатуры (размещение пальцев на голосовых отверстиях) и «передувания», может извлечь из примитивной лимбы немалое число звуков. Бишхур не напоминает гобой, а является гобоем, причем самым крупным по размерам представителем семьи

гобоев, известных в Азии под именем сурнаев или зурн. «Звучит он резко, — жалуется Рык, — и тихо играть на нем почти невозможно». А откуда эта резкость? Почему тот же гобой (правда, усовершенствованный) так любим в Европе именно за свою разнообразную выразительность, свой нежный тембр и томную меланхолическую звучность? Все дело тут в приемах звукоизвлечения. Азиатский музыкант погружает трость бишхура (сурная) себе в рот, вдыхая и выдыхая воздух через нос и тростниковые язычки свободно вибрируют у него во рту. Это обстоятельство и делает звук бишхура таким однотонным, резким, гнусавым и обесцвеченным. Европейский же исполнитель непосредственно вдвухает воздух в инструмент, регулируя нюансы вдувания нажатием губ. Если бы бурят-монгольские музыканты воспользовались тем же способом звукоизвлечения, на бишхуре можно было бы играть тихо.

Оставляя в стороне вопрос о звукоорядах некоторых инструментов (Рык эти звукооряды, повидимому, никогда не исследовал и потому повторяет штампованные утверждения), отметим в заключение явную неграмотность: «Иючин, — рассказывает Рык, — щипковый инструмент» и вдруг добавляет: «звук производится ударами о струны тростниковыми палочками». Каждому очевидно, что если инструмент щипковый, следовательно, звук извлекается щипком струны, пальцем или плектром (медиатором). Если же звукоизвлечение связано с ударом, инструмент, конечно, не щипковый, а цимбальный, каковым иючин и является в действительности.

Лучшая работа сборника — статья Георгия Поляновского «Композиторы Бурят-Монголии». Коротко сообщив о предшественниках современных композиторов — улигерши (народных сказителях), автор останавливается на чрезвычайно полезной и плодотворной деятельности композитора Берлинского — крупнейшего исследователя и собирателя бурят-монгольского песенного фольклора, со скрипкой за плечами и палкой в руке исколесившего почти всю БМАССР, и молодого композитора Морошкина, музыка которого основана на под-

линных национальных бурятских мелодиях. Поляновский подробно описывает жизненный и творческий путь бурятского композитора Бау Ямпилова, делает попытку уловить черты его стиля, разобрать средства музыкального языка, приемов инструментовки. В этой статье мы находим то, чего почти нет в других статьях, — анализ бурят-монгольских опер и музыкальных драм.

Интересна статья Мэрдычеева «Изобразительное искусство Бурят-Монголии». Автор повествует в ней о мрачной роли, которую играли среди бурят-монголов шаманизм и ламаизм. Первый стремился консервировать, архаические формы искусства, второй — удержать его в узких рамках обветшалых культовых канонов, насытить народную орнаментку индо-тибетской и китайской религиозной символиккой. Буржуазные националисты также пытались насадить дацанское (монастырское) символично-мистическое формотворчество. Но лучшие художники народа не пошли за ними. Поклонники Микеланджело, Тициана, Рембранта, Репина, Сурикова, Серова, Левитана, они нащупали настоящий путь советского художника, путь к искусству реалистическому, близкому и понятному широким трудящимся массам. На их полотнах возникают образы гражданской войны, культурно-национального строительства родины, старого и нового быта, исторического прошлого.

Заключается книга информационной справкой Архинчеева «Бурят-монгольское театральное училище им. Чайковского».

Цель статей рецензируемого сборника — рассказать о пышном цветении и бурном росте нового революционного искусства БМАССР. Свое задание они выполняют: советский читатель видит, чувствует этот рост и радуется ему. А так как материал изложен живо и местами увлекательно, читатель с удовольствием прочтет сборник, тем более, что это — первая книга, освещающая вопросы, по которым до последнего времени ничего, кроме журнальных и газетных статей и заметок, на русском языке не появлялось.

Вл. Рудман.

СТИХИ ВЕЛИКОГО КАЗАХСКОГО ПОЭТА

Любовно изданная книга с первого же взгляда радует глаз, уводит обладателя ее в беспредельные степи, усыпанные цветущими тюльпанами, к пастушьим стойбищам, к тихим озерам, где звонок крик лебедей. Вы открываете книгу и первые же строки вас очаровывают глубиной мысли, высоким поэтическим мастерством, призывом к просвещению, равенству, труду и справедливости. Это — немеркнущие стихи великого Абая¹, зачинателя письменной казахской

поэзии, народного певца, общественного деятеля и мыслителя.

Абай родился в 1845 году в Семипалатинской области. Умер он в 1904 году и похоронен возле самой зимовки, в долине Жидевай. Он был сыном богатого феодала, старейшины Тобыктынского рода. Но в 28 лет, после многочисленных споров и стычек, он порвал со своим отцом и стал страстным обличителем богатых, ханжей, блюстителей жестоких родовых обычаев. Он обличал также чиновников, взяточников и предателей. Аул Абая стал в Казахстане центром прогрессивных людей того времени. У великого поэта месяцами жили по-

¹ Абай Кунанбаев. «Лирика и поэмы». Гослитиздат. 1940 г. 206 стр., цена 12 рублей.

литические ссыльные, бежавшие из «мест водворения».

Как общественный деятель и мыслитель, Абай формировался под влиянием учеников Н. Г. Чернышевского, отбывавших ссылку в гор. Семипалатинске. Среди них были Михаэлис, Долгополов, Гросс и Леонтьев. Знакомство с ними вскоре перешло в большую, крепкую дружбу.

С юных лет Абай полюбил поэзию — «воздаяние для души», постиг ее «высшую мудрость» и решил «истины сеять зерно». Он был отличным знатоком поэтов Востока — Фирдауси, Низами, Навои, Фазули, Саади, Хафиза и др. В молодости он подражал этим великим поэтам, переводил их на казахский язык. С его помощью казахи узнали величайшие творения поэтов Востока — «Шах-Наме», «Лейла и Меджнун» и др.

Но уже с юных лет Абай больше тяготел к Западу, чем к Востоку. Он знал произведения Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина и других русских классиков, Пушкина, Лермонтова и Крылова, любимых поэтов он много переводил на свой родной язык. Пользуясь русскими переводами, он познакомил казахов с Гете, Байроном, Дюма.

Воврав в себя культуру Востока и Запада, Абай обогатил казахский литературный язык и двинул поэзию на десятки лет вперед. Так он ввел одиннадцать новых стихотворных форм, неизвестных ранее акынам степей. Будучи талантливым музыкантом, Абай проявил себя и как оригинальный композитор.

Абай высоко ценил силу слова и гражданское значение поэзии. Он писал:

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых — я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Он «крушил невежд» чванливых и делал свой стих таким, чтобы им не могли восхищаться грабители, лгуны и бездельники. Он говорил:

Навек замолчки лучше ты, мой стих,
Если тобой они восхищены.

Он рассматривал свои стихи, как оружие.

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.

Против кого же Абай направлял свое «копье»? Ярче и сильнее всего он выразил свое политическое кредо в стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы»:

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину
Он квасит кожи и дубит их в ледяном сторожа;
Жена, бедняга, тклет чекмень, от холода чану;
И для ребенка нет костра, и в вурту дрожа.

И для ребенка нет костра, и в вурту
И улетучилось давно последнее тепло,

А старикам — совсем беда, ложись и
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет помирай:
И далее: зло...

...бай балованным сыном доволен без
На радость баю — он растет собакой, весь
Голодных сверстников своих стыдится
В нем жадность вора, кровь отца
Бай не поможет бедняку, зачем его
А если даст кусок — гляди, длинна у бая
Трудись, бедняк, проклятый долг
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в

Бай не поможет бедняку, зачем его
А если даст кусок — гляди, длинна у бая
Трудись, бедняк, проклятый долг
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в

Поэт боролся против многоженства, против калыма, унижавшего и оскорблявшего женщину. Он воспевал преданность любимой женщине. В стихотворении «Обращение жигита», изумительном по своей музыкальности и поэтической страстности, он писал:

Одной тебе моя любовь,
Одной тобою мир согрет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет..

Девушка отвечает жигиту такой же преданностью:

Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

Великолепны и мудры афоризмы Абая:

«Человек — дитя своего времени. Но, если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников».

«Грудящийся только для себя — уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для человечества».

«Гнев без воли — вдовец, ум без печали — вдовец, любовь без верности — вдова, ученый без последователей — вдовец».

Абай создал незабываемые картины степной жизни. Его пейзаж — прозрачен, светел и неповторим. Даже в переводе его стихи пленяют своим изумительным совершенством. Переводчики В. Рождественский, П. Шубин, М. Тарловский, Д. Бродский и др. сделали очень многое, чтобы донести до русского читателя всю страстность и музыкальность поэзии великого казахского певца.

Стихам предпослана статья Леонида Соболева «Поэт-мыслитель» и очерк Мухтара Ауезова о великом поэте.

Статья Соболева заканчивается следующими строками:

«Абай умер, примерно, в те годы, когда замолчал на пятнадцать лет другой гигант казахской поэзии — Джамбул. Джамбул залез в нозь, пробужденный к жизни силой социалистической революции. Джамбула знает весь советский народ, как певца счастья своего народа, возрожденного к

жизни. Пусть и голос Абая, певца страшного горя этого народа, прозвучит над всей советской страной, чтобы народы Советского Союза поняли, из какого мрака вырвала казахский народ Великая Социалистическая революция.

Достойный сын своего народа, великий поэт-гражданин, призывавший работать «для блага земных племен», для блага трудящихся, будет одним из самых любимых поэтов страны социализма.

А. Коптелов.

„ОТ КАЗАЧЬЕГО ЗИМОВЬЯ ДО СОВЕТСКОГО ИРКУТСКА“¹

Научный сотрудник архивного управления Иркутской области поставил перед собой благодарную задачу — дать для широкого читателя, в особенности для юношества, популярный очерк истории города Иркутска со дня его основания до конца гражданской войны. Автор — хороший знаток истории местного края, основательно использовал не только имеющуюся по этому вопросу литературу, но и архивные данные, неизвестные широкому читателю.

Историю города автор начинает с основания в 1652 году на острове Дьягем, на реке Иркуте, казачьего зимовья. На первой же странице автор приводит любопытные соображения монголоведа профессора Бобровникова о происхождении слова «Иркут». По мнению Бобровникова это название происходит от монгольского слова — эрги — ворочаться, кружиться, обходить, окружать. Вот почему буряты то место, где казаки построили зимовье, называли «эрку»: река Ангара около города делает дугу, там, вследствие узости русла, очень быстрое течение, течение производит впечатление водоворота в этом месте, там же, как раз, и вливаются в Ангару воды ее притока Иркуты.

Большой заслугой т. Кудрявцева является то, что он в своей книге при обсуждении вопроса о взаимоотношении местного бурятского населения с пришлым русским не пошел по проторенной бороздке, а, внимательно изучив исторические факты, дал более соответствующую действительности картину этих взаимоотношений. «Постройка Иркутской крепости, — пишет Ф. А. Кудрявцев, — в конце XVII века была вызвана различными причинами. Время было тревожное. Южная часть Восточной Сибири не раз подвергалась нападению со стороны монгольских и китайских ханов. Они нападали на русские заимки и бурятские улусы, убивали людей, угоняли лошадей и рогатый скот, угрожали воинскими походами на остроги. От набегов монгольских ханов сильно страдало бурятское население и буряты стали выступать против них вместе с русскими. В 1674 году монгольский тайша Гыган вторгся в Прибайкалье, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхнеленскому острогам. Малочисленные острожные гарнизоны, испытывавшие недостаток в оружии и военных припасах, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Тогда на помощь к ним пришли ангарские буряты, не мало

потерпевшие от монгольских набегов. С помощью бурят русские служилые люди вытеснили Гыгана в Монголию. В 1687 году в Забайкалье прибыл русский посол Федор Головин. Перед тем, как отправиться в Нерчинск для переговоров с представителями китайского правительства о русско-китайской границе, Головин решил обезопасить свой тыл от монгольских набегов. После ухода войск Очирой-хана в Забайкалье оставалось еще несколько монгольских тайшей со своими отрядами. Против них выступил Головин. Его вооруженные силы состояли из 2 тыс. стрельцов и казаков, а также бурятских и эвенкийских конников, которые «бились не щадя голов своих».

Как эти отношения непохожи на картины, которые рисовали историки-вульгаризаторы, имевшие слабое представление о ходе истории. Для них все было просто: хакасы, ойроты, бурят-монголы, эвенки, якуты беспощадно ограблялись царскими воеводами, купцами и духовенством. Они должны были платить непосильный ясаk. Частые восстания угнетенных народов жестоко подавлялись. Из этой схемы историки-вульгаризаторы дальше не выходят.

Военный период в истории этого края закончился установлением мирных отношений с Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. и Буринскому 1727 года. Тогда установлены были точные границы между этими государствами и определен порядок торговых сношений. В хозяйственном отношении край начинает быстро расти.

Экономике края в целом и Иркутска в частности автор уделяет довольно много внимания. Он отмечает преимущественно торговый характер города, говорит об эксплуатации национальных меньшинств чиновниками, купцами, духовенством.

Довольно колоритными были способы управления городом присланными из центра сначала воеводами, а затем петровского времени губернаторами. Но будет большой ошибкой видеть в этих методах управления что-то свойственное исключительно Сибири. Здесь наблюдались типические общероссийские черты. Даже в жалобах местных летописцев, выдержки из которых нередко приводит т. Кудрявцев, слышен тон щедринского глуповского летописца, который почти в тех же выражениях описывает неистовства своих градоправителей. Вот несколько примеров. Губернатор Жолобов, по словам местного летописца, «брал лихоимственные взятки, пытал безвинно и при попытках жег огнем». Другой — Плещеев, по характеристике безымянного «Нестора», был «в каштелярских делах несведущ,

¹ Ф. А. Кудрявцев. «От казачьего зимовья до советского Иркутска». Иркутск. ОГИЗ. 1940 г. 92 стр.

вспыльчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драд плетьюми и кнутом, приверженцев же своих постоянно угощал. Губернатор Немцев «употреблял непомерную строгость, чтобы брать более взятку». Ничего специфически сибирского здесь нет, это явление общероссийское. Сибирь это та же Россия, только продолженная на восток, но этот край был более отсталым. В Сибири XVIII и даже XIX века можно было легко отыскать черты Руси XVII века. Беззастенчивый грабеж какою-нибудь сибирского губернатора начала XIX столетия надо сравнивать не с методами управления его коллеги где-нибудь за Уралом, а с воеводой кормленщиком XVI века. На последнего, как известно, нельзя было жаловаться до тех пор, пока тот «с кормленья не съедет». Сибирские губернаторы установили нечто подобное, преследуя всякого жалобщика, вылавливая по дороге в Петербург «челобитчиков».

Много внимания, как и следует, уделил автор политической ссылке, культурному влиянию ссыльных на местное население. Первой значительной по численности партией политических ссыльных были декабристы. С декабристов начинается благотворное влияние политических ссыльных на культурное и политическое развитие Сибири. Беседы с декабристами расширяли кругозор сибиряков, знакомя их с естественным, физикой, географией, событиями политической жизни. Словом и примером декабристы знакомили сибирских крестьян с лучшими способами ведения сельского хозяйства и различными ремеслами. Знакомит автор книги и со следующими поколениями сибирской ссылки. Особенно интересны те места книги, где автор дает описание пребывания в иркутской ссылке товарищей Сталина, Молотова, Кирова, Фрунзе и Кудрявцева. Значительная часть этих данных взята т. Кудрявцевым из архивов и публикуется впервые. В иркутской ссылке тов. Сталин пробыл недолго, как известно, он был сослан в 1903 году в деревню Новая Уда, Балаганского уезда, но через месяц из места ссылки бежал. После революции 1905 года С. М. Киров от преследования полиции уезжает из Зап. Сибири и в течение нескольких месяцев живет в Иркутске под именем Бобылева, но жандармы напали на след Кирова и он уехал на Северный Кавказ, с которым, как известно, на много лет связал свою жизнь. Перед и во время империалистической войны в иркутской ссылке были В. М. Молотов и М. В. Фрунзе. Автор приводит выдержки из дел этих политических ссыльных, в которых дается их характеристика. Так, в деле тов. Молотова было сказано следующее: «Скрябин, определенный социал-демократ, большевик, исполнял поручения Ленина, с ним находясь в переписке». В последней главе книги — Иркутск в годы Октябрьской революции и гражданской войны — дается описание событий в крае и городе за период с 1917 года по 1920.

Таково в кратких словах содержание книги. Имеет книга и недостатки. Так, ав-

тор развитие школьного дела в Иркутске рассматривает в отрыве от развития системы народного образования в России в целом. Читателю книги непонятно — почему один вид школы заменялся другим, почему на смену народным училищам пришли гимназии и прогимназии. «Иркутск называли столицей Восточной Сибири, — пишет Ф. А. Кудрявцев, — но вид его был далеко не столичный. Из 1645 домов было только 53 каменных». Эти сведения относятся к первым годам XIX века. В другом месте мы читаем: «если в центре возникали новые каменные дома, где жили купцы и чиновники, помещались магазины, торговые конторы и канцелярии, то городская беднота попрежнему ютилась в жалких лачугах на окраинах города». Во-первых, деревянный характер Иркутска не представлял какого-либо исключения из других городов. До наполеоновского пожара сама Москва была в значительной своей части деревянным городом. Представлять же себе старый Иркутск, как город с каменными домами в центре, где «жили купцы и чиновники», с одной стороны, и кучей лачуг, с другой — было бы неправильным. В каменных домах в центре жили не купцы и чиновники, там были гостиницы, банки, магазины, склады, а купцы и чиновники жили в деревянных особняках с обширными дворами, службами, огородами и т. п., в условиях полудеревенской обстановки. Наличие этих домов-особняков отличительная черта всех русских городов старого времени и Иркутска в том числе. Город рос не ввысь, как западноевропейский, а вширь, это объяснялось низкой земельной рентой, земля в Сибири почти ничего не стоила.

Книга много проигрывает и в том отношении, что автор для истории Иркутска в XX веке ограничивает свой материал историей рабочего движения до 1917 г. Да и события до 1917 г. зачастую освещаются недостаточно полно. Так, например, революция 1905 года в Иркутске дана слишком бегло. Автор больше описывает общероссийские и общесибирские события, чем то, что происходило в Иркутске. Ни словом автор не упомянул о работе группы политических ссыльных в Иркутске в 1911—14 годах. А ведь в это время им, например, удалось поставить ряд газет левого демократического направления. В период гражданской войны история Иркутска богата событиями. Ведь город за это время был два раза ареной уличных боев, длившихся по несколько дней. О декабрьских боях 1917 года рассказано немного. Этот короткий рассказ вызывает много недоуменных вопросов. Например, удалось ли красногвардейцам отстоять «белый дом» или он был взят белыми? Еще более бегло рассказано о декабрьских боях 1919 года. Причем автор допускает ряд фактических ошибок. Так — семеновцы шли в Иркутск не из Читы, а со станции Байкал, никаких броневиков у них не было, семеновские отряды наступали не на самый город, а на ж.-д. станцию, которая от города отделена широкой и многоводной Ангарой. Партизанский отряд «дедушки» Каландара-

швили тогда не играл той роли, которую ему приписывает автор—это был малочисленный, а главное недисциплинированный отряд. Важнейшую роль сыграли в те дни черемховские, ангарские, илимские и верхоленские партизаны и дружины железнодорожников, находившихся под крепким руководством коммунистов (отряд Каландарашвили считал себя анархистским). В декабре 1919 г. в Иркутске был действительно малочисленный японский отряд, но ни французов, ни англичан в Сибири тогда уже не было. Нельзя считать малочисленным отряд чехов (как это делает т. Кудрявцев). Их в одном Иркутске было несколько тысяч, а всего по Сибири чехов было до 40 тыс. человек. Это была главная опора союзников в Сибири. Генерал Сычев, тогдашний командующий войсками в Иркутске, не семеновский, а кол-

чаковский, что не все равно. Довольно смутное понятие читатель получает из рассказа о роли в этих событиях эсеровского Политцентра. Эта роль была крупная, ведь Политцентру, после бегства из Иркутска генерала Сычева, в городе в течение 16 дней принадлежала высшая власть. Взаимоотношение большевистского Ревкома с эсеровским Политцентром на разных этапах борьбы автор не проследил.

Но, несмотря на указанные недостатки, книга является несомненно ценным пособием по истории Иркутска. Недостатки в книге с лихвой перевешиваются ее положительными данными: интересным изложением, разнообразием материала и новым подходом к некоторым историческим фактам.

М. Гудошников.

ЧТО ЧИТАТЬ О ГОРЬКОМ

Ленин В. И. Письма Ленина Горькому. Партиздат, 1936, 115 стр.

В сборнике 46 писем Ленина Горькому, относящихся к 1907—16 гг.

Крупская Н. А. М. Горький, 1868—1936 гг. М., «Советский писатель», 1936 г.

Десницкий В. В. И. Ленин и Горький. «Звезда», 1934, № 1.

Бялик Б. Ленин и Горький. «Звезда», 1938, № 3.

Роскин А. Максим Горький. Биографический очерк. М. Л. Детгиз, 1936, 127 стр. (Жизнь замечательных людей). Биографический очерк (для детей среднего и старшего возраста).

Воровский В. В. Сочинения, т. II. Подготовили к печати А. В. Луначарский и Н. Л. Мещеряков. М. Соцэкгиз, 1931 г., 150—222 стр.

Статьи: «Раскол в «темном царстве» (о пьесе «Мещане»), «О Горьком», «Максим Горький», «Две матери» («Мать» и «Василиса Железнова»), «Еще о Горьком» (полемика с критиками, писавшими об «упадке» таланта Горького).

Десницкий В. М. Горький. Очерки жизни и творчества. Л., «Худ. лит-ра», 1940 г., 364 стр.

В сборнике статьи: М. Горький нижегородских лет.—М. Горький на Капри.—В. И. Ленин и М. Горький.—М. Горький и Л. Андреев в их переписке. (К истории дружбы).—М. Горький и П. Якубович в 1900 г.—Из неосуществленных замыслов Горького.—Заготовки Горького к роману о каторжнике.—Историческое значение романа М. Горького «Мать».—Автобиографические повести М. Горького «Детство» и «В людях».

Груздев И. Горький и его время, т. I, «Худож. лит-ра», Л., 1938 г., 510 стр.

Капитальное исследование о жизни и творчестве А. М. Горького. В первом томе оно доведено до 1892 г.

Луначарский А. В. Статьи о Горьком. Подготовил к печати И. Сац. М., «Худож. лит-ра», 1938, 207 стр.

В сборнике статьи: «Дачники».—«Варвары».—«Горький на Капри».—М. Горький.—Максим Горький.—Писатель и политик.—В зеркале Горького.—На защите социалистической стройки.—Мировой писатель.—М. Горький—художник.—Самгин.—Максим Горький (предисловие к сочинениям).

Нусинов И. М. Горький, М. «Сов. литература», 1933 г., 359 стр.

В сборнике статьи: Ленин и Плеханов о Горьком.—Л. Толстой и М. Горький.—Художественный путь М. Горького (борьба с дворянско-буржуазной литературой). Художественная история расцвета и гибели русского капитализма: «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых».

Ермилов В. Мечта Горького. Основные идеи творчества. М., «Советский писатель», 1936, 194 стр.

Гуманизм Горького. Борьба за освобождение человека. Изображение труда в творчестве Горького («Трое», «Фома Гордеев» и др.). «Босаяцкий» цикл рассказов Горького. Образ Климса Самгина. Народ и родина в изображении Горького.

Пиксанов Н. К. Горький и фольклор. Л., «Худож. лит-ра», 1935, 79 стр.

Высказывания Горького о фольклоре. Использование фольклора в творчестве писателя.

Бугославский. Горький и русская народная песня. «Лит. критик», 1938, № 6. Пиксанов Н. К. Горький-поэт. Л., «Худож. лит-ра», 1940 г., 200 стр.

В книге собраны поэтические тексты Горького, проследены главные периоды и этапы в развитии поэзии Горького.

М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Под редакцией В. А. Десницкого. Л., Ак. Наук, 1934, 552 стр.

Среди материалов сборника статьи: Десницкий В. М. Горький и Л. Андреев в их переписке.—Переписка М. Горького с символистами.—Юновская Е. М. Горький и иностранные писатели (Гауптман, Б. Шоу).—Балухатый С. О литературных взглядах

М. Горького по его письмам 1911—1915 гг. к писателям. — Морачевский Н. «Весенние мелодии». — Балухатый С. Работа М. Горького над пьесой «Дети солнца». — Гиллиус В. Работа М. Горького над рассказом «Мордовка».

М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Под редакцией С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого. М.—Л., Ак. Наук, 1936, 484 стр.

В сборнике, среди других материалов, статьи к публикуемым письмам: Лейтнекер Е. М. Горький и А. Чехов в их переписке. — Ухмылова Т. и Голубев В. Переписка М. Горького с Ф. Батюшковым. — Голубев В. Письмо М. Горького к А. Ф. Кони. — Максимович А. М. Горький и Д. Я. Айзман. — Десницкий В. М. Горький и П. Якубович в 1900 году. — Касторский С. М. Горький и И. Бунин.

М. Горький на родине. Сборник воспоминаний о жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Составил Д. Елисеев, г. Горький, Обл. из-во, 1937, 344 стр.

Горький в Самаре. Рассказы, фельетоны, воспоминания. Составила бригада Куйбышевского отд. ССП, М., «Совет. писатель», 1938, 256 стр.

В сборнике напечатаны забытые рассказы и фельетоны Горького 1895 г., архивные данные о революционной деятельности А. М. Горького и воспоминания современников Горького.

Мышковская Л. М. Горький и Толстой «Лит. учеба», 1937 г., № 6.

Сергиевский И. Горький и Толстой, «Лит. критик», 1938, № 6.

Ермилов В. Горький и Достоевский, «Красная новь», 1940, №№ 4 и 5—6.

Сергиевский И. Горький и Чехов. «Лит. критик», 1939 г., № 10—11.

Его же. Горький и Блок. «Лит. критик», 1938, № 1.

Серебрянский М. Ранний Горький «Лит. учеба», 1937, № 6.

Его же. Горький — критик капитализма «Октябрь», 1937, № 3.

Ленюль Г. «Сильнее, чем Фауст», («Девушка и смерть»), «Мол. гвардия», 1938, № 6.

Касторский С. «Мать» А. М. Горького. «Лит. учеба», 1937, № 6.

Его же. Судьба «Матери» Горького и царская цензура. «Лит. современник», 1938, № 3.

Его же. «Ниловна», «Звезда», 1938, № 6.

Его же. К вопросу о положительном герое в творчестве Горького, «Звезда», 1938, № 3.

Дымшиц. Из темы о Горьком и народе (о «Городке Окурове»). «Красная Новь», 1936, № 9.

Бровиан Г. Писатель и жизнь (об автобиографических повестях М. Горького), «Знамя», 1936, № 11.

Эльсберг. Трилогия Горького и великие автобиографии прошлого. «Красная Новь», 1940, № 11—12.

Бялик Б. Конец предистории челове-

ства (о «Жизни Клина Самгина»), «Звезда», 1937, № 11.

Усиевич Е. Жизнь Клина Самгина, «Лит. критик», 1937, № 10—11.

Юзовский Ю. Драматургия Горького. М., «Искусство», 1939.

Статьи о пьесах и спектаклях «Мещане», «На дне», «Враги», «Дачники», «Варвары», «Дети солнца».

Нейман Б. Язык драматургии Горького, «Театр», 1937, № 3.

Бялик Б. Горький в борьбе с театральной реакцией. Л. М., «Искусство», 1938, 189 стр.

Театрализация жизни. — «Театр для себя» и «Театр упрека и мести». — «Лирика, с которой боролся Горький». — «Трагический балаган». — «Стилизованный кукиш». — Два театра импровизации. — Закрепощение актера. — Новаторство подлинное и мнимое.

Лаврецкий А. Социалистический реализм в понимании Горького, «Лит. критик», 1936, № 11.

Волков А. Литературно-эстетические взгляды Горького. «Знамя», 1937, № 6.

Четунова Н. — Горький и социалистическая эстетика. «Лит. критик», 1938, № 6.

Бялик Б. Эстетические взгляды Горького. Л., «Худож. лит-ра», 1939, 230 стр.

Преодоление фетишизма. — «Гуманизм природы». — Красота. — Эстетика и этика. — Эстетика и теория познания. — Труд — творчество — искусство. — Родоначальница книжной литературы. — Коллективное народное творчество. — Искусство и религия. — Возрождение героического эпоса. — Соединение реализма и романтизма. — Социалистический реализм.

М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Под ред. С. Балухатого, Л., Ак. Наук, 1937, 288 стр.

В сборнике письма М. Горького и А. Чехова; высказывания Чехова о Горьком в письмах; статьи Горького о Чехове и высказывания о нем в письмах и др. материалах.

Белкина Н. В творческой лаборатории М. Горького. М., «Сов. писатель», 1940 152 стр.

Язык и композиция ранних рассказов (Челкаш, Коновалов). — Эволюция художественного замысла (Валашская сказка). — Сюжет и образ (Фома Гордеев). — Горький и 9 января (очерк «9-е января»). — Работа над материалом в романе «Мать». — «Дело Артамоновых и история текста романа».

Груздев И. Современный Запад о Горьком (материалы к вопросу об оценке Горького в иностранных литературах). Л., «Прибой», 1930, 224 стр.

В сборнике статья Груздева И. — Горький в иностранной критике (обзор дореволюционной критики), перепечатки статей о «На дне», «Дело Артамоновых», «Мои университеты» из западноевропейской прессы последних лет, отклики иностранных писателей на 40-летний юбилей Горького и русская библиография на тему: Горький и Запад.

ПО КРАЯМ И ОБЛАСТЯМ СИБИРИ

НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКАЯ КИНОСТУДИЯ «СИБТЕХФИЛЬМ» В 1941 г.

Продукция студии художественных фильмов хорошо известна широкой публике. Точно так же знает и любит советский зритель кинохронику. Но далеко не многие знают о существовании еще одной отрасли кинематографии, выпускающей научно-популярные и научно-технические фильмы. На широком экране эта категория картин появляется сравнительно редко и, естественно, не пользуется такой популярностью, как художественные и хроникальные фильмы. А между тем это очень широкая, многообразная и чрезвычайно важная отрасль кинематографии. Четыре студии научно-технических фильмов (Московская, Ленинградская, Новосибирская и Киевская) выпускают каждый год значительное количество научно-популярных и научно-технических картин на самые разнообразные темы из области науки и техники. Эти картины используются в школах, вузах, техникумах и в производственных школах на предприятиях.

Киностудия «Сибтехфильм» в 1941 г. должна выпустить на экран 45 фильмов. В этом числе имеются фильмы географические, сельскохозяйственные, геологические, транспортные, медицинские, оборонные, фильмы на темы об угольной и металлургической промышленности. Из числа этих картин — 8 являются картинами широкого экрана, т. е. такими, которые будут демонстрироваться в кинотеатрах наряду с художественными картинами. Из этого числа 4 картины: «Стелющиеся сады», «Далматская ромашка», «В пустынях Средней Азии» и «Стахановцы высоких урожаев» будут выпущены в 1941 году; четыре картины: «Богатства недр нашей родины», «Кавказский государственный заповедник», «Колхозный агроном», «Наука в борьбе за высокие урожаи» начнут производством в 1941 году и закончатся в 1942 г.

Картина «Стелющиеся сады» строится на сибирском материале и ставит своей задачей показать работы и достижения сибирского мичуринца профессора Кизюрина. Большой интерес представляет фильм «Кавказский государственный заповедник», задача которого не только показать заповедник и его богат-

ства, но на материале заповедника вскрыть биологические процессы животного и растительного мира заповедника, показать научную работу сотрудников заповедника, раскрыть цели этой работы. Фильм должен быть художественным средством марксистского анализа жизни природы, средством показа методов научного воздействия человека на природу.

Картина «Богатства недр нашей родины» должна показать советскому зрителю, чем богата наша страна, какие неисчерпаемые возможности экономического расцвета таятся в недрах советской земли.

Картина «В пустынях Средней Азии» — научно-популярный очерк о природе пустыни и о том, как в условиях социалистического строительства пустыни перестают быть только пустынями, но и становятся местом плодотворного приложения человеческого труда.

Четыре остальные картины строятся на материале Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и имеют своей задачей показать успехи социалистического сельского хозяйства, победы советской сельскохозяйственной науки и передовых стахановцев колхозов.

Такова краткая характеристика фильмов широкого экрана Новосибирской киностудии.

Не меньший интерес представляет тематика научно-техническая. Четыре картины покажут передовую технику разработки угля как в Кузбассе, так и в других каменноугольных районах Союза. Три картины выпускаются на тему о черной металлургии. Четыре картины делаются по заказу Наркомата просвещения СССР. Из них особый интерес представляет картина «Нефть второго Баку», которая должна показать зрителю не только технику обработки и добычи нефти, но и происхождение этой «крови земли». Для раскрытия темы требуется громадная работа по макетным и комбинированным съемкам. Большой интерес представляет также картина «Эксплоатация пассажирских самолетов».

В настоящее время в производстве находится 13 картин. Шесть картин, перешедших с прошлого года, уже закончены производством. В прошлом году студия «Сибтехфильм» закончила производственный год удачно, завоевав переходящее красное знамя Комитета. Коллектив студии ставит своей задачей в дальнейшем повысить темпы

и качество работы с тем, чтобы и в этом году не потерять завоеванного первенства.

КЛУБ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ

Еще недавно работники искусств Новосибирска не имели собственного клуба. По решению Облисполкома бывшее помещение клуба работников народного хозяйства передано отделу искусств. Помещение это заново отремонтировано и переоборудовано. В нем имеется зрительный и выставочный залы, комната отдыха, буфет и другие помещения. Создается библиотека.

28 апреля состоялось открытие клуба. Работники искусств уже провели здесь первомайские вечера, прослушали несколько лекций: «Образ Ленина, созданный народным артистом СССР Щукиным в кинокартинах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «О положительном герое в советском театре», прочитанную ленинградским театроведом тов. Цимбал, и др.

16 мая проходило общественное обсуждение шекспировских спектаклей «Гамлет» и «Ромео и Джульетта», поставленных театром «Красный факел» и новосибирским ТЮЗом. Доклады о работе над пьесами Шекспира сделали режиссеры-постановщики: В. П. Редлих («Гамлет») и художественный руководитель ТЮЗа Э. Д. Фейертаг («Ромео и Джульетта»).

Намечено провести несколько творческих вечеров студентов третьего курса Новосибирского театрального училища, отчетный концерт ансамбля клуба имени Сталина, вечера поэта Ильи Мухачева и артистки государственной филармонии Мельниковой.

На вечере устной народной поэзии писатель А. Смердов прочитает свои переводы шорского и ойротского фольклора, выступит сказительница Рогожникова из Тогучинского района, хор русской народной песни коллектива Запсибзолото, собиратель устного творчества Капаев с народными сказками, записанными от отца, а также будут прочитаны произведения сказителя Халеева.

Из намеченных лекций большой интерес представляют «Культура эпохи возрождения» и «Основные вопросы марксистской эстетики».

НОВЫЙ ТЕАТР НОВОСИБИРСКА

Здание театра оперы и балета в Новосибирске построено. Оно уже стало архитектурным центром города. Всем знаком его монументальные формы: огромный чешуйчатый купол (самый большой в архитектурной практике Европы) и мощный портик с четырехугольными массивными колоннами. Как в сказке Андерсена, при рождении этого театра присутствовали разные феи, добрые и злые. Первоначальный проект был разработан представителями абстрактного и холодного конструктивизма. Потом его пришлось переделывать. Это наложило свой отпечаток на архитектурный образ здания.

Внутри театр уже тоже готов. Происхо-

дят последние отделочные работы и оборудование.

Великолепное впечатление производит зрительный зал. Он огромен: 2000 мест. Поклонники средних масштабов склонны усматривать в этом проявление гигантомании. С этим нельзя согласиться. Темпы роста Новосибирска поразительны. Скоро это будет город с полумиллионным населением. Жизнь театральных зданий измеряется не десятилетиями, а столетиями. Раньше люди среднего достатка шили ребенку широкое пальтишко «на рост», чтобы оно не стало ему тесно через пару лет. Эта мудрость должна проявляться и в градостроении.

Несмотря на свои размеры, зрительный зал не подавляет человека. Наоборот, он очень приятен, в нем есть теплота и уютность, как это ни странно звучит при его масштабах. Приглушенные тона фресковой росписи плафона и фриза выдержаны в благородном духе классицизма. В нишах, на фоне темного бархата, вырисовываются теплого оттенка статуи, хорошие копии с бессмертных образцов античной скульптуры. Эта светлая и торжественная нарядность зала будет сразу настраивать зрителя на тот несколько приподнятый лад, который, по словам Станиславского, необходим для восприятия искусства.

Когда смотришь сюда со сцены, зал представляется как единый массив зрительных мест, как одна огромная аудитория. Все театры старых эпох—сколок феодально-дворянского общества: ложи бельэтажа, ложи-бенуар, партер, балкон, галерея, раек. Целая классовая иерархия, в которой посетитель «галерки», разночинец, плохо одетый студент или приказчик, занимали последнюю ступень!

В новом театре Новосибирска зрители не отчуждены. Партер и огромный амфитеатр, облицованный полированным дубом, своим органическим единством хорошо передают демократический дух нашей эпохи.

Нарядно и главное фойе с его голубой росписью, голубым бархатом диванов и большими панно на темы оперы «Руслан и Людмила» и балета «Лебединое озеро».

Возражение вызывает только бюст Пушкина, который предполагается установить здесь в портале: работа грубоватая, недостаточно тонко передан одухотворенный облик поэта.

Сцена нового театра напоминает цех грандиозного предприятия. Вы как бы переноситесь в мир индустрии. Во всю высоту 16-этажного дома (48 метров!) колонники, огромные софиты и прочая сценическая техника. Площадь, равная 1000 кв. метров! В дни митингов здесь вместится 2000 человек (это, не считая зрительного зала). А какое здесь богатое поле, какие возможности для величественных постановок! Здесь можно представить феерически грозный полет валькирий в вагнеровских «Нибелунгах». Здесь во всю ширь можно передать драматизм массовых движений народа в операх Мусоргского. Через специальные пандусы по сцене могут промчаться автомобили и даже легкие танкет-

ки, если это потребуется по ходу действия.

Масштабы театра поистине огромны.

Главная бронзовая люстра плафона включает в себе целую подстанцию в 38 киловатт, 499 ламп, 12 тысяч хрусталиков. На оборку ее ушла целая зима.

Пемзо-железо-бетонный противопожарный занавес весит 87,5 тонны. Он напоминает крепостную стену в средневековом городе.

Имеется водяной занавес и 4000 спринклеров — особых металлических сосков. В случае пожара они без всякого вмешательства человека начнут автоматически заливать огонь сильными струями воды под давлением в несколько атмосфер.

Пройдет немного времени, и со сцены нового театра зазвучат богатырские силы хоры «Ивана Сусанина», блистательные увертюры «Кармен», бессмертные мелодии «Евгения Онегина».

Но для этого необходимо быстрее разрешить проблему формирования серьезного оперного коллектива для Новосибирска. Работать в таком театре сочтет для себя за честь любой серьезный художник музыкального искусства.

Открытие нового театра будет крупным вкладом в культурную жизнь Сибири.

НОВОСИБИРСКИЙ РАДИОДОМ

Когда в Новосибирске проектировался Дом науки и культуры (теперь — оперный театр), левое крыло его, выходящее на улицу имени Орджоникидзе, было предназначено для радиодома. Но до последнего времени строить эту часть здания не начинали, Заложен был только каркас.

Сейчас строительные работы возобновились. Радиодом будет представлять большое четырехэтажное здание объемом в 22 тысячи кубических метров. Под основные производственные помещения отводится третий этаж. Главная студия займет здесь площадь в 230 квадратных метров (она строится в два света, причем верхний свет выходит на четвертый этаж). Помимо главной студии на третьем этаже будет вокальная и две речевых студии, артистическое фойе, технический контроль, отдел выпуска и центральная диспетчерская, регулирующая работу студии и технического управления.

Первый этаж предназначен для административных и служебных помещений. Здесь же предполагается разместить нотные — музыкальную и вокальную, а также литературную библиотеки. На втором этаже будут находиться редакции радиокомитета, репетиционный зал и малая студия для камерных концертов небольших ансамблей. Площадь этой малой студии будет равна сегодняшней большой студии областного радиокомитета.

Четвертый этаж займут репетиционный зал для симфонического оркестра, запасные помещения для репетиций вокалистов и хранения граммотеки.

До конца года предполагается закончить основные строительные работы: кладку стен, внутренние перекрытия здания и проч. Внешнее и внутреннее оформление

здания будет закончено в будущем году, после чего развернутся работы по техническому оборудованию радиодома. Сдано в эксплуатацию здание должно быть в 1943 году.

Общая стоимость строительства и оборудования радиодома определена в 3 миллиона 100 тысяч рублей. В 1941 году на строительстве должно быть освоено 800 тысяч рублей.

При внутренней отделке здания радиодома будут использованы новейшие достижения техники. Так, чтобы повысить акустические данные, будет применяться специальная акустическая штукатурка, перфорированная конструкция стен и т. п.

НОВЫЕ КНИГИ НОВОСИБИРГИЗ'а

За четыре месяца 1941 года Новосибирское областное издательство выпустило 20 книг и брошюр общим тиражом около 150 тыс. экземпляров. По историко-революционным вопросам издательство выпустило книгу И. Зобачева, освещающую важнейшие события в Сибири в период первой русской революции 1905—1907 г. Яковлева — «Большевистское подполье в тылу Колчака», Кудрявцева — «Я. М. Свердлов в нарвской ссылке» и сборник исторических очерков об участии молодежи в гражданской войне в Сибири — «Первый призыв».

По социально-экономическим вопросам вышли книги: «Поиски месторождений полезных ископаемых» профессора Молчанова, «Машинист Луний» Кузнецова, «Салаир» Г. Малкина и М. Колобкова, «Бараба» В. Сеникова. Особенный интерес, как первоисточник в области истории и этнографии народов Сибири (хантэ и манси), представляет книга ссыльного украинца Г. Новицкого «Краткое описание о народе остячком». Книга написана автором в 1715 году.

На шорском языке напечатаны «Задачи союза молодежи» В. И. Ленина (перевод Кызласова), «Капитанская дочка» А. Пушкина (перевод Арбачакова) и другие.

По разделу художественной литературы вышло две книги: «Легенды и были» А. Мисюрева и «Маленьким о маленьких» Е. Стюарт.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ ГОРОДСКИХ ГАЗЕТ ОБЛАСТИ

Редакции городских газет Новосибирской области вводят в практику своей работы систематический выпуск литературных страниц из произведений местных начинающих поэтов и прозаиков. Так Анжерская городская газета «Борьба за уголь» в марте выпустила две литературные страницы, в которых помещены стихи и рассказы местных авторов: Попова, Шихтер, Худякова, Руденко, Артемьева, Далина, Резинкина и др.

Особенно много внимания местным начинающим поэтам и прозаикам уделяет редакция кемеровской городской газеты «Кузбасс». Из месяца в месяц, в течение двух

лет, газета выпускает литературные страницы, печатает стихи, очерки, рассказы местных авторов: Небогатова, Мошковского, Полозовой, Иванова, Фоменко, Цеханович, Качина, Масловой, Горина, В. Ключевого, Балбанова, Житных, Задоевко.

Литературные страницы «Кузбасса» отличаются разнообразием. Редакция не ограничивается показом произведений только местных авторов. Отдельные литературные страницы посвящены творчеству новосибирских писателей. Выпускаются литературные страницы для детей, состоящие из лучших произведений советских писателей. Кроме этого, газета «Кузбасс» помещает статьи на литературные темы, рецензии на последние номера журнала «Сибирские огни» и книги, выпускаемые областным издательством.

ОМСК

КАТАЛОГ ОМСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

В 1940 году музей изобразительных искусств в Омске выделился в самостоятельное учреждение из художественного отдела при областном краеведческом музее. Музей располагает одним из богатейших в провинции собранием художественных ценностей. В нем сосредоточено 3107 художественных предметов, в числе которых произведений живописи — 579, графики — 327, скульптуры — 63.

Особенно интересен в музее отдел русской живописи. В нем имеются оригиналы Репина, Серова, Левитана, Врубеля, Сурикова, Айвазовского, Куинджи, Шишкина, лауреатов Сталинской премии И. Э. Грабаря, М. В. Нестерова и многих других отечественных живописцев.

Менее богат оригинальными произведениями, но тоже достаточно интересен и отдел зарубежной живописи. Музей экспонирует оригиналы Гвидо Рени и Сальватора Розы, знаменитых итальянских художников XVII века; превосходных голландских живописцев Адриана ван де Вельде (XVII в.) и Исаака Остаде (XVIII в.), ученика Рубенса фламандца Давида Тенирса старшего и других, старинные копии Рафаэля, Тициана, Греза.

Отдел скульптуры представлен ценными мраморными и бронзовыми копиями и оригинальными произведениями знаменитых ваятелей. Очень богато и собрание фарфора в музее, оно насчитывает 1132 номера и располагает экспонатами русских и крупнейших западно-европейских заводов — Севра, Мейсене, Берлина, Веджвуда и др.

Интересен также и отдел графики. В нем имеются старинные гравюры, редкие рисунки и литографии.

«Каталог Омского областного музея изобразительных искусств», выпущенный в свет в апреле 1941 года, включает в себя все выставленные в залах музея экспонаты живописи, скульптуры и графики и часть произведений, находящихся в запасниках музея. Составлен каталог с учетом того, что пока не имеется специального путеводителя по музею, он может в некоторой степе-

пени заменить его. Посетитель, имея в руках каталог, сможет легко ориентироваться в экспозиции музея и получить необходимые сведения об экспонатах — копии ли это или оригинал, если копия, то где находится оригинал, время, в которое жил и работал художник, год исполнения работы, место, откуда получено Омским музеем экспонируемое произведение искусства, дата приобретения и т. д. В конце каталога имеется план музея.

Составлен каталог молодым научным работником музея Г. Н. Мосенцовым.

ОМСК НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

В этом году Омску исполняется 225 лет. Он был основан в 1716 году, как южный форпост на Иртыше против джунгаров и других кочевых народов сибирских степей. Город имеет богатое историческое и революционное прошлое. Сейчас Омск третий по величине город в Сибири. Но до сих пор по своему благоустройству он значительно отставал от других городов нашей страны.

Недавно Совнаркомом РСФСР был утвержден генеральный проект реконструкции города. Проект рассчитан на 15—20 лет и коренным образом изменит лицо Омска. Город пересечет параллельно Иртышу главная уличная магистраль. Трамвайное кольцо и ряд радиальных линий ликвидируют оторванность окраин города от центра. В центре города будут построены красивые здания: Дворца Советов, Дворца Труда, оперного театра, областного дома культуры. Планом намечено большое строительство культурных учреждений — 98 школ, ряда техникумов, вузов, областного и районных домов культуры, театров, цирков, клубов и т. п. Проектируется строительство большого физкультурного комбината с несколькими стадионами, водными станциями и спортивными залами, новое здание музея, библиотеки.

Территория Омска значительно расширяется. Во много раз увеличивается площадь зеленых насаждений.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Около 170 работ было представлено на выставке театральных художников, открывшейся в конце марта в здании Областного музея в Омске. Это первая областная выставка такого рода. Художники театров Омска, Тюмени, Тобольска, Ишима и Ялуторовска представили на нее свои макеты, эскизы декораций, костюмов, эскизы к постановкам. Выставка продолжалась до середины мая и пользовалась большим успехом у населения. Из выставленных работ особенно выделяются эскизы декораций к «Кремлевским курантам» и макеты к «Хозяйке гостиницы» Л. Г. Носкова и макеты к «Мадам Сан-Жен» И. В. Алексеева — художников Омского областного драматического театра. Интересны работы художника Ишимского колхозно-совхозного театра К. В. Словакова, весьма выразитель-

ны наброски художника Б. А. Овчинникова к пьесам «Маленький Мук» и «Каштанка» для театра кукол.

В выставке принимали участие и учащиеся театрально-декоративного отделения Омского художественного училища.

БАРНАУЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАДИОАЛЬМАНАХ

В первую субботу каждого месяца из Барнаула через Новосибирскую радиостанцию транслируется литературный радиоальманах краевого литобъединения.

В мартовском альманахе выступали: А. Киселева с рассказом «Врач», и со стихами: П. Кучияк, В. Чиликин и Г. Трофимов. Апрельский альманах был посвящен народному творчеству. Транслировались отрывки из сказа Уч-Пристанской сказительницы Анфисы Росляковой о Ленине и Сталине, а также ойротские народные песни и частушки о мастерах высоких урожаев — ефремовцах.

ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА В БИЙСКЕ

Третий год активно работает литературное объединение в Бийске. Члены объединения М. Востоков, Я. Почкутов, А. Наумов, И. Суханов, Н. Лопырев и другие печатаются в городской и краевых газетах.

В этом году объединение провело несколько творческих вечеров. На одном из последних вечеров присутствовало около 400 человек. Молодые поэты и прозаики читали свои произведения. Детский ансамбль песни и пляски и хор учительского

института исполнили песни, написанные местными композиторами и поэтами.

Сейчас молодые писатели Бийска приступили к сбору материалов о родном городе и его знатных людях для книги очерков к 25-й годовщине Октябрьской социалистической революции.

СКАЗКА Н. УЛАГШЕВА НА СЦЕНЕ ТЕАТРА

Ойротский писатель Павел Кучияк закончил работу над инсценировкой «Три сестры» — по сказке орденоснца Николая Улагашева. Из богато насыщенной песнями и яркими образами сказки драматург создал весьма интересное драматургическое произведение.

Инсценировка принята областным национальным театром.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РОМАНУ «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

В конце апреля Барнаульская краевая библиотека провела читательскую конференцию, посвященную роману сибирской писательницы Анны Герман «Возвращение». В конференции приняли участие около 150 человек.

Преподаватель учительского института тов. Иванов сделал доклад о творчестве писательницы. В выступлениях и письменных отзывах, которых библиотека собрала около восьмидесяти, большинство читателей отзывалось о романе положительно.

В день конференции вышел очередной номер стенгазеты «Голос читателя» с отзывами о книге Анны Герман.

В. БЕЛЬКОВ

25 апреля 1941 года в с. Кадниково, Мамоновского района, Алтайского края, умер поэт-колхозник В. Бельков.

В. Бельков родился 25 апреля 1877 года в селе Тамакульском, Камышловского уезда, Пермской губернии. Родители его, деды и прадеды были крестьянами. Деревня была захолустной, народ — темным. Среди родственников В. Белькова не было ни одного грамотного человека. Будущий поэт-крестьянин первым из огромной семьи пошел в школу. Но школа не пробудила в мальчике любви к книге. Окончив три класса, а в течение нескольких лет не брал в руки книг. Однажды он, уже став взрослым, с ужасом обнаружил, что «из четырех действий арифметики не знает ни одного», что писать совершенно разучился, чтение едва не забыл. Но тут, благодаря счастливой случайности, ему попала в руки «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Эта книга так заинтересовала его, что он не мог больше жить без книг ни одного дня. Пушкин пленил его своими гениальными творениями. Л. Н. Толстой стал для деревенского молодого человека одним

из самых любимых писателей. Это донеслось до попа. Когда Бельков пришел на исповедь, поп закричал на него:

— Я не буду тебя исповедать! Ты читаешь книги еретика Толстого. И не только сам читаешь, но и рассказываешь другим. Отлучу тебя от церкви.

Но угрозы попа не подействовали на будущего поэта. Бельков продолжал читать Л. Толстого и других классиков. Когда за три до своей смерти В. Бельков писал:

«Если среда деревенской тьмы и невежества не раздавила меня окончательно, то этим я обязан книгам, которые так полюбил до страсти».

В 1891 году семья Бельковых переселилась в Сибирь, в деревню Кадниково. Отец занялся плотничьим ремеслом, а будущий поэт — хлебопашеством.

Из всех минувших годов В. Белькову особенно запомнился 1903, оставивший глубокий след в его жизни. В воспоминаниях поэта мы находим такие строки:

«Лето 1903 г. выдалось на редкость ненастное. Дожди, начавшись весной, про-

должались все лето. К августу реки вышли из берегов, как в весеннее половодье. Земля разжила до того, что лошадь, даже на вековой целине, проступалась выше щетки. Травы и хлеба, желтея, тянулись в рост, но не вызревали. В половине августа пшеница все еще стояла зеленой, как луг. Жатва началась в сентябре. Машин тогда не было и в помине. Хлеб жали серпами, молотили, топча лошадьми... Дожди и ветры повалили хлеб почти до земли. Это сильно задерживало уборку.. Половина урожая осталась на корню зимовать».

Эта тяжелая картина потрясла Белькова и пробудила в нем поэта.

«Я задумался, — пишет он, — над жизнью вообще и над жизнью крестьянина в особенности. Чем больше я думал, тем сильнее росла потребность высказать кому-то, излить перед кем-то жалобы на несправедливость чью-то, а чью? Я этого сказать не мог. Под впечатлением стихийного бедствия, у меня явилось сильное, непреодолимое желание писать. Мне захотелось рассказывать кому-то, кричать о том, что вся жизнь крестьянина зависима от всякого рода стихийных бедствий.. В один из осенних ненастных вечеров я, под шум ветра и дождя за окном, начал писать первый раз в жизни. Почему не прозой, а в стихотворной форме — этого я объяснить не могу до сих пор».

Так появилось первое стихотворение В. Белькова. В нем он сравнивал крестьянина с раковым кустом. Ежегодно куст обламывают мальчишки, корзинщики вырывают лучшие побеги, к осени на месте куста остаются одни пни. Но проходит год — и куст снова зеленеет. Поэт переносит свой взор на деревню и спрашивает крестьянина:

Не ты ли веками насилия гнет
Сносил и живым оставался?
Не ты ли, крестьянин наш, жил, и вперед
Под натиском бурь продвигался?

Спустя девять лет стихи В. Белькова были напечатаны в барнаульской газете. Потом появились его стихи в одном из кооперативных журналов Сибири. До 1915 года, когда В. Бельков был призван на войну, стихи его часто можно было видеть в сибирской прессе. Перед самой войной

его имя промелькнуло на страницах альманаха «писателей из народа».

После революции В. Бельков печатался в барнаульских газетах и в журнале «Сибирские огни».

В 1931 году В. Бельков вступил в колхоз, организовавшийся в селе Кадниково. В колхозе В. Бельков был животноводом. Последние годы работал письмоноском.

До революции В. Бельков писал о тяжелой доле крестьянина-бедняка. В последние десять лет он посвящал свои стихи радостной жизни колхозника.

Поэт воспевал труд земледельцев, кузнецов, портных, сапожников. Еще до революции он писал:

Заводский, фабричный, пастух ли
с бичом —
Я всем им успеха и счастья желаю.

Поэт-колхозник говорил полным голосом:

Захочем — по-нашему будет!
Для нас не должно быть преград.

К теме труда он возвращался часто.

Честный труд стал постоянным,
Человек, герой труда
Стал гигантом-исполином
В наши славные года.

Стихи В. Белькова агитационны. Он работал в них за дружную работу в колхозе, воспевал Ефремова, чье имя было известно всей стране, славил колхозника-опытника Чуманова, собравшего около шестисот пудов пшеницы с гектара. Поэт звал колхозников приступить к такому труду, чтобы собрать не менее тридцати центнеров зерна с каждого гектара. Заканчивая свой призыв, поэт писал:

Для этого труд нам основа,
Задаток великих побед.
Мы выполним Сталина слово,
Для нас невозможного нет.

В. Бельков любил свой край, любил советскую землю, любил свой колхоз. Стихи В. Белькова, далеко не блестящие по форме, но богатые радостью труда, рождались в поле, как песня жаворонка. Это были стихи о ясном дне, о радости, обретенной в колхозе.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В четвертой и пятой книжках «Нового мира» опубликован, как видно из оглавления, мой роман «На-гора!» В конце текста редакция сообщает: «Роман напечатан в сокращенном варианте». Это неверно. Напечатан не сокращенный вариант романа, представленный автором и отредактированный работниками «Нового мира» в 1940 году, а главы из романа. Нарушив договор, редакция дала только одну линию Дымнова — Вари и то в изуродованном виде. Многие сцены, даже те, в которых рассказывается о подготовке стахановского рекорда, исключены, хотя еще не так давно работники редакции называли их лучшими в романе. Отдельные сцены перенесены в другие главы. Сокращения сделаны без учета связи повествования с теми сценами, которые редакцией опущены. Благодаря этому, у читателей, несомненно, возникнут десятки недоуменных вопросов. Но все это бледнеет перед тем, что я узнал за четыре дня до выхода пятой книжки «Нового мира». Редакция решила отступить от своего дурного правила не отвечать на письма и телеграммы и уведомила меня о бесцеремонных и нелепых переделках. Заведующий редакцией тов. Ю. Жуков писал мне: «Имя

товарища Якова заменено Петром. Это было сделано в последнюю минуту перед печатью, когда обнаружилось, что в романе другого автора, в первых листах, именем Якова назван человек из вражеского лагеря. Чтобы не получилось неловкости, редакция пошла на изменение Вашего текста без согласования с Вами. С опозданием приносим извинения». Роман «другого автора» — это «Юность Матвея» Ивана Арамилева. Там упоминается об извозчике Яше Ленкове. Все отрицательные качества его сводятся к тому, что он — пьяница и сквернослов. Яше отведено ровно десять строк. Его участие в романе ограничивается тем, что он произносит несколько слов о хлесткой ругани слобожан. И этого оказалось достаточно, чтобы объявить извозчика человеком «из вражеского лагеря», искалечить другой роман и поставить автора и журнал в неловкое положение. Редакция знала, что некоторые из сцен с участием товарища Якова в свое время были опубликованы в журнале «Сибирские огни» и что в отдельном издании, выходящем почти одновременно с пятой книжкой «Нового мира», товарищ Яков называется товарищем Яковым.

А. Коптелов.